

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ЕЛЕНА ПЕТУШКОВА

ПУТЕШЕСТВИЕ В СЕДЛЕ

ПО МАРШРУТУ «ЖИЗНЬ»

Елена Петушкова

ПУТЕШЕСТВИЕ

совершенное олимпийской
чемпионкой Еленой Петушковой
в сопровождении журналиста
Станислава Токарева

В СЕДЛЕ

ПО МАРШРУТУ
«ЖИЗНЬ»

Москва 2002

УДК 798.5
ББК 75.72.2
П 31

*В книге использованы фотографии
из Музея коневодства
и личного архива Елены Петушковой,
а также работы фотографов
Алексея Шторха
и Рустама Агасьянца*

*Художник
Милда Егиазарова*

ISBN-5-94464-029-4

© Е. Петушкова, текст, 2002
© М. Егиазарова,
макет и оформление, 2002

Но поражение от победы
Ты сам не должен отличать

Б. Пастернак

Коня!
Полцарства за коня!
У. Шекспир

Когда зовут серебряные трубы

Впервые книга «Путешествие в седле по маршруту "жизнь"» была издана много лет назад. Ушли с тех пор из спорта некоторые ее персонажи, иные покинули этот мир навсегда. Рано ушел из жизни Слава Токарев, замечательный журналист, писатель, влюбленный в спорт и спортсменов. Он знал об их возможностях столько, сколько, может быть, не знали они сами.

Но спорт остался. С его взлетами и падениями, накалом страстей и минутами глубоких размышлений о жизни. Здесь, в большом спорте, как в фокусе концентрируются острейшие жизненные ситуации и коллизии, здесь все заострено и обнажено до предела – ведь именно в минуты наивысшего напряжения до конца раскрывается сущность человека и он становится предельно честным в своих помыслах – хороших и дурных. Он оказывается способным на мужество самоотречения, отда-

ет все свои силы для победы товарища. И в то же время он может оказаться в плену у тщеславного «я», властно требующего победы любой ценой.

Это большой спорт, наивысшие достижения физической культуры, факел, освещающий человеку путь к познанию самого себя.

Физическая культура – неотъемлемый элемент культуры общечеловеческой. Без нее, массовой, всеохватной, невозможны достижения ни в одной области, она – тонус нашей жизни. Спорт – это вершина физкультуры. В его основе, так же как и основе науки и искусства, лежит творчество, но творчество особого рода, потому что объектом этого творчества служит сам человек.

Речь идет о совершенствовании физическом, о влиянии на духовное совершенствование – структуру личности, волю, характер.

Книга эта не только о победах и поражениях. Она о том, что спорт жесток к одиночкам, он – великая сила коллективизма. О том, что зрелище спорта помогает нам осознать единство народа, страны и даже человечества. О том, что спорт должен быть лишен прагматизма, что это преодоление, закалка характера, самоиспытание и самоутверждение. Книга о том, что спорт в идеале – честная работа.

Если читатель поймет это, ему станет понятней и ближе большой спорт, «трижды проклятый и трижды прекрасный», как сказал о нем великий конькобежец Евгений Гришин.

Рассказ начинается Елена Петушкова

Когда мне придется расстаться со спортом, я перестану ходить на соревнования. Не буду близко подходить к лошадям. Даже в цирке не стану бывать, чтобы не вдыхать знакомый и зовущий сладковатый запах конюшни. Слишком сильную это будет вызывать тоску, от которой нет лекарств, нет противоядия.

Прежде я искренне считала и говорила, что спорт для меня – всего лишь увлечение, по-новомодному – хобби, а основное в жизни – работа, но однажды обнаружила, что если и представляю для людей, для общества интерес, то прежде всего именно как спортсменка.

Вначале меня это даже шокировало – неглавное во мне заслоняло от людей главное. Но потом я поняла, что для меня самой нет здесь главного и не-

главного: то и другое – две половинки моего сердца. Наука и спорт – это вся моя жизнь, два мира, в одном из которых превалирует наслаждение разума, в другом – накал страстей, и они дополняют друг друга.

Когда это двуединство распадется – а это когда-нибудь произойдет, – я и стану даже издалека отворачиваться от лошади, чтобы не беречь душу.

Впервые в жизни очутившись в седле, я почувствовала себя хоть и неуютно – очень почему-то высоко над землей, – но терпимо. Однако лишь раздалась команда «Рысью ма-арш!», я ощутила сильнейшие толчки, непрерывно следовавшие один за другим. Седло вдруг оказалось необычайно скользким, и каждый следующий толчок заставлял меня сползать то вправо, то влево... Я было решила, что мой караковый Избыток вознамерился избавиться от меня и брыкнется наподобие дикого мустанга. Однако он всего-навсего двинулся вперед неширокой рысью. Во мне с подозрительным упорством росло желание очутиться на земле – не на четырех чужих, а на собственных двух ногах.

Но, как ни странно, я все еще была в седле.

Больше того – через несколько минут в движениях Избытка проступил для меня определенный ритм. Поймав его, я стала приподниматься на стременах, так сказать, через раз. Кажется, что-то начинало получаться.

Тренер смотрел на меня, как мне почудилось, с живейшим интересом. Я была уверена, что его вол-

нует только один вопрос: когда девчонка наконец свалится?

Но я ошиблась. Тренер подошел к маме и спросил, ездила ли я верхом раньше. Услышав, что не ездила, недоверчиво покачал головой.

А ведь я действительно была в седле впервые, и мои неожиданно обнаружившиеся способности по части посадки вряд ли можно было объяснить наследственностью – тем, например, что моя мама в годы своего детства, когда отдыхала на каникулах летом в деревне, любила ездить с ребятами в ночное, выменивая это счастье у местного мальчишки Васьки Котла за пустую жестянку из-под монпансье.

Я не питала особой склонности к спорту. Росла робкой домашней девочкой, несмотря на старания мамы сделать меня деятельной, независимой, умеющей давать сдачи. Помню себя в подъезде нашего дома в Старопименовском переулке, у пыльного окна. Мама отправляла меня гулять, а я осмеливалась выйти во двор, лишь когда не было риска столкнуться с мальчишками – существами другой породы, непонятными, шумными и опасными, которые при случае могут расквасить тебе нос или отобрать санки. Если же риск был, я предпочитала, томясь от безделья и скуки, простоять положенный для гулянья час в подъезде и вернуться потом к любимым книгам.

Я читала запоем. Когда родители гасили свет, читала под одеялом с фонариком. Меня привлекали серьезные, «взрослые» книги и в то же время Майн Рид, Фенимор Купер, Дюма. Мне хотелось уметь

стрелять, фехтовать, ездить на лошади. Так называемые чисто женские занятия – шитье, вышивание, вязание на спицах – меня никогда не притягивали и до сих пор вызывают раздражение, хотя я не принадлежу к нетерпеливым натурам. Но мечты о лихих мужских делах были пассивны: я играла гаммы на рояле, получала, начиная с первого класса, похвальные грамоты и скрывалась от шумного мира в подъезде.

Моя нелюбовь к прогулкам усиливалась от убеждения, что это неинтересное, бесполезное времяпрепровождение и от него надо любым способом избавиться... Оставляя папу, маму и бабушку в приятном заблуждении, что ребенок дышит свежим воздухом, я отправлялась прямым сообщением в школу, в какой-нибудь кружок: биологии, химии, физики, математики...

Одно время самым заманчивым для меня был кружок драматический. Я играла главную роль в сцене из повести Гайдара «Школа»: на мне были синие лыжные шаровары, а тогдашние мои длинные толстые косы спрятаны под старую кепку, в которой папа ездил на рыбалку.

Толстая девочка из соседнего класса по прозвищу Понька изображала кадета: как Арлекин, лупила меня по голове бумажной палкой, и я, как Пьеро, валилась за кулисы.

Моя артистическая карьера завершилась тогда печально. В шестом классе мы учили на украинском языке стихотворение Шевченко «Заповіт»; преподавательница литературы пришла к выводу, что я декламирую его выразительно и с чувством, и рекомен-

довала меня в программу концерта для избирателей. Я смело вышла к краю сцены, перевела дыхание и начала: «Як умру, то поховайте мене на могили...» Публика сосредоточенно молчала, очевидно проникнувшись серьезностью темы. И вдруг я почувствовала, что зал меня словно гипнотизирует, я не помню дальше ни строчки. После маленькой паузы я снова произнесла: «Як умру, то поховайте...» И опять – стоп. У меня ноги одеревенели. Послышались смешки. «Як умру...» – в третий раз пролепетала я и под обихот хохот оцрометью кинулась со сцены.

Этот эпизод можно было бы не вспоминать – он похож на многие, описанные в рассказах для детей и о детях, но я привожу его в качестве иллюстрации одной из черт своего характера. Я немало страдала от того, что мне трудно было входить в контакт с людьми, выступать в аудитории, вообще говорить что-то на людях. Отчасти причина моей тогдашней застенчивости – повышенное, болезненное самолюбие: я боялась, что сказанное может быть сочтено недостаточно умным.

Помню свои муки на еженедельных заседаниях нашей кафедры биохимии МГУ – это когда я уже стала аспиранткой. На заседаниях обсуждали чью-нибудь работу и каждый мог задать вопрос или высказать свои соображения.

У меня были соображения, но я молчала, не умея себя преодолеть, и когда однажды решилась, голос дрожал, все внутри дрожало, на глаза наворачивались слезы.

Первый шаг – всегда самый трудный. Смелость нужна не только для того, чтобы преодолеть свою

робость. Она нужна в науке, чтобы доказывать и отстаивать идеи, не бояться ошибок.

Этой смелостью, умением преодолевать себя я целиком обязана спорту. Он научил меня владеть собой, своими эмоциями: стрессовое состояние вообще присуще спорту, естественно для него. Когда я была начинающей спортсменкой, то даже маленькие соревнования настолько выводили меня из равновесия, что я переставала спать по ночам за три дня до старта, а выступление заканчивалось слезами где-нибудь в деннике, своего рода эмоциональной разрядкой. Сейчас я сохраняю полное самообладание даже во время чемпионатов мира.

Волнуюсь ли я при этом? Безусловно, самообладание не синоним спокойствия, оно лишь не дает прорваться излишнему волнению, оставляя хозяином положения не эмоции, а разум.

Излишнее волнение – это рассредоточенность, а конкретность цели, присущая спортивным соревнованиям, заставляет сосредоточиться и, следовательно, совладать с волнением. Я, например, всегда волнуясь, когда надо выезжать в манеж, на старт. Но я знаю, что мои ощущения передаются лошади, что мои действия могут отличаться от тех, к которым лошадь привыкла на тренировках, и она, значит, станет иначе на них реагировать, она в состоянии поступить непредвиденно. Следовательно, я обязана взять себя в руки, и эта главная мысль, этот приказ, отданный себе, вызывает нужную волевую концентрацию.

Но наукой давно установлено – и это знают на собственном примере артисты, профессиональные

декторы, спортсмены, – что, когда ты не взволнован, когда слишком спокоен, это не к добру. Отсутствие должного подъема, накала мешает показать все, на что ты способен. И если ты не взволнован, то не взволнуешь аудиторию, не найдешь с ней контакта. Если ты не взволнован, то не выступишь в соревнованиях чуть лучше, чем в принципе ты способен, но ведь это «чуть» и приносит победу.

...Актрисой мне пришлось ощутить себя еще раз – много позже, на втором курсе университета. В Москве был впервые организован мюзик-холл, и для программы «Когда зажигаются звезды» понадобилась лошадь.

К нам в клуб обратились с этой просьбой, сказав, что, если лошадь сможет немного потанцевать, будет неплохо, а еще лучше, если в придачу к ней дадут всадника.

Программу вели известные эстрадные актеры Лев Миров и Марк Новицкий. Они играли в «живые шахматы». Миров, естественно, проигрывал и в закатывистости кричал: «Дайте мне коня, и я выиграю!» Неожиданно ему выводили живого коня – мою тогдашнюю темно-шоколадную кобылку Каплю с крупом, расчесанным в виде шахматной доски (эти шашечки делаются просто: мокрой расческой надо водить по шерсти в двух противоположных направлениях). Дальше следовала забавная сцена, потом Миров подставлял к лошади стул, залезал в седло и удалялся скрючившись, но торжествуя победу. Потом объявляли: «Высшая школа верховой езды! Вы-

ступаст студентка МГУ Елена Петушкова». Капля исправно совершала пару пируэтов, менку ног и пасаж, а у меня над прической «конский хвост» колыбался огромный голубой бант – такое было режиссерское решение.

Мои «гастроли» продолжались девять дней. Дальше начались занятия, мюзик-холл уехал, а программа ничего не потеряла: в других городах Минову выводили местного упряжного сивку. Я до сих пор храню номер журнала «Цирк» с рецензией, в которой написано: «Спортсменка, наверное, не худо действует в манеже конноспортивной школы, но на сцене выглядит неинтересно».

Из всех моих многочисленных детских увлечений одно прочнее всего проросло во взрослую жизнь – увлечение животными. Это у меня от родителей, но им же приходилось и страдать – они оказались подлинными жертвами «зоологических страстей» дочери.

В восьмиведерном аквариуме, несмотря на множество прочитанных книг, было невозможно установить биологическое равновесие: улитки размножаться не хотели, гуппи очень хотели, и от них никак нельзя было избавиться, ценные и редкие рыбы имели подозрительную склонность быстро подохнуть.

Затем семья двинулась вверх по систематической лестнице живых существ, перейдя к более высокоорганизованным – в доме появилась черепаха. Она любила, когда ей чесали шею, и поражала тем,

что не хотела спать зимой. Это вызывало дополнительные трудности – надо было выращивать для нее салат. Однажды на Новый год я скормила ей три свежих огурца из пяти, преподнесенных нам как редкий в то время деликатес. Потом мы узнали, что причинами бессонницы черепахи были хорошее питание и теплая батарея, под которой мы ее поселили.

Вслед за черепахой появился лисенок. Очаровательное создание, озорное и нахальное, по кличке Лизка. Была она воровата, любила стращать на даче соседских кур и кроликов, причиняя нам всяческие неприятности. Поразительно умела прикидываться умершей: обмякала, закатывала глаза, и ее можно было поднимать вверх за лапы – голова и хвост бессильно свисали. Что с ней ни делали, все было бесполезно. Только решив, что достаточно нас напугала, она оживала и принималась носиться по комнате.

Осенью, когда Лизка выросла в настоящего зверя, мы унесли ее подальше в лес и отпустили и только позже узнали, чем был чреват наш легкомысленный поступок. Пожив в обществе человека, дикие животные теряют способность приспосабливаться к жизни, естественной для сородичей, и быстро погибают. Именно поэтому знатоки природы настоятельно рекомендуют не вмешиваться, если вы вдруг увидите в лесу птенца, выпавшего из гнезда, зайчонка, который, как вам кажется, остался без мамы. Без вашего вмешательства у животного больше шансов выжить, нежели после того, как вы подержите его у себя дома и потом отпустите.

После Лизки пришла очередь фокстерьера Джолли. Он доставлял много забот и хлопот, но опять-таки не мне, а родителям.

Мне не хотелось, чтобы строгий читатель решил, что в детстве меня баловали, потакая всем прихотям. Родители прекрасно знали, когда надо сказать «нет», и говорили это достаточно твердо.

Но они поощряли тяготение детской души ко всему живому, понимали, что общение с четвероногим существом, нашим младшим братом, делает нас добрее и мудрее.

В глазах людей, не любящих животных или никогда не имевших с ними дела, все «собачники» и «лошадники» немножко ненормальны. С их точки зрения, хлопоты собаководов (на этом примере мне легче выразить свою мысль) просто чудачество и блажь. Бывает, посетуешь, что не можешь всей семьей уехать в отпуск, потому что не с кем оставить собаку, а тебе в ответ: «Отнесите в ветполиклинику, там ее усыпят, и вся недолга». Мороз по коже от такого совета.

Иные городские «заботливые» родители воспитывают в детях боязнь животных, неприязнь к ним: «Не подходи к собаке – укусит», «Не трогай кошку – заразы наберешься». И вот «обработанный» таким способом ребенок при виде животного ревет, как пароходная сирена, прячась за мамину юбку, или, наоборот, родители удивляются, откуда вдруг в ребенке черствость, жестокость, даже садистские наклонности.

Когда живешь в большом городе, порывается непосредственная связь с природой. Но природа мстит

за пренебрежение к себе. Жалости достоин тот, кто утратил связь с природой и не стремится вновь обрести ее. Он сам не сознает, как беден духовно.

Но не одной только тягой к природе объясняется желание завести, например, собаку или заняться верховой ездой, сделавшейся сейчас чем-то вроде моды.

Почему человеку дорого животное, которое он приручил? Отчасти потому, что нам дорого все, во что вложены наш труд, любовь, страсть. Любимое дело – частица тебя самого.

Однако это не единственная причина. Живое существо сторицей платит за заботу, а радость общения с ним от того, что оно тебя понимает, что любит бескорыстно, заставляет забывать обо всех трудах. Животное не умеет предавать, быть подлым. Оно твой друг до последнего дыхания.

Лошади – прекрасные, благородные создания. Человек, способный чувствовать красоту, не может оставаться к ним равнодушным. Джек Лондон писал, что нет такого преступления, на которое не пошел бы мужчина ради женщины, лошади и собаки.

Сказано чересчур сильно, но зерно истины в этом конечно же есть...

Для удовлетворения этой тяги иному человеку, приобщенному к миру «лошадников», не обязательно иметь свою лошадь или участвовать в соревнованиях. Ему достаточно жить в этой атмосфере, дышать этим воздухом, и он будет счастлив. Помню, я случайно услышала разговор двух мужчин. Один, бывший конник, давно уже сам не выступал, но по должности был связан со спортом. Возраст его приближался к пенсионному, и он сказал своему себе-

седнику, что ему предлагают хороший пост на свежем воздухе. Директором санатория. И второй изумленно, гневно воскликнул: «Неужели же ты на какой-то санаторий променяешь лошадей?»

Итак, если большой спорт – это большая страсть и страсть к животным – большая страсть, то какой же она становится огромной, сливаясь воедино в конный спорт!

Преданность конника лошадям и всему, с ними связанному, можно сравнить с преданностью моряков морю и летчиков небу.

Я училась в девятом классе, когда увидела на улице объявление, что в Сокольниках организуется прокат лошадей.

Мой опыт верховой езды ограничивался осликом в зоопарке – по кругу. Но и этот круг был для меня огромным, ярким переживанием.

Объявление я прочла и ввиду некоторой пассивности характера и робости восприняла его абстрактно: ах, мол, хорошо бы... Тут же, конечно, появились сомнения: а вдруг надо мной станут смеяться, а вдруг там одни мальчишки? Конечно, только мальчишки...

Но загорелась мама: «Давай ездить вместе!» – и за маминой спиной я, естественно, почувствовала себя спокойнее.

Публика собралась разная – не только мальчишки, но и девочки, и взрослые тоже.

В нашей группе был инженер, гримерша с «Мосфильма», был слесарь – он пришел с сыном, и этот мальчуган, Гена Самоседенко, стал впоследствии

членом сборной страны по преодолению препятствий. Вышел тренер, вынес большой фанерный лист с кличками прокатных лошадей. Эти клички оказались мне странными, экзотическими. Я не знала тогда, что в имени лошади должна быть первая буква имени отца и первая буква имени матери. Например, Пепел звался так (хотя был не серым, не пепельным, а вороным), потому что его отец – Пилигрим, мать – Полынь, Абакан – от Абсента и Алушки.

В тот первый раз, как я уже говорила, мне достался караковый кабардинский конь Избыток, и я неожиданно для себя поймала ритм его рыси.

Прокатные лошади – существа особого рода, опытейшие и хитрейшие создания. За долгие годы общения с людьми они обстоятельно изучили «гомо sapiens» и не без оснований пришли к выводу, что обвести его вокруг пальца – ну, скажем, вокруг копыта – дело довольно простое.

Как только в седло садится человек, берущий с особым шиком поводья и хлыст, лошадь уже знает, с кем имеет дело. Если его наигранная уверенность – только поза, если это новичок, то будьте спокойны: через несколько минут вид у него будет жалкий.

Он пытается заставить лошадь перейти из шага в галоп, но ей этого страшно не хочется. Он дергает повод, бьет ее пятками, хлыстом, кричит – лошадь неподвижна. Она не нервничает – она чувствует себя хозяйкой положения. Стоит себе в центре манежа, пока тренер не хлопнет бичом. Тогда все прокатные лошади бросаются в стороны, делая вид, что ужасно испуганы, и новички сыплются с них, точно спелые груши.

Интересно, что лошади чувствуют не силу всадника, а именно опыт, и скорее слушаются маленькую и слабенькую, но умеющую ездить девочку, нежели сильного, здорового, неумелого парня.

Помню, в Цахкадзоре перед Мексиканской олимпиадой мы по вечерам ездили на лошадях на прогулку в горы. Однажды нас упросил взять его с собой известный борец-полутяжеловес Борис Гуревич, могучий атлет с великолепной фигурой: он позировал Вучетичу для знаменитой скульптуры «Перекуем мечи на орала», стоящей перед зданием ООН в Нью-Йорке. Ему дали многоопытную пятиборную лошадь, он взобрался на нее, а я, сидя на Пепле, взяла повод и повела за собой. Однако, когда мы проезжали мимо столовой, где всегда было довольнолюдно, Борино самолюбие выиграло, и он потребовал повод. Лошадь тотчас встала как вкопанная. Я сказала: «Дави ее ногами». Боря сжал бока могучими ножищами – никакого впечатления. «Бей пятками!» Звук был как на барабане – результат тот же. Кончилось тем, что лошадь преспокойно отвезла бедного Боря к себе на конюшню.

Меня, кстати, всегда удивляет упорное стремление лошадей отправиться домой. Казалось бы, стоя двадцать два часа в сутки в тесном деннике, они должны радоваться возможности поразмяться. Но даже самые молодые и энергичные очень неохотно идут от конюшни, а назад всегда готовы нестись во весь опор. Если дать лошади одной, без всадника, побегать в манеже, то после десяти – пятнадцати минут дикой скачки, прыжков и вставания на дыбы она успокаивается и тотчас устремляется в свой денник.

Итак, я увлеклась конным спортом. Вернее, спортом это для меня не было – просто нравилось ездить верхом. Я приобрела в Военторге шпоры: только их не хватало для полного счастья. В те годы кавалерия еще существовала как род войск, и шпоры продавались свободно.

Правда, в Сокольниках моя обнова вызвала реакцию не уважительную, а насмешливую: мне объяснили, что так – колесиками вверх – шпоры носил князь Юрий Долгорукий, а в двадцатом веке носят колесиками вниз...

Раздобыла книгу «Учись ездить верхом» знаменитой спортсменки А. М. Левиной. Таскала ее с собой в школу, и однажды учительница географии потребовала положить ей на стол то, что я читаю, а заодно дневник. Это ввергло меня в полную панику: даже обыкновенная четверка была для меня трагедией, а замечание в дневнике граничило с катастрофой. Но брошюра о верховой езде, отобранная у тихони, столь изумила географичку, что наказания я избежала.

В конце первого года обучения я выполнила норму третьего разряда по преодолению препятствий. Правда, такой результат зависел больше от лошади, чем от всадника, – хороший, опытный прыгун сам все мог проделать, без понуканий. А мне, к счастью, достался могучий вороной Баркас, которому было уже шестнадцать лет, но он продолжал верой и правдой служить в учебной группе. Он вихрем пронес меня через все невысокие, девяностосантиметровые препятствия.

Вечером мы с мамой открылись папе, который очень боялся за меня и решительно возражал против этих моих занятий. Он был слегка рассержен, но в то же время горд за дочь.

До этого момента, как я говорила, спортсменкой я себя не ощущала. Спорт как таковой не признавала вообще, физкультура в школе была самым моим любимым предметом. Физической выносливостью не обладала – разве что неплохой координацией: прилично играла в пинг-понг, плавала, гребла. Когда позже, в МГУ, сдавала норму ГТО по лыжам, преподаватель рекомендовал мне заняться гонками всерьез: «У вас очень правильная техника».

Но вот, получив третий разряд, я испытала счастье и гордость. И произошел перелом. Прежде все, что я делала, сидя в седле, было выполнением посильных заданий. Но, видно, количество перешло в качество – в меня вошел спорт. Крохотный, в общем-то, успех породил ни с чем не сравнимое ощущение полета души, когда грудная клетка словно расширяется и ты как воздушный шарик – ты летишь.

Второй раз я чувствовала такое, когда стала чемпионкой мира.

Во мне нет жажды победы. Она для меня не самоцель, а награда. Я просто каждый раз стремлюсь показать свой труд, «товар лицом» – все, на что способна, и еще чуть-чуть. Когда это удастся, я могу быть счастливой, даже не заняв высокого места, а победы – самые крупные, разумеется, – содержат для меня всегда элемент неожиданности.

Это не только в спорте – это и в научной работе, во всех моих делах. С детства я воспитана в строжай-

ших принципах добросовестности, тщательности, терпения, и эти качества подошли именно к моему виду спорта, к выездке, об особенностях которой я еще расскажу.

С первого по восьмой класс я занималась музыкой, и, честно сказать, не очень любила это занятие. Вначале маме приходилось сидеть возле пианино, когда я играла гаммы и этюды. Только став взрослой, я оценила ее усилия. Сейчас у меня мало свободного времени: может быть, два-три раза в год удастся положить руки на клавиши, но когда звучит музыка и на сердце становится легче, я с благодарностью думаю о маме.

Усидчивость, очевидно, черта не только врожденная. Усидчивость вырабатывается в детские годы путем непрерывной тренировки, и в первое время необходим контроль со стороны взрослых. Контролировали и меня. Но это был не тот контроль, когда у тебя стоят над душой, теряя самообладание и терпение от малейшей твоей неточности, видя в ошибке чуть ли не крушение семейных надежд...

Говорят об эгоизме ребенка, а разве нет родительского эгоизма? Разве поступки родителей не диктуются подчас их честолюбивыми устремлениями? Разве не этим вызываются решения «семейных советов», идущие вразрез с желаниями, способностями, характерами детей?

Да, мама сидела рядом со мной возле пианино, пока я не привыкла к занятиям музыкой. Сидела рядом во время приготовления уроков в первые школьные годы. Но я вспоминаю это как ее соучастие в нашем общем с ней интересном деле. Это дело было для ме-

ня тем значительнее, чем серьезнее относились к нему взрослые: ведь и папа, посвящавший мне крохи свободного времени, которые у него были, считал мои маленькие школьные проблемы не менее ответственными, чем свои важные служебные дела.

Мама начала работать с четырнадцати лет и очень тяготилась тем, что вынуждена была сидеть дома. Это была ее жертва мне и папе. Домашняя работа однообразна, неблагоприятна, бесконечна. Но мама твердо решила, что папа ни о чем не должен заботиться, кроме службы, я – кроме учебы. Я была избавлена от хозяйственных хлопот, хотя это не сделало меня белоручкой: своими делами я занималась с усердием и прилежанием.

Но никогда, ни за что я не добилась бы того, чего добилась, если бы не мамина забота, папино доверие и тепло, та атмосфера любви и понимания, которая царила в нашем доме.

Жаль, что осознание этого приходит только с годами. Страшно, если приходит оно слишком поздно или не приходит совсем.

РАССКАЗ ПРОДОЛЖАЕТ СТАНИСЛАВ ТОКАРЕВ

Английское понятие «Self made man» (человек, создавший себя) применимо к Елене Петушковой – чемпионке мира и Олимпийских игр, кандидату биологических наук, старшему научному сотруднику МГУ, заместителю председателя Национального олимпийского комитета СССР, председателю комитета «Советские спортсмены за мир» – в высшей степени.

Собственно, каждый выдающийся спортсмен – ваятель своего тела и духа, каждый (по А. С. Пушкину) «усильным, напряженным постоянством... достигнул степени высокой». Путь к вершинам спорта требует напряжения именно постоянного, оно же предполагает, как правило, мощь и широту натуры, которая как парус и вихрь честолюбия, бьющий в этот парус. Среди мальчишек и девчонок будущие чемпионы обычно вожаки, и сверстники принимают их главенство не столько потому, что они сильней, сколько потому, что властней и азартней.

Но как нам совместить это все с девочкой, робко забившейся в угол подъезда, откуда выглядывает она, терпеливо карауля, когда унесется куда-нибудь стая дворовых сорвиголов и можно будет бочком-бочком пробраться за ворота, чтобы чинно, с бантом в косице, отправиться в кружок химии или, скажем, драмкружок?

Впрочем, стоп, говорю себе, стоп. Есть в описанной картинке иное, открывшееся мне в одном из разговоров с Леной. Началось с вопроса, чем ей ми-

ла рыбная ловля – занятие скорее мужское (правда, насколько мы уже знаем, такие традиционно женские занятия, как шитье, вышивание, вязание, ей милы никогда не были). Лена ответила своей как всегда мелодичной и плавной фразой о том, сколь блажен и умиротворяющ отдых над водой.

...Люблю ее обстоятельную речь, порой академическую, порой тургеневски поэтичную («Буйный осенний ликующий клен, весь золотом пропитанный...»), порой изысканную – из моих знакомых только она может на предложение написать статью откликнуться прелестно старомодным «почту за честь».

И это не поза, это естественно, как всегда естественно Лена.

Но я – о рыбалке. Я спросил, содержит ли она для Лены элемент азарта, и она ответила, что иначе и ловить бы не стоило. И далее, углубляясь в самоанализ, – занятие, искони присущее интеллигенции российской и весьма свойственное Лене, – она приходит к выводу, что ей скучно любое времяпрепровождение, не имеющее конкретной и отчетливо выраженной цели. И прогулка должна быть не просто прогулкой, но с тем, чтобы идти куда-то для осмотра чего-то. И если в детстве, когда родители посылали ее дышать свежим воздухом, она отправлялась в кружок, то не только потому, что боялась мальчишек, но ввиду бесцельности для нее понятия «прогулка». И хотя настаивает она (и многократно будет в этой книге настаивать) на том, что в спорте привлекает ее скорее процесс, нежели конечная цель, победа, но, лишен-

ный доминанты своей – соревнования, спорт утратил бы для нее привлекательность.

«Однако, – говорю я, – соревнование предполагает стремление к победе, и ты, выходит, противоречишь себе». Она в замешательстве: «Да, это, знаешь, как-то все неоднозначно...»

Разговор происходит во время тренировки Хевсура – нынешнего (третьего после Пепла и Абакана) коня Лены, рослого рыжего тракена, по меркам выскочки еще юноши, неумехи, в чем нам предстоит убедиться. Но разговор был бы невозможен, конечно, будь Лена в седле. Сейчас в нем берейтор, тренер Хевсура, черноусый Анатолий Антикян; и ему предлагает Лена держать выше, еще выше голову лошади, чтобы лучше получалась менка ног в три темпа; и Антикян трудится; Хевсур трудится, вправо-влево юнця серьезную, искренне самоутружденную морду, и пена летит уже с губ, а Лена опять: «Выше голову, выше!»

Я спрашиваю, почему – выше, и Лена не может мне этого объяснить, просто ощущение у нее такое, что надо выше. Я иронически замечая, что Виктор Петрович Угрюмов, ее товарищ по сборной, олимпийский чемпион, замечательный конник и хитроумнейший тренер, развил бы по этому поводу целую теорию, а он, между прочим, не кандидат наук. «Чистый ты, Лена, эмпирик». Она, по-моему, слегка обижается. Она говорит, что это иным химикам-органикам свойственно сначала получить реакцию, а потом подогнать под нее теорию, из которой явствует, что непредвиденное было совершенно очевидным заранее.

Что касается ее самой, то работа с двумя лошадьми, некоторые качества которых были диаметрально противоположны, позволила ей на практике выявить для себя определенные закономерности обучения выездке, которые суть... и так далее. Не желая быть втянутым в безнадежную дискуссию, где мои шансы практически равны нулю, я умолкаю.

...Рассказать об истории нашего знакомства предложила Лена (собственно, и идея сложноватой конструкции книги принадлежит ей). И коль скоро я согласился, не могу не прибегнуть к трюизму: первое впечатление часто обманчиво.

Помнится, когда-то я позвонил ей и попросил дать интервью для «Советского спорта». Позвонил, заранее напуганный одной ее знакомой, категорично уверявшей: «Ни за что она не согласится! Терпеть не может газетчиков!» Но вопреки опасениям в ответ на просьбу я услышал – впервые – то самое покоряюще воспитанное «почту за честь».

Каким показался я ей? Пробивным, напористым малым – из тех, кто ввиду недостатка деликатности и такта особенно ей несимпатичен. Стереотипы приживаются, приклеиваются накрепко. А тут еще на мой реальный облик наложился и кинематографический. В плохом фильме, снятом по моему, и тоже плохому, сценарию, меня, как говорится, догадал черт сыграть эпизодическую роль бойкого интервьюера.

Да ведь и я, подсознательно руководствуясь стереотипом, выработанным в процессе общения с

ными спортивными знаменитостями, ожидал увидеть... ну, скажем, бой-даму, уверенную в себе, безапелляционную в суждениях. А появилась тихая, строгая и вместе с тем очень непосредственная женщина в белом халате, прожженном на рукаве чем-то химически ядовитым, – чемпионка, непривычная хотя бы уже самой манерой отвечать на вопросы. Сперва задумавшись – не напоказ, а искренне и словно бы сама себе задавая тот же вопрос, она принималась размышлять вслух, и мысль уточнялась, углублялась, разветвлялась, наращивалась, умножая грани, как растет и делается многогранней кристалл.

В такой вот, как тогда, позиции (она – на высокой круглой лабораторной табуретке, я – за столом, очищенном от лент, разрисованных самописцем) мы провели потом множество часов. Вечер – в лаборатории никого, да и на всей кафедре пусто. В такие часы писалась книга, и они для меня – счастливые.

Вернусь снова к первому впечатлению. Большей частью чемпион, о котором написано – с его слов, но с долей преувеличения – столько же, сколько о Лене, волей-неволей приучается повторять сказанное им и сказанное о нем. Этим он от нас бронируется, и чем дальше, тем крепче броня, и речь его уверенна, без запинки, а тебе кажется, что он над тобой посмеивается. В серьезности же попыток Лены отвечать всерьез мне почудилась не только ответственность, но и некая незащищенность. Титулы, понимаете, не защищали ее, не приподымали надо мной. И на табуретке такой высокой она сидела потому, что другой мебели в лаборатории не было.

Я утвердился в этом впечатлении однажды на дне ее рождения. Публика была академическая, тосты поднимались за Лену – ученого, Лену – доброго товарища, Лену – хорошую мать, Лену... ну, я не знаю – рыбака, автомобилиста, музыкантшу. И это показалось мне столь уступающим главному в ней для множества людей, что я выскочил, как чертик на пружинке, со своим тостом – за Петушкову-спортсменку, замечательную, выдающуюся... Не осекся под взглядами, но договорил с трудом – во взглядах был немой вопрос: как можно даже упоминать о столь малозначащем, в карих же глазах Лены – робкая укоризна.

Нет, не надо обманываться. Просто позже она мне говорила, и я убедился не раз: она действительно живет в двух разных мирах, которые, сопрягаясь в ней, не соприкасаются между собой. Кто из конников вздумает восхищаться тем, что она ученый, биохимик, и какое это имеет значение в манеже?

Иное дело, что, точно зная свое место в каждом из миров, она не пытается и никогда не пыталась хоть малость укрепить акции в одном за счет другого.

Но я отвлекся от истории знакомства и, значит, от истории книги.

Началом ее мы с Леной решили считать тот полдень на берегу Пахры (это было на семинаре по спортивному кино), когда, стоя вдвоем вдалеке от остальных, дебатировавших проблемы образной структуры фильмов, а также качества цветной пленки Шосткинского комбината, впали в нежданную взаимную откровенность, результатом чего в дальнейшем оказалось это соавторство. Оно ни разу ни-

чем не омрачалось, хотя вскоре я убедился, что моя «спутница» – вовсе не такая кроткая голубица, какой предстала на берегу Пахры. Убедился в твердокаменности, железобетонности, алмазности ее упрямства, в чем, как вы еще убедитесь, она публично расписывается. Упрямство – даже не упорство, а именно упрямство – ее тихая сила.

Вот пример – один из многих. Он касается времени VIII летней Спартакиады народов СССР. На Средний приз я не успел, приехал позже. Спрашиваю Лену, как она отъездила. Она грустно отвечает: «Снялась». «Что так?» – «Хевсур не пошел. Уперся, и ни с места. На запасном поле работал как Бог. Вышел перед публикой – и уперся».

Выше упомянуты общественные обязанности Петушковой. Не все – можно еще несколько приплюсовать. Иные люди ее уровня склонны играть роль «свадебных генералов», она же – в силу и природной порядочности, и общественного склада натуры – не в состоянии ничем манкировать.

И я говорю ей, что все это уважаю и ценю, но не кажется ли ей, спрашиваю, что срывы в работе лошади и с этим связаны? Петушкова-ученый, общественный деятель тратит себя в жизни столь безжалостно, что обделяет Петушкову-спортсменку.

– Нет, – она отвечает, – мне так не кажется.

– Лена, душевные траты невосполнимы. Чем-то во имя чего-то надо поступаться. Чем, это дело твое, но надо.

Она принимается, как всегда, раскладывать доводы по полочкам. Она объясняет мне разницу между эмоциональной и интеллектуальной сферами. Она

ставит меня в известность о том, что разные полушария головного мозга разными сферами и управляют и поэтому переключение без ущерба для деятельности вполне возможно. Она приводит в пример Бородина, которому занятия химией не помешали написать «Князя Игоря». Она приводит в пример Леонардо да Винчи...

— Лена, знания Леонардо о множестве предметов, в том числе о твоей биологии, были на уровне нынешнего семиклассника. Что касается Бородина, кто знает, сколько в этом случае химия украла у музыки или музыка у химии...

— Бородин — ученый выдающийся, а я — рядовой.

— Да, рядовой, но ты же не отбываешь номер в лаборатории? Ты работаешь всерьез?..

— Всерьез.

— И это тебя увлекает?

— Увлекает.

— Значит, на науку ты тратишь душу и Хевсуру ее недостает.

— Я же объяснила — как ты не понимаешь? На науку я трачу ум, ум! Эмоции — на общественные обязанности.

— Значит, все-таки я прав. Значит, Хевсура ты обделяешь. Ты с ним работаешь непоследовательно, урывками.

— Наоборот, может быть, я слишком последовательна.

Нет, не переупрямить мне ее. Беспочвенны мои иллюзии, что пора ей запрятать на антресоли цилиндр и сапоги со шпорами, поскольку есть иной мир, полный важных дел, есть добрый теплый дом,

есть мама и Влада, и Владе надо помогать делить в задачках количество яблок на количество мальчиков и рисовать иероглифы (в ее школе с первого класса изучают китайский язык), и стоять над ней, когда она играет гаммы, как над Леной стояла Нина Константиновна... О том, что и рыбалка есть, и книги — Лена уверена, что тяга к фантастике характерна сегодня для ученого... О том, что ей куда как приятно повести в воскресенье утром Владу в Театр зверей, где живет подаренный чемпионке на конном заводе пони Чертенюк (сценическое имя — Шалун), умеющий уже, как собачонка, носить поноску...

Иллюзии мои, повторяю, абсолютно беспочвенны.

На следующий день в розыгрыше Большого приза Петушкова на Хевсуре выступает блестяще.

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

О тех, кто пишет, о тех, о ком пишут

Станислав Токарев. Мы — соавторы, но ты — и моя героиня. Начнем же диалоги с того, что сталкивается, так сказать, на узкой дорожке жизнеописания вас, чемпионов, с нами, вашими биографами.

Елена Петушкова. Разве о чемпионах всегда следует писать? А если о тебе, кроме того, что ты чемпион, и написать нечего?..

С.Т. Согласен, вопрос нуждается в уточнении. Золотая медаль на ленточке и место на высшей ступеньке пьедестала — еще недостаточный повод для печатных дифирамбов.

Е.П. По идее — не повод. Хотя люди твоей профессии подчас другого повода и не избирают. В моем представлении писать надо о действительно выдающихся спортсменах. Если человек много лет жи-

вет в постоянном самоограничении, в сверхнапряжении — физическом и нервном...

С.Т. То одно это, ты полагаешь, делает его выдающейся, заслуживающей подражания фигурой?

Е.П. Думаю, да.

С.Т. Я и согласен с тобой, и не согласен. Не могу отделаться от чувства внутреннего противоречия. Скажем, многократный олимпийский чемпион, вне всякого сомнения, сильная личность. Но и сила — ты это отлично понимаешь — может быть, если угодно, со знаком «плюс» и со знаком «минус»...

Е.П. Я не очень люблю выражение «герои спорта».

С.Т. Я тоже.

Е.П. Однако примеры героизма в спорте встречаются.

С.Т. Что ты считаешь такими примерами?

Е.П. А что такое героический поступок с общечеловеческой точки зрения? Когда ты рискуешь здоровьем, жизнью ради других людей. Я подчеркиваю: ради людей, а не ради честолюбия, самоутверждения.

Мне неоднократно задавали вопрос, правильно ли, что спортсменам дают ордена. Что, мол, в спорте такого особенного? Ведь слава, почет, популярность и есть воздаяние сторицей.

Однако, если мы говорим о героике спорта (не знаю, чувствуешь ли ты этот оттенок), то имеем в виду и риск. Человек рискует получить травму. Напрягает нервную систему. А для чего? Чтобы победила его команда. Во славу спорта страны.

С.Т. Но и ради собственной славы тоже.

Е.П. Да, в данном случае личная слава и общая совпадают.

С.Т. Как же выяснить, что для человека важнее? Мне, если можно так выразиться, профессиональному «воспевателю», это далеко не безразлично. Самоотреченность или самоутверждение?

Е.П. Ну, когда Матросов бросился грудью на амбразуру, в нем, конечно, в эти последние секунды жила одна лишь самоотреченность. В такие секунды, должно быть, человек не помнит о боли, не помнит о смерти, это момент высшего вдохновения. Самопожертвования «За други своя».

Но ведь высокие минуты бывают и в спорте, и если при этом в известной мере удовлетворяется личное честолюбие, то все равно спортсмен остается образцом для подражания, для воспитания лучших свойств в... ну, скажем, в твоих читателях. Вот Брумель: какими бы личными качествами он ни обладал, он – пример героики. И не тогда, когда бил рекорды, а когда пытался после страшной травмы вернуться в спорт. Пример и зрелости, и мужества, и гражданственности.

С.Т. Кажется, Лена, я поймал тебя на слове. «Какими бы личными качествами ни обладал» – ты ведь так сказала. Очень часто журналисты с удовольствием пишут о победах, но замалчивают проступки, недостатки спортсменов.

Е.П. Да, но широкий читатель об этих проступках ничего не знает. И зачем ему знать? Порой человек, проявивший мужество в экстремальной ситуации, оказывается беззащитен по отношению к славе. Но зачеркивает ли это все сделанное им? Западные бульварные газеты стараются порой любыми правдами и

неправдами раскрыть подноготную личной жизни кумиров. Однако что поучительнее: творчество Анатоля Франса или книжонка «Анатоль Франс в халате», состряпанная его личным секретарем, где патрон предстает вздорным, ворчливым старикашкой?

Нет людей без слабостей, но я хочу знать о них лучшее. И когда мы говорим о воспитательной роли спорта, не обязательно, мне кажется, стремиться, чтобы твой персонаж полностью соответствовал реальному прототипу. Это не означает, что надо «золотить пилюлю» только потому, что герой – член сборной.

Но если лучшая часть его жизни может служить примером для подражания, для подрастающего поколения? Речь идет не об образе человека как такового, но об образе дела, о воплощении дела, которому он служит.

С.Т. Тогда получается малая доля, порождающая цинизм для узкого круга. Впрочем, круг не так узок. Если двадцать молодых людей, принадлежащих большому спорту – двадцать, знающих обратную сторону медали, – решат, что ты, журналист, вправе фальшивить, что может позволить себе это твоя газета, твой журнал, бациллы неверия непременно распространятся, и грош тогда цена всем нашим воспитательным усилиям.

Е.П. Да, это возможно. Тут я тебе не советчица.

С.Т. И я никому не советчик. Могу сказать лишь о том, как поступаю сам. Либо пишу только о тех, в чьих высоких нравственных качествах уверен, либо не пишу совсем. «Выход продукции» ниже, но что делать?..

В твоих-то качествах уверен вполне. Иначе бы и книги не было.

Е.П. Но знаешь, кстати, обо мне стали писать раньше, чем я заслужила. Когда еще совсем не заслужила. Просто, дебютируя в чемпионате страны, заняла на Капле третье место в Малом призе. Подошел человек и сказал, что хочет обо мне написать. Чем он руководствовался? Не знаю. Я в то время училась в аспирантуре, и поэтому мне была дорога каждая минута. И вот он пришел в манеж, и выяснилось, что нужно фото, для этого необходимы фрак, цилиндр, а все хранилось на складе... Я стала отказываться, он – настаивал, мой отказ делался все более упорным, что показалось ему крайне странным. Он вконец рассердился: «Еще и чемпионкой не стала, а так зазналась».

Вообще люди твоей профессии иногда просто убеждены, что все должны откладывать из-за них самые важные дела.

С.Т. А наше дело разве не важное? Хотя я и тебя понимаю, и многих, к кому мы подходим с блокнотом. Совершенно порой незнакомым. И лезем в душу. И надо почему-то с нами откровенничать. Но если человеку не до нас?

Помню, мне во что бы то ни стало надо было поговорить со знаменитой лыжницей. А знаменитая лыжница проиграла. Шла с финиша в гостиницу сердитая, усталая, продрогшая. А я пристал с ножом к горлу. Если бы она меня лыжной палкой огрела, я бы ее понял. И тут в растерянности я воскликнул: «Галина Алексеевна, я вас так люблю, а вы не хотите со мной разговаривать!»

Е.П. И разговор получился?

С.Т. И получился.

Е.П. А ведь знаешь, это, по-моему, запрещенный прием.

С.Т. Но безвыходное же положение было! И правду я сказал: я ее как спортсменку ужасно люблю.

Е.П. Мне кажется категорически неверным, если спортсмен считает согласие или отказ дать интервью личным делом. Хочет он или не хочет, осознает или не осознает, но с того момента, когда он чего-то добивается, успех принадлежит не только ему. Его победа – уже достояние болельщиков. Как любое достижение человека – достояние человечества. И оно, человечество, имеет вполне определенное право знать о подробностях события. Только беда, понимаешь ли, в том, что иногда тебя похвалят, а тебе стыдно. Иногда – скучно.

С.Т. Стыдно – это когда?

Е.П. Когда я еще была совершенно неизвестной, мне, конечно, хотелось, чтобы обо мне написали. Но однажды в газете появилась заметка в каком-то приятном, сусальном, сюсюкающем тоне: такая, мол, милая девочка на такой серенькой лошадке... Мне было страшно неудобно перед знакомыми. И когда журналист, без сомнения питавший самые добрые намерения, позвонил мне, ожидая благодарности... Не помню, что я сказала, но выразила досаду. А он так и не понял почему.

С.Т. А скучно тебе когда?

Е.П. Когда задают вопросы, на которые ты уже сотни раз отвечала. Впрочем, со мной это бывает не так часто. На конные соревнования журналисты хо-

дят все-таки редко. Если появится неспециалист... Разъяснишь, попросишь показать написанное. Обещают. Не выполняют. Читаешь – краснеешь. И невозможно доказать друзьям и знакомым, что не говорила того или этого, – не верят. И потом никогда не знаешь, поможет тебе журналист или помещает. К примеру, если у тебя новая лошадь, ты с ней начинаешь все сначала, и трудно завоевать авторитет, и важна поддержка...

Помнишь: оптимист говорит о кувшине, что тот наполовину полный, пессимист – что кувшин наполовину пустой. Когда я дебютировала на Абакане, телекомментатор – со слов специалистов и неспециалистов – принялся рассуждать о том, что корпус у коня слишком длинный. Нет чтобы отметить тот объективный факт, что за два года из новичка получилась лошадь, выполняющая сложные элементы высшей школы...

С Хевсуром нам улыбнулась фортуна – в печати был взят доброжелательный тон. Больше того, по радио нас однажды назвали чемпионами, когда мы заняли десятое место. На счастье, выпуск передавался в тот час, когда все конники пошли смотреть конкур, и мы в их глазах не опозорились.

С.Т. Послушай, Лена, а не случилось ли с тобой такого, что, дав интервью перед стартом, ты потратила некоторую часть тех эмоций, которые нужны в соревнованиях?

Я помню случай, когда известный велосипедист, которого я попросил рассказать, что он испытывает на последней, финишной прямой, принялся описывать эти ощущения, разгорячился и вдруг прервался.

И сказал: «Нет, завтра. Только завтра – сегодня ни в какую». Я подошел завтра. И он оказался обстоятелен, открыт, доброжелателен. Я спросил, что с ним случилось вчера. Он ответил неожиданно для меня: «Когда говоришь о финише, даже когда думаешь, – это все равно что самому накатывать на финиш. Разве я знаю, не из-за нашего ли вчерашнего разговора я был сегодня только вторым?»

Е.П. А я в подобной ситуации не стану отвечать всерьез. За много лет работы в университете я научилась отключаться. Вот я занята, а мне говорят: «Если придет такой-то, передай то-то и то-то». И я отвечаю, что передам: я слышу свои ответы и исправно повторяю, что нужно передать. Но «такой-то» приходит, и я помню, что надо нечто ему сказать, а что – убей Бог...

Мое сознание в разговоре не участвовало. Иногда, чтобы поддержать разговор, достаточно вставлять междометия.

С.Т. Хорошо же будет журналист в такой ситуации.

Е.П. А кстати, для беседы с опытным корреспондентом не всегда нужно два-три часа, вопросов может быть совсем немного, но в самую точку. Вообще, разговор получается, когда чувствуешь с вашей стороны искреннюю заинтересованность и искреннее расположение.

С.Т. Ты подошла к вопросу, который я сам хотел в заключение поставить. Какие черты кажутся тебе обязательными в людях моего ремесла?

Е.П. Первая – все-таки настойчивость. Надо же пробиться сквозь броню, которой мы себя окружаем. Это, наверное, трудно. Особенно если спортсмен

удостоен всеобщего внимания. Вторая – доброжелательность, чуткость к нам. Ты поинтересовался, не мешаєте ли вы нам, беря интервью перед стартом? Возможно, стоит подождать, потерпеть и поговорить после финиша? Настойчивости это не противоречит, но... Затем... Погоди, надо подумать.

С.Т. Лена, Лена, главное-то забыла.

Е.П. Талант? Но какой талант без...

С.Т. Знания дела?

Е.П. А вот это как раз не обязательно. Может быть, человек не знает, но добросовестен, а значит, разберется. Добросовестность, по-моему, одно из лучших человеческих качеств. Настойчивость – форма, добросовестность – содержание. И добросовестность непременно предполагает объективность.

С.Т. Объективность – понятие относительное. Мой взгляд – он все-таки мой, собственный, я не ЭВМ.

Е.П. Хорошо, я поправлюсь. Стремление к объективности. Во всяком случае, непредвзятость. Так, пожалуй, точнее.

РАССКАЗ ПРОДОЛЖАЕТ ЕЛЕНА ПЕТУШКОВА

Год окончания школы был знаменателен для меня тремя событиями сразу.

Я сдала вступительные экзамены на биологический факультет МГУ. Мне предложили заняться выездкой. Я получила персональную лошадь. О каждом из трех событий надо говорить отдельно.

Почему я пошла именно на биофак, очевидно, уже более или менее ясно.

Я любила животных, и среди книг, которыми увлекалась в детстве, у меня были красочное издание «Море живет» Тарасова (о морских животных) и потрепанный том издания Брокгауза и Ефрона «Рыбы и гады Российской империи» (гадами прежде называли пресмыкающихся). В седьмом классе я углубилась в химию под влиянием нашей преподавательницы Марии Николаевны Коробковой, совсем юной, очаровательной, синеглазой, влюбленной в свой предмет. Родители опасались, что химия вредна для здоровья, но, когда я была в десятом, им кто-то рассказал, что есть кафедра биохимии (в те годы и слово это звучало необычно).

Школу я окончила с золотой медалью, но в ту пору льготы медалистам были отменены и я сдавала на общих основаниях. Ходили, как всегда, слухи, что экзаминаторы задают какие-то особенно каверзные вопросы. Правда, теперь, сама принимая экзамены, могу категорически утверждать, что спрашиваем мы – как

и в ту пору спрашивали – только по школьной программе. Короче, в МГУ я поступила.

Выездкой мне предложил заниматься один из тренеров нашего клуба – Владимир Афанасьевич Васильев. Я не имела об этой спортивной дисциплине ни малейшего представления, как не имеют, очевидно, иные из читателей, поэтому им придется набраться терпения на коротенькую лекцию.

Выездку, или высшую школу верховой езды, можно назвать фигурной ездой на лошади. На площадке размером шестьдесят на двадцать метров всадники в течение десяти-двенадцати минут выполняют около тридцати различных фигур обязательной программы. Виды соревнований – Малый приз, или Сан-Георг, Средний и Большой (Олимпийский) призы.

Наиболее сложные элементы – смена ног на галопе (чаще мы говорим «менка ног»), пассаж и пиаффе.

Менка очень красива, дословный перевод этого термина с английского «летающая смена ног», и когда лошадь попеременно идет то с правой, то с левой ноги, перебирая ими на весу, чередуя выпады в тот момент, когда она уже оттолкнулась от земли, это действительно создает ощущение полета.

Пассаж, как сказано в международных правилах, высокая укороченная рысь, при которой лошадь словно зависает в воздухе. Пассаж многие видели в цирке, это один из любимых элементов, исполняющийся под «яблочко» или «барыню». А пиаффе – пассаж на месте.

Лишь несколько десятков лошадей в мире обучены правильно выполнять эти элементы. На примере пассажа и пиаффе легко показать, насколько

важным фактором удачного выступления служит учет психологии лошади.

В основной программе Большого приза, в которой определяется, в частности, командный результат, пассажем все заканчивается. Лошадь грациозно движется пассажем к судьям, останавливается, всадница кланяется, всадник снимает цилиндр (военные берут под козырек), благодаря за судейство. Но на следующий день назначается так называемая переездка – финальный турнир для двенадцати спортсменов, лучших в личном зачете, и в течение нескольких лет в его программе, в той самой точке, где вчера все завершалось пассажем, следовали еще десять тактов пиаффе. Так вот, лошадь никак не могла понять, почему вчера после пассажа можно было со спокойной душой расслабиться и уходить из манежа, а сегодня надо барабанить на месте эти десять тактов. Она не хочет их отбивать, она отработала, хватит...

Кроме менки, пассажа и пиаффе есть еще пируэты, есть «принимание» – лошадь движется вбок, перекрещивая то передние, то задние ноги, красиво изогнув корпус вокруг внутреннего шенкеля.

Ну а половина программы состоит из того, что в прямом смысле элементами считать нельзя. Это шаг, рысь, галоп – естественные аллюры, разделенные на собранные, средние и прибавленные (по длине шага). Но то, что кажется наиболее простым, подчас оказывается наиболее сложным. Надо четко и вместе с тем плавно показать переходы из прибавленного аллюра, например, в собранный: в первом случае корпус лошади вытягивается, во втором сжимается,

как гармошка, а шея то уходит слегка вниз, то поднимается, изгибаясь по-лебединому. Причем и в том случае, и во всех остальных у стороннего наблюдателя должно создаваться впечатление полной свободы лошади: всадник на ней только сидит, а она все выполняет сама.

Казалось бы, чего проще – остановка. Однако лошадь должна остановиться быстро, но плавно, чтобы не казалось, что она наткнулась на невидимое препятствие. Обе передние ноги и обе задние выровнены как по линейке. Шесть секунд абсолютной неподвижности. Даже если она махнула хвостом, отогнав муху, это все равно ошибка.

Понимая мою полную неосведомленность, тогдашний начальник нашего клуба, старейший конник, заслуженный мастер спорта Елизар Львович Левин принял единственно правильное решение – дать мне лошадь, которая умела что-то сама, чтобы я у нее смогла набраться опыта.

Так мне досталась арабская кобылка Капля. Она была своенравным, капризным чертенком, с тонкими черными ножками в белых носочках. Любимым ее развлечением было изображать, что она чего-то боится – кур, которые бегали по двору, клочка газеты, уносимого ветром. От всего она норовила шарахнуться.

Я до сих пор не могу точно утверждать, что было притворством, а что – подлинной робостью. Позже я узнала, что лошади плохо видят и потому бурно реагируют на любой предмет необычной формы, неожиданно оказавшийся в их поле зрения, будь то предохраняющий от солнца зонтик, под которым сидит

судья, или чей-то пестрый плащ. Важно, чтобы лошадь доверяла всаднику, тогда таких неожиданностей будет меньше. Но полное доверие тоже порой чревато неприятностями.

Пепел, с которым связана большая часть моей жизни в спорте, настолько привык полагаться на меня, что, когда мы отправлялись на прогулку в лес, совершенно не смотрел под ноги и спотыкался о каждый корень.

С Каплей прежняя хозяйка и рассталась в известной мере по причине пугливости. Но я была в восторге: раньше, в прокатной группе, приходилось седлать то одну, то другую лошадь, а тут – своя! И не дважды в неделю – каждый день!

Первые два года выездки совпали с первыми двумя курсами университета. Бог мой, как это было тяжело! Осенью и зимой в темноте звонит в половине шестого будильник, и ты со стоном заставляешь себя вылезать из-под одеяла, думая: «Есть же на свете счастливы, которым позволено спать до семи!» Собственно говоря, эти муки я испытываю всю жизнь: я отношусь не к «жаворонкам», а к «совам», мне лучше посидеть попозже да поспать подольше, и в воскресенье меня до полудня не добудитесь.

Особенно же трудно было привыкать к такой жизни после размеренных школьных лет: я разом окунулась в лихорадочный темп. В семь – тренировка в Сокольниках, оттуда – бегом на автобус, бегом в метро, бегом от метро к МГУ, в аудиторию, где в десять начинается лекция.

Программа двух первых курсов на биофаке была насыщена огромным количеством разнообразных предметов, занятия продолжались до шести вечера. За двадцатиминутную перемену пообедать не успеешь, некоторые студенты просто пропускали лекцию, чтобы выстоять длинную очередь в столовую, но для меня еще и в школе сбежать с урока было выше сил. Мы с одной девочкой договорились по очереди приносить бутерброды и ели их в перерывах, пока не услышали, как кто-то о нас сказал: «А, это те, которые все время жуют». Тогда мы объявили бойкот маминым бутербродам и бегали весь день голодными. А вечером – множество заданных на дом задач, оформление лабораторных и практических.

Раньше, когда я видела в метро или в автобусе спящего человека, то свысока думала: «Как он может позволить себе спать на людях?» Но теперь на себе испытала последствия вечного недосыпания. Тем обиднее было, когда однажды, пробудившись в метро от дремы, услышала рядом с собой насмешливую реплику: «Небось нагулялась вчера?»

Для чего я все это пишу? Я ведь знаю: бывают трудности серьезней. Но пишу потому, что некоторым людям жизнь спортсменов кажется легкой и веселой, а ее аскетизм, отказ от развлечений чудится признаком ограниченности. Помню, как студентки из нашей группы презирали меня за то, что я не ходила на лекции по истории кино, которыми они тогда увлекались: «Подумать только, это из-за лошадей-то!»

Говоря откровенно, если бы я занималась не конным спортом, а каким-нибудь другим (теннисом или подводным плаванием – я говорю о видах, которые мне сейчас особенно нравятся), то не выдержала бы такой жизни. Пропустила бы одну-две тренировки в неделю, а потом совсем бы бросила. Но когда знаешь, что в деннике тебя ждет лошадь, живое существо, которому надо двигаться, бегать... Знаешь, что, если не придешь, тренер может посадить на твою лошадь кого-то другого и тонкие, налаженные взаимоотношения пойдут насмарку...

Сумасшедшая гонка продолжалась.

Родители протестовали: теперь уже не только папа, но и мама. Однако в этом случае проявилась одна из характерных моих черт – упрямство, которое срабатывало, когда упорства и целеустремленности уже не хватало. Да, именно упрямство.

Качество, которым умело пользовался Григорий Терентьевич Анастасьев, человек, сделавший из меня чемпионку.

Мне еще многое предстоит рассказать о моем покойном учителе, пока же для иллюстрации упомяну о его излюбленной хитрости. Хорошо изучив меня, он часто требовал прямо противоположного тому, чего добивался. Например, он говорит: «Ляля, на сегодня хватит». «Нет, нет, – протестую я, – еще пируэт, еще менку ног надо попробовать». Он делает недовольный вид, ворчит и ругается, а я стою на своем, а ему только этого и надо. В другой раз: «Ляля, еще пассаж, еще пиаффе!» «Нет, нет, лошадь устала, я устала».

Опять попадание в цель. Интересно, что однажды он мне раскрыл свою уловку и все равно я продолжала неизменно попадаться на эту удочку.

...Отнюдь не для самовосхваления, но для точности изложения должна заметить, что вечная гонка между манежем и университетом, ставшая в дальнейшем не легче, а лишь привычнее, не помешала мне учиться хорошо, получить диплом с отличием и быть принятой в аспирантуру без необходимых двух лет стажа. Я и аспирантуру умудрилась закончить досрочно – за два года четыре месяца.

Обычно по отношению к спортсменам в печати применяется формулировка: «Оставив большой спорт, он в дальнейшем добился того-то и того-то». Но я сперва защитила кандидатскую диссертацию, а потом стала заслуженным мастером спорта.

Что касается выездки, то получилось, что первые мои два года в ней дали повод считать меня бесперспективной. Со мной занималась Роза Георгиевна Никитина, тренер нашего клуба – сама изъявила желание, приходила тоже к семи утра, но шли дни, шли месяцы, а у меня ничего не получалось.

Теперь-то мне ясно, что тогда я многого не понимала в тонком деле выездки, а Роза Георгиевна, хорошая спортсменка, прекрасно умевшая выезжать лошадей, ряд вещей считала азбучными и даже не предполагала, что кто-то может их не знать. Мы говорили на разных языках и не понимали друг друга.

Однако начались очередные каникулы, я смогла ходить на тренировки попозже, заниматься не в оди-

ночку, а со всей группой выездки, и тренер клуба Иван Акимович Жердев объяснил мне все – буквально с азов. Летом мы впервые стартовали в первенстве СССР – правда, только в Малом призе, – и я заняла третье место вслед за известным мастером спорта Еленой Николаевной Кондратьевой, теперь членом-корреспондентом Академии наук, профессором кафедры микробиологии нашего факультета.

Это было в августе, а в сентябре я с курсом уехала на картошку. Каплю же в мое отсутствие стали отдавать в прокат – перспективной лошадейю ее все-таки не считали. Я уже говорила о хитростях опытных прокатных лошадей, моя же Капля была спортсменкой, была добросовестна и старательно бегала по несколько часов в день. А легкие у нее и раньше были слабые.

Когда я вернулась, кашляла она непрерывно – нажила эмфизему легких. Это заболевание не угрожает лошадиной жизни, но препятствует занятиям спортом.

Пришлось отправить Каплю на лошадиный завод. Я осталась без лошади.

Мне давали то одну, то другую – из тех, которых выбраковывали троеборцы. Я так бы ничего и не добила, если бы не случай.

Владимир Васильев ушел в другое общество, оставив свою Тину, старую, опытную, хорошо подготовленную кобылу, из тех, у кого многому может научиться молодой спортсмен. Сперва ее отдали другому всаднику, но она была слишком нежна, мягка, послушна, отзывчива на ласку, в общем, «дамская лошадь». Хозяин оказался для нее чересчур суров.

И олимпийский чемпион Сергей Филатов, работавший тогда с группой выездки в «Урожае», настоял, чтобы Тина была моей.

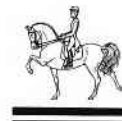
Филатов являет собой фигуру чрезвычайно сложную, даже в какой-то мере трагическую. Лично я ему благодарна, да что я – весь наш спорт должен быть благодарен ему, хотя характеризовать этого противоречивого человека нужно объективно, что я попытаюсь сделать несколько позже.

Я получила Тину, и дело с ней пошло так хорошо, что на очередных соревнованиях мы «объехали» многих ведущих. Потом отправились на состязания в Ленинград, где мне пророчили выполнение нормы мастера спорта. Перед стартом мне показалось, что Тина какая-то скучноватая, но Роза Георгиевна сказала: «Не обращай внимания, это после дороги». Я отъездила Большой приз, поставила Тину в денник: ее трясло мелкой дрожью. Срочно вызвали ветеринара, он обнаружил двустороннее воспаление легких. О соревнованиях не могло быть и речи. Я уехала домой, Тина осталась в лазарете.

Прошло две недели, наступил май, на деревьях лопались почки, в воздухе стоял их нежный, горьковатый аромат. Я шла в клуб через парк, наслаждаясь первым теплом. Мне встретился наш спортсмен, начал какой-то разговор, вдруг оборвал его: «Знаешь, Ляля, ты не очень расстраивайся... Тина там, в Ленинграде, пала».

Спазм сжал мне горло, я почему-то пробормотала «спасибо» и пошла прочь, сама не зная куда.

Я вспоминала ее добрые, кроткие глаза, печальный и покорный взгляд. Ей, наверное, было очень

тяжело, но она безотказно и добросовестно, без всякого принуждения с моей стороны выполняла все упражнения, напрягая свои последние силы.

Я не могла себе простить, что заставляла ее работать, хотя не знала о болезни, и угрызения совести гложут меня до сих пор.

Тогда я проплакала целый день, и это не женская сентиментальность – на моих глазах рыдали взрослые мужчины, закаленные конники, когда теряли лошадь, теряли преданного друга и полноправного партнера, которому, правда, от всех успехов и славы достается разве что лишняя морковка.

В нашей короткой совместной работе Тина со служила мне огромную службу. Меня заметил на ней Григорий Терентьевич Анастасьев, главный тогда человек в нашем конном спорте, и настоял, чтобы меня взяли в сборную, чтобы дали Пепла. Отсюда начинается шестнадцатилетняя история дружбы с лучшей лошадью моей жизни.

Чистопородный вороной тракен Пепел, сын Пилигрима, считавшегося эталоном породы, первоначально предназначался для троеборья, он был отличным прыгуном. Но у него обнаружилось бельмо на левом глазу – видимо, уколол чем-то глаз, когда был жеребенком. Те, кто этого не знал, думали, что левый у Пепла просто голубой. Он видел им, но лишь краем, и выступать, конечно, не мог. Тогда его дали Никитиной для выездки, а она попросила Сергея Ивановича Филатова подготовить его к соревнованиям.

Победа Филатова на Олимпиаде в Риме была настоящей сенсацией. В этом старинном, аристократическом виде спорта вдруг успеха добился представитель страны-новичка. С чем сравнить масштаб событий? Разве что с победой Виктора Капитонова там же, в Риме. Тогда итальянские газеты писали: «Успех Капитонова ввел русских через парадную дверь в цитадель мирового велосипедного спорта». Но советские гонщики и до того добивались успехов в международных состязаниях, конников же не знал никто.

Филатов выступал на великом Абсенте, признанном лошадей века. Мягкие длинные линии, лебединая шея, необычайная легкость и грация движений были свойственны этому вороному красавцу с белой звездочкой во лбу, прославившему ахалтекинскую породу.

Он прожил долгую жизнь в спорте, был третьим в Токио, четвертым в Мехико и «ушел на пенсию» в шестнадцать лет, полный сил и энергии: по тогдашним, ныне отмененным правилам лошадь не могла стартовать в олимпиадах больше трех раз.

Великолепная была пара – Филатов и Абсент. Сергей Иванович, несмотря на некоторую грузноватость, был чудо как элегантен в цилиндре и фраке. Необычайно эффектным казалось не только сочетание партнеров, но и выступление – оно вызывало то чудесное, приподнятое состояние души, которое возникает только при соприкосновении с настоящим искусством.

Между прочим, именно Филатов, вернувшись из Рима, стал активно пропагандировать у нас фрак

как костюм для верховой езды. В том именно качестве, в котором некогда фрак и был изобретен. Говорят, некоему английскому джентльмену полы длинного кафтана мешали ездить на лошади, и он сначала подколол их спереди, а потом совсем срезал. Так что парадная форма одежды позаимствована дипломатами, пианистами, дирижерами у кавалеристов.

Мы же в годы начала моих выступлений по выездке соревновались обмундированные кое-как, и в «Урожае», например, имелся старый черный редингот, сшитый во время оно на Елизара Львовича Левина и передававшийся от спортсмена к спортсмену: один отъездил, отдал следующему как эстафету.

Филатов своим авторитетом заставил нас обратиться к красивому, удобному и, главное, соответствующему международным традициям костюму – фрак и цилиндру. Вот только цилиндры, которые делали сперва для нас в мастерских Большого театра, имели тенденцию обращаться в нечто бесформенное, попав под дождь, а конникам приходится соревноваться в любую погоду.

Итак, из Рима Сергей Иванович вернулся героем, и его как крупнейшего специалиста по выездке пригласили тренером в наш клуб. Вскоре, однако, обнаружился коренной недостаток его тренерской методики – жестокость по отношению к животным. То ли это проистекало от способности увлекаться, при которой Филатов забывал обо всем, кроме цели, то ли от самоуверенности чемпиона, считающего для себя позором, если что-то происходит вопреки его воле. Наверное, и от того и от другого.

В работе с лошастью у него существовал один принцип – «заломать». Он мог по четыре часа, не слезая с седла, «ломать» волю животного, удилами, шпорами и хлыстом заставляя исполнять неполучающийся элемент. Чем больше заставлял, тем меньше у него получалось.

Но был же Абсент?

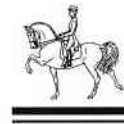
Да, был. Однако то ли уникальный конь обладал уникально кротким и послушным характером, то ли после триумфа изменился Филатов – уверовал в свое всемогущество. Короче, и взявшись за Пепла, он решил в три месяца добиться того, на что потребно три года. Но не тут-то было – Пепел был натурой гордой и независимой. Пепел – личность.

Возможно, выражение «личность лошади» кое для кого прозвучит парадоксом. Но это для тех, кто не близок к животным. «Собачник» же воспримет эти слова естественно, даже пожмет плечами: «Можно ли считать иначе?»

Однако аналогия между собакой и лошастью неточна, поскольку первая относится к хищникам, вторая к травоядным, у которых на уме прежде всего пища, пища...

Да, лошадь встречает меня ржанием, она стучит копытом в дверь денника, радуется, но не оттого ли, что прекрасно знает: я несу ей лакомства? Собака же радостно встречает хозяина просто так, без всяких соблазнов.

Правда, есть много свидетельств самоотверженности лошадей, историй о том, как они спасали жизнь владельцу. Но это, должно быть, при условии постоянного контакта с одним-единственным чело-

веком. А спортивную лошадь чистит и кормит один, готовит другой, ездит на ней третий.

Впрочем, все это, вероятно, доводы ума, сердцем чувствуешь иное. Убеждена: сколько бы времени ни прошло после нашего печального с Пеплом расставания, он бы, конечно, узнал меня.

Что же такое, однако, личность лошади? Нрав, характер, темперамент. Ум, точнее, способность к восприятию. Лошади очень внимательные – и на добро, и на зло. Особенно на зло. Сразу и надолго лошадь запомнит человека, проявившего к ней необоснованную жестокость, и отомстит когда-нибудь. На наказание, даже справедливое, может обидеться, несколько дней «не разговаривать» – не откликаться на голос, и кусок черного хлеба хотя и возьмет из рук (соблазн велик!), но с неохотным видом.

До сих пор загадка для меня то, что наказание от человека, сидящего в седле, лошадь не связывает с ним самим. Пепел обижался, если ему от меня доставалось, так сказать, с земли: когда он, например, баловался.

«Баловался» – легко звучит: представьте, что пяти-соткилограммовая махина, разыгравшись, встает на дыбы, норовя – шутки ради, конечно, – слегка стукнуть тебя передним копытом по темечку.

Но, повторяю, если я его наказывала – даже строго – сидя на нем верхом, это безусловно никак не сказывалось на наших взаимоотношениях. Я слезала, и он как ласковая собачонка бегал за мной по манежу, загораживал дорогу, выказывал полную

симпатию. Он умел целоваться и на просьбу «поцелуй меня» старательно хлопал шершавыми усатыми губами по моей щеке. Правда, такой «смертельный номер» я демонстрировала нечасто. В отличие от Капли, которая целовалась по-женски нежно, он не всегда рассчитывал силы и однажды, резко вскинув головой, разбил мне губу.

...Однако до столь близких отношений было еще далеко. Поначалу, перейдя ко мне из жестоких рук, Пепел был зверь – дикий и злобный. Он ненавидел людей, в каждом ему чудился враг и мучитель.

Помню, я вошла в манеж, куда его выпустили побегать. Он был там один – шагал спокойно, опустив голову, усиленно нюхал опилки и всхрапывал, вздымая их фонтанчиками. Потом, удовлетворенно хрюкнув, валился на бок, перекатывался на спину, дрыгая ногами. Резко вскакивал, начинал носиться, меняя аллюры, прыгая козлом. Внезапно останавливался перед зеркалом, словно изучая свое отражение. Словом, делал то, что делала бы на его месте любая лошадь.

Но тут, на свою беду, в манеж вошли два истопника – проверить батарею отопления в дальнем углу. Они привыкли к лошадям и не боялись их. Пепел атаковал незамедлительно, без предупреждения. Прижав уши, оскалив зубы, он неслся со всех ног, не оставляя никаких сомнений относительно своих грозных намерений. К счастью, истопников было двое, они кинулись в разные стороны, и Пепел на секунду заколебался, кого избрать жертвой. Они пере-

валились через заборчик с прытью бандерильеро, прячущихся от быка.

Такое вот создание мне и предстояло на следующий день седлать.

Сначала я около получаса кормила его через прутья решетки самыми любимыми лошадиными лакомствами – хлебом, сахаром, морковью, арбузными корками. Он жадно выхватывал у меня все это и тут же резко отдергивался – ему прежде, видно, крепко доставалось по голове.

Решив, что контакт налажен, я взяла седло, уздечку и открыла дверцу денника. Тут-то Пепел показал свой характер. Он крутился волчком по крохотному закуту, норовя повернуться ко мне задними ногами, я же, естественно, стремилась оказаться у головы. Это бы продолжалось до бесконечности, не ухитрись я достать из кармана кусок хлеба. Пепел выхватил его и отпрянул. Большого я тогда не добилась, а на то, чтобы отучить его бегать по деннику, понадобился месяц.

Следующие этапы оказались еще труднее. Я пыталась надеть уздечку, он задирает голову. Приманивала лакомством – опускал, я обнимала его за шею, висла на ней, но он без труда поднимал меня вверх. Поиздевавшись с полчаса, позволял натянуть ремни оголовья. Но как только его зубов касалось железо, тут же сжимал их.

На уздечке приключения не кончались.

При седловке Пепел не упускал случая неожиданно укусить меня за плечо или руку – ватная телогрейка защищала, правда синяки оставались внушительные.

Более опытные конники с возмущением смотрели, как я либеральничаю. Они говорили: «Ну, знаешь, если его за это не наказывать, далеко ты на нем не уедешь. Что за дела – позволять лошади своевольничать? А ну, всыпь хлыста – за каждый укус по удару!»

Этот логически абсолютно разумный воспитательный прием, с успехом опробованный на сотнях лошадей, в случае с Пеплом приводил к обратным результатам: чем больше я его наказывала, тем больше он кусался. Но и беспрерывно пичкать его лакомствами было бессмысленно. Оказавшись в вопросе воспитания на распутье, я предпочла одно: не показывать, что мне больно. Я словно не замечала укусов, которыми меня буквально осыпал Пепел, и лишь иногда легонько щелкала его по носу.

О чудо! Этот метод оказался эффективным. Вопреки логике, здравому смыслу, принципам обращения с животными.

Порой нас спрашивают, наказываем ли мы лошадей. Узнав, что наказываем, обвиняют в жестокости: вот, мол, Дуров от своих зверей всего добивался только лаской и поощрением.

Но дрессировка не выездка, между ними большая разница. Дрессированная лошадь выполняет заученное автоматически, а выездженная, у которой тоже выработаны определенные условные рефлексy, – постоянно прислушивается к требованиям всадника и делает лишь то, чего он хочет от нее в данный момент.

На выездженной лошади вы можете десять раз остановиться в одном и том же месте, а на одиннадца-

тый спокойно поедете дальше, дрессированная и в одиннадцатый раз остановится, несмотря на ваши энергичные послылы.

Показателен пример, приведенный Аристотелем. По его словам, сибариты выучили своих лошадей танцевать под флейту, и это их погубило: «Враги их, кротонцы, воспользовались этим на войне. Когда сибариты хотели перейти в наступление, кротонцы заиграли на флейте, и лошади стали танцевать вместо того, чтобы идти в атаку».

Итак, дрессировка отличается от выездки, а с методами Дурова в действии я незнакома. Впрочем, не уверена, что он вообще отказывался от наказаний.

В представлении людей несведущих наказание – это обязательно что-то вроде порки. Однако ребенка ставят в угол – это наказание, ругают – тоже наказание, причем для впечатлительного ребенка большее чем шлепок.

Наказание и жестокость не синонимы. Одной лаской, одним поощрением лошадь не выведишь.

Спросите спортсмена (или, например, артиста балета), легко ли ему даются тренировки, не болят ли мышцы. Еще как болят, но он силой воли подавляет в себе болевые ощущения и чувство усталости, он заставляет себя преодолевать их. Для преодоления такого рода трудностей необходим элемент самопринуждения. Или принуждения извне.

Все мы знаем, что такое хорошая осанка: плечи развернуты, грудь вперед, живот втянут – красиво.

Допустим, вы такой осанкой не обладаете, но, разумеется, хотели бы обладать. Так примите ее, попытайтесь выглядеть красиво на протяжении четверти часа. Боюсь, не получится – в таком-то напряжении!

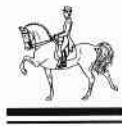
А лошадь на соревнованиях по выездке должна в полном сборе (то есть именно с хорошей осанкой) работать около пятнадцати минут. Вы можете заставить себя сознательно, а лошадь что? Ей плохо, ей неудобно в таком положении, и она стремится от него избавиться. Ради ласки и вкусных вещей звери выполняют лишь то, что нетрудно.

Только желание избежать наказания, то есть еще большей неприятности, может побудить лошадь работать как надо, несмотря на усталость и боль в натруженных мышцах.

Насколько же велико напряжение мускулатуры во время выездки, судите вот по чему. Першерон целый день спокойно возит тяжелую телегу и устает умеренно. Спортивная лошадь за десять минут шага – подчеркиваю, шага! – в полном сборе вся может покрыться пеной и мылом, хотя порой, десяток километров проскакав, даже не вспотеет.

Выездка должна постепенно и настойчиво развивать у лошади умение ходить в полном сборе, чтобы это стало для нее естественным, не причиняло никаких неудобств. Как осанка умелого гимнаста.

Но многое в воспитании лошади зависит от всадника. От его отношения к делу. Отношение же закладывается с самых первых детских лет: в секции принимают совсем маленьких – лет в десять – одиннадцать. Они сами лошадь подседлать не могут – силенок

не хватает, да и как дотянуться до лошадиной спины? Новичку, начинающему нужен сразу чуть ли не персональный коновод.

Не с этого ли возникает потребительское отношение к спорту – да и не только к спорту?

Впрочем, я вообще сомневаюсь, что омоложение, захлестнувшее в последние годы спорт, так уж на пользу нашему виду.

Как действует мой друг, олимпийский чемпион по выездке и очень хороший тренер Виктор Петрович Угрюмов? Он учитывает в первую очередь не способности к конному спорту – их и за пять лет не всегда определишь, – а преданность конному спорту. Он никому не запрещает приходить на конюшню чистить лошадей, кормить их. И иногда в виде большой награды дает пошагать на лошадях. Сперва вербует помощников, потом уж из них растит спортсменов.

Его ребята находят счастье в том, чтобы соприкоснуться – в любом качестве – с делом, которое любят, к которому стремятся...

**РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТ
СТАНИСЛАВ ТОКАРЕВ**

«Лошадь помогла человеку прийти к цивилизации, значит, в каждом из нас от природы заложена информация о том, как обращаться с лошастью». Это из умозаключений Виктора Петровича Угрюмова, из парадоксов, излагаемых им обычно с полной безапелляционностью.

Так ли, не так, но почему же остро волнует тебя, объясни, сам вид гармонично прекрасного животного, так зовут перестук копыт в денниках, шумные вздохи, тихое похрюкивание, сладковато-терпкий запах лошадиного жилья; и белолобая морда, косящая глазом из-за деревянной решетки, вызывает уважение и нежность?

Что это – память детства? Крутой волжский откос, под который спускаешься поить вороного, и когда он, фыркая, тянет к воде шею, соскальзываешь по ней, плюхаешься: ах, славно...

Упоение полета санок сквозь метель, доверенная тебе кучером вместе с вожжами власть над конем – или его над тобой? – и перед глазами веселый, озорной промельк подков...

И по всей-то взрослой жизни прочерчена ребячья зависть к человеку, столь статному и бравому в седле.

Счастливцев Угрюмов!

Судьбой дано ему учить лошадь ювелирному искусству выездки и потом являться на ней в манеж затаченным в черный фрак, гарцевать, словно совсем не прилагая усилий, лишь слегка перебирая повод

На Олимпиаде в Мехико

*Я аспирантуру умудрилась закончить досрочно —
за два года четыре месяца*

*После Олимпиады в Мехико.
«В словах «сомбреро», «серape» была
экзотика и притягательная сила*

*Встреча в Звездном городке.
Л. Жаботинский (итанга),
Г. Прокументчиков (плавание),
космонавт Г. Береговой, А. Медведь (борьба),
Е. Петушкова, Б. Лагутин (бокс),
космонавт П. Попович*

*Елена Петушкова и Инесса Яунземе,
олимпийская чемпионка
по метанию копья.
Жюри Всесоюзного фестиваля
спортивного кино*

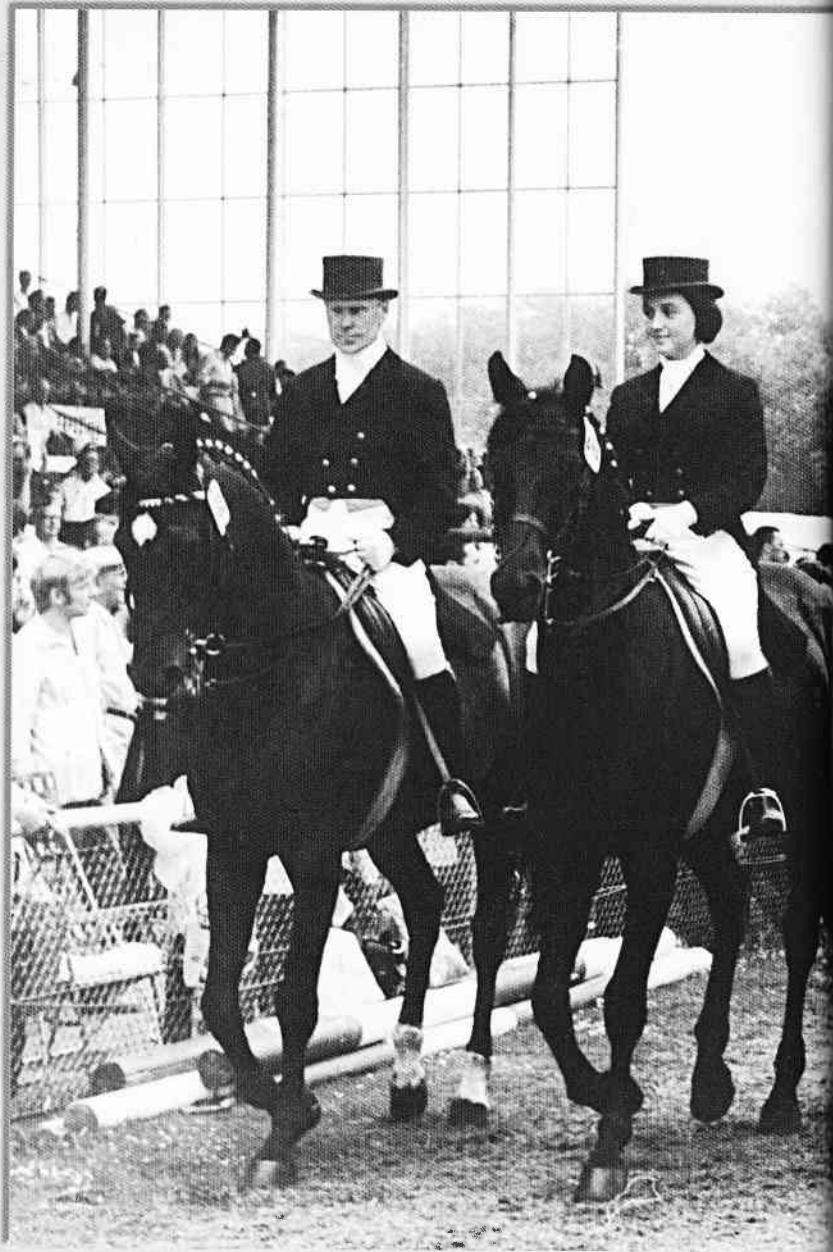
*Аахен, 1970 год, Чемпионат мира.
Елена Петушкова на знаменитом Пепле*

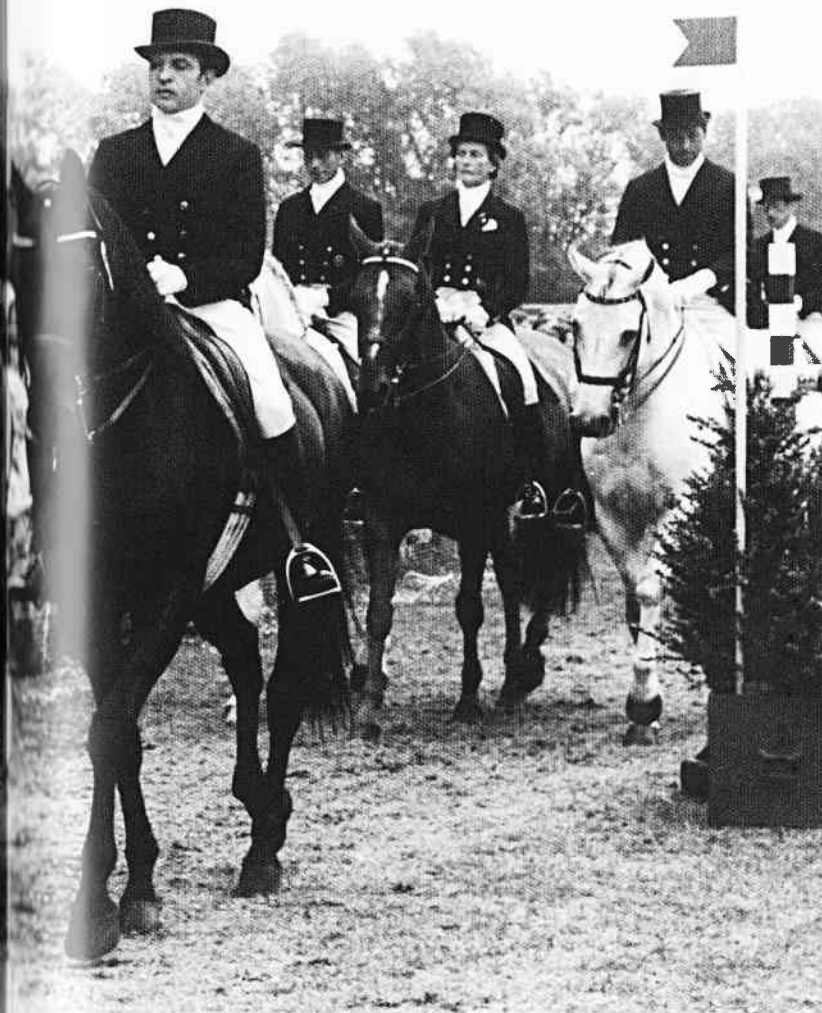
*Члены немецкой команды поздравляют
наших конников с победой*

Купание коня на стадионе в Аахене

*Команда-победительница в Аахене.
Иван Кизимов на Ихоре, Елена Петушкова на Пепле,
Иван Калига на Тарифе.
«...Пусть даже это никогда не повторится.
Но этот миг – мой...»*

Иван Калита с Тарифом

Иван Кизимов с Ихором

— Елена! Ты чемпион!

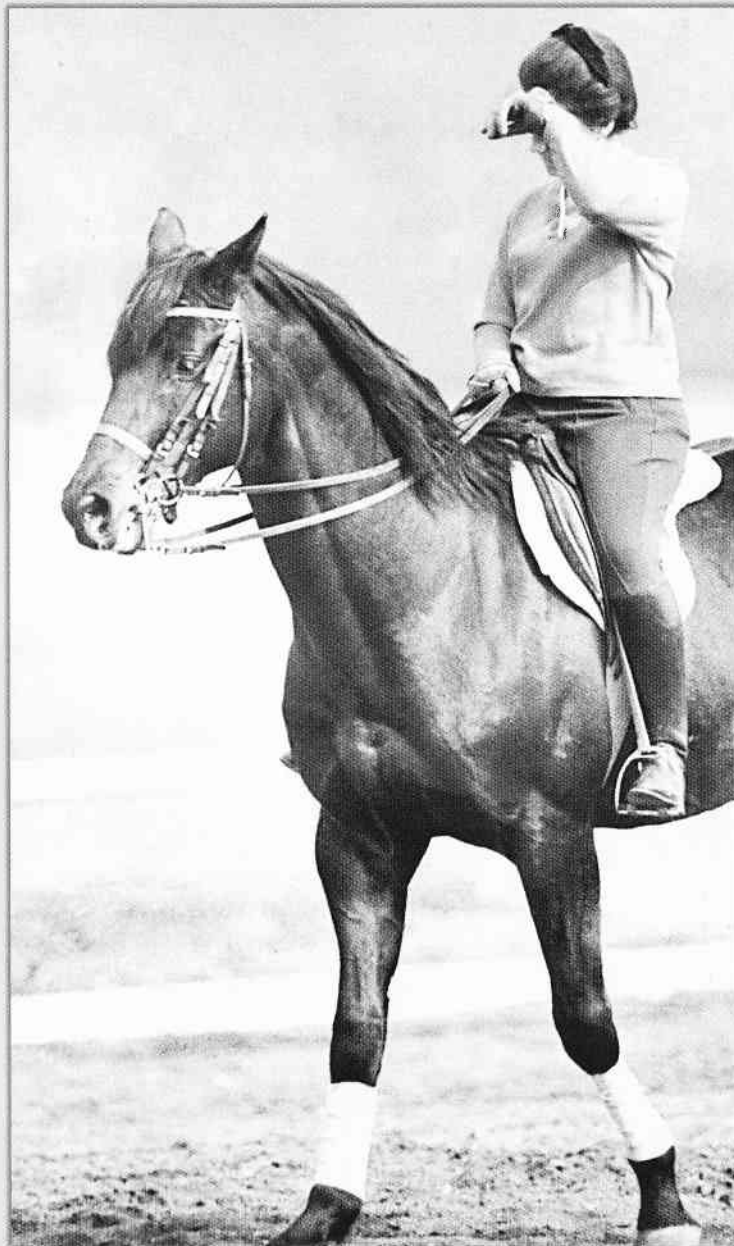

*Своими успехами
больше всего я обязана
Григорию Терентьевичу
Анастасьеву.
Он создал меня как
спортсменку*

*Пепел любил целоваться,
а в манеже иногда бегал за мной
как собачонка*

руками в белоснежных перчатках, и потом, когда отобьет партнер копытами заключительные такты пи-аффе, широким жестом снимать цилиндр, приветствуя судей.

Счастливец, ему повезло.

Впрочем, стоп. В житейской философии Виктора Петровича понятию «везение» места нет.

Когда он начинал заниматься выездкой – еще дома, в Ташкенте, – бывалые кавалеристы говорили, что из него ничего не получится.

Для высшей школы, они говорили, нужны красавец конь и всадник с чуткими пальцами музыканта. Угрюмов же с детства работал подручным кузнеца, потом молотобойцем, кузнецом («Ему подковы ломать, а не лошадей выезжать»). А конек ему достался маленький, пузатенький, слепой на один глаз и другим плохо видевший. Лихой было имя конька, а дразнили его ишаком. Он был, правда, хороших кровей, происходил от знаменитого Хобота, был братом Ихора, на котором Иван Кизимов стал в Мюнхене олимпийским чемпионом. Но что делать, коль выдался этот Лихой в семействе гадким утенком.

– Зато душу сохранил, – говорит о нем Угрюмов. – Я думаю, он много страдал, был сперва опустившийся, и мое отношение к нему его переделало.

Когда я задал Угрюмову простой, как выяснилось, наивный, по его мнению, вопрос, любит ли он лошадей, он ответил, что о любви не может быть и речи. Лошадь для него – спортивный снаряд, на котором выполняются определенные упражнения. Снаряд надо содержать в порядке, как, например, свой куз-

нечный инструмент (Виктор Петрович тонкое делоковки никому не доверяет).

Ну а коли так, при чем здесь душа Лихого?

Замечено, что конники, сделав предварительную оговорку об отсутствии у лошадей второй сигнальной системы, а следовательно, разума в нашем понимании, тотчас принимаются говорить о них как о людях. И это, собственно, великолепно, это побуждает их лелеять, щадить и понимать больших и сильных, но слабых и ребячливых «братьев наших меньших».

Не случайно же лошади делятся для Угрюмова на тех, которые хотят, и тех, которые не хотят учиться. «Бывает спортсмен – способностей вагон, так и лошадь».

Выездкой Угрюмов занялся поздновато, после службы в армии, до того пробовал себя в конкуре, в троеборье. В Ташкенте тогда были два классных мастера высшей школы, и ему негласно определили вечное третье – после них – место.

Но он так о себе говорит: «Останься я кузнецом, я не был бы простым кузнецом – придумывал бы, рационализировал, выбился бы в люди. Стань я инженером, я бы не был простым инженером. И так в любом деле, которым бы я занялся. Я решил разобраться в выездке досконально. Это у меня от отца. Был случай в сорок третьем году на Сахалине, где мы тогда жили. Прислали дизель-электростанцию, а документация на нее не пришла. И отец, простой рабочий, взялся, разобрался и пустил ее. У меня по психологическим тестам выходит, что новому делу я обучаюсь довольно медленно, но всего лучше сам».

Виктор Петрович терпеливо слушал всех, кто мог хоть сколько-нибудь помочь ему советом. Он читал о лошадях все, что мог достать.

Сейчас, по прошествии многих лет, можно сказать, что вряд ли есть такая книга о выездке, которая не была бы ему знакома. Для этого он, например, самоучкой вызубрил немецкий – школа выездки в Германии на протяжении веков считается одной из лучших в мире. Гигантскую домашнюю библиотеку патриарха отечественного конного спорта Георгия Тимофеевича Рогалева Угрюмов проштудировал от корки до корки.

Каких только методов обучения не придумывал! Лихого так, допустим, тренировал отбивать пиаффе: привязывал к стойкам гимнастического турника, под перекладину, и со стороны слепого глаза бросал в круп мелкие камешки. Конь пугался, стремился вперед, а привязь не пускала, и получался шаг на месте...

Словом, долго ли, коротко ли, Угрюмов на Лихом в розыгрыше Малого приза оказался однажды третьим на первенстве страны. Судьи посмеивались над тем, как пыхтел, старался, работал бедняга конек, посмеивались, но выводили по заслугам высокие баллы.

Надо сказать, что Виктор Петрович к тому времени оставался не только спортсменом, но со свойственной ему уверенностью в себе начинал мало-помалу тренировать молодых всадников. И в этих двух качествах – как наездник и как тренер – был приглашен в Белоруссию, в конный центр Ратомку.

Он взялся там за дело ретиво – с раннего утра до позднего вечера не выходил из манежа. А до него

жизнь в Ратомке текла ни шатко ни валко – приятная, непыльная жизнь. Отгуляют коллеги два часа с хлыстиками, возьмут бутылочку, и потечет неспешный разговор о замечательном предмете – лошадях. Однажды Виктору Петровичу тамошний его ученик сказал: «Вы меня не гоняйте сегодня так уж сильно, пожалуйста, я вчера малость перебрал». Тот его: «Вон с тренировки!»

«Так праздник же вчера был, – пеняют коллеги, – разве не понятно, разве ж можно, чтобы без никаких тебе резонов? Ты его отплавил вон, а он, может, талант выдающийся, он обидится и бросит спорт. И вообще. Угрюмов, без тебя нам лучше было. Заветного слова в выездке ты, как и мы, не знаешь, а знаешь одну работу каторжную, а мы мечтали о чем-то возвышенном, что ж ты на нашу романтику железную решетку надел? У тебя как на производстве...»

«Думкой, – он им сказал, – только дурак богатеет. А насчет заветного слова верно: не знаю, и никто не знает, его нет, а есть труд. Я, когда на заводе работал, спортом уже занимался и в вечернюю школу ходил. Сяду, бывало, в классе у печки и закемарю. А прямо перед глазами на плакате написано, что в труде заключается смысл и цель жизни человека, его счастье, его восторг. Это говорил писатель Чехов. И я читал и не понимал: как так, чтобы труд давал счастье, давал восторг?

А потом простой пример вспомнил: вот потаскаешь раскаленные болванки, взмокнешь весь, потом глотнешь холодной газировки, и такая прекрасная делается жизнь, идешь домой усталый, а она вся вокруг тебя улыбается.

Это как в парной бане: терпишь, сил уже нет, а терпишь, а потом ляжешь дома на чистую постель – блаженство.

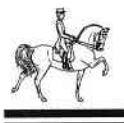
Ну а насчет таланта, которого я прогнал, так из любого, я вам гарантирую, могу сделать классного мастера выездки, умел бы он работать и терпеть. Вон девочка беленькая стоит. Иди сюда, девочка...»

Это не домысел, не легенда – именно в споре, веря, как всегда, что его терпение и труд все перетрут, Угрюмов позвал в группу юную спортсменку, которая считалась совершенно бесперспективной. Через восемь месяцев Ирина Карачева проигрывала в Белоруссии только Угрюмову.

Да, он подлинно исполнен веры в себя, в свой ум и в свои руки, истый русский мастеровой, не признающий деления людей спорта на тех, которым природа выдала щедрую жменю, и тех, кому протянула пустую ладонь. Спорь с ним, не спорь, он уверен, что гены – дело второе, пятое, десятое...

Противореча себе, он может бурно восхищаться дочерью Елены Петушковой Владой: посадил ее на смиренного, туповатого Акбулака, ножки ниже седла не свисают, сказал: «Вышли лошадь». Девочка что-то такое непонятное, даже вроде нелепое сделала, и конь как птичка порхнул – вот это был посыл! Талант, конечно, наследственный.

Хотя все так, но Угрюмов настаивает на своем: что такое – не рожден человек, например, прыгать? Если он с детства сегодня одну ступеньку возьмет, завтра – другую, повыше, потом еще выше, то как еще прыгает! Это и есть настоящая жизнь – расти над собой со ступеньки на ступеньку.

Среди множества его идей иные с небольшим, так сказать, загибом. Он считает, например, что спортсмен-конник в большинстве случаев интеллектуально выше неспортсмена, если подразумевать под интеллектом способность размышлять над окружающей действительностью, оценивать ее и перерабатывать получаемую информацию. «Мышцы ведь связаны с мозгом, так? И их развитие способствует развитию мозга – не может не способствовать. А интеллект помогает понимать лошадь. А что такое «понимать лошадь»? Чувствовать ее чувства и желания и корректировать их так, как это тебе необходимо».

Он учит так: чуть у лошади элемент стал хорошо получаться, настолько хорошо, что, вызубренный, он может обернуться уже небрежностью, халтурой, надо сразу прекращать над ним работу. Тогда во время соревнований лошадь будет стараться изо всех сил, ожидая, что за самым лучшим исполнением последует награда – отдых.

«Надо, – он говорит, – не заставлять в соревнованиях лошадь сделать то или другое, а морально подводить, готовить ее к элементу. И если она готова, тогда ты шенкель только приложил, а она уже с удовольствием тебе отвечает и на морде у нее желание, а не обреченность. У тренированной лошади меньше времени проходит от требования всадника до ее ответа. Конника хвалят так: «Он чувствует лошадь». Значит, чувствует время протекания реакции».

Он вспоминает: «В армии я немного занимался современным пятиборьем. Бежишь, бывало, кросс – последний километр, в груди как кол торчит, ноги

подгибаются. Бежишь и думаешь: «Будь подо мной лошадь, я бы ее уже начал пороть». Я и не бью их потому, что всегда эту мысль свою помню. Я когда с ними работаю, жду, что они сами то или другое захотят сделать. Ставлю в определенные условия и жду».

«...Мне нравится процесс общения с лошадью. Процесс совершенствования. Видишь, как она растет, растет, растет: жеребенок, жеребчик и вот уже конь, такой красавец...»

«...А вообще не столько ты лошадь воспитываешь, сколько самого себя».

В 1976 году, заняв на Олимпиаде в Монреале шестое место, Угрюмов сразу после этого отдал своего Сайда, идеально выезженного рыжего арабо-тракена тигриной грации, Ирине Карачевой – ученице.

Поступок казался неожиданным, нелогичным, как ни объяснял Виктор Петрович, что, во-первых, он всей душой полюбил Белоруссию с ее добрыми, бесхитростными, трудолюбивыми людьми и изо всех сил возжелал сделать ей когда-нибудь подарок – добиться, чтобы сборная республики стала сборной страны, а во-вторых, заявлял Угрюмов в свойственном ему стиле, когда он на Сайде, у него в стране нет конкурентов, а ему так жить неинтересно.

В 1978 году Угрюмов совершил другой нелогичный поступок – взялся помогать Петушковой.

Ну тут, по-моему, в изрядной мере сказалось личное отношение Виктора Петровича к Лене. И ее ученость, и спортивное мастерство побуждают Угрюмова считать ее образцом, высоким примером для под-

ражания, более же всего иного – трудолюбие. В пору, когда возникло их содружество, прекрасный Пепел состарился, так сказать, «ушел на пенсию», и она взяла молодого Абакана.

За два года они уже многого достигли – в частности, завоевали в составе сборной страны «серебро» на чемпионате Европы. Но кое-что у коня еще не ладилось, особенно пассаж и пиаффе. Навыки исполнения этих элементов и принялся шлифовать Угрюмов.

В 1979 году на Спартакиаде народов СССР Петушкова на Абакане была второй, проиграв лишь самому Виктору Петровичу и выиграв у Карачевой.

Угрюмова, впрочем, это не огорчило: он смотрел дальше, смотрел в олимпийский восьмидесятый. Видел сборную страны состоящей из них троих.

Но судьба решила иначе.

Весной восьмидесятого трагически погиб Абакан: Петушкова осталась без лошади и, следовательно, вне команды. Потом тяжело заболел Сайд, в команду не смогла попасть Карачева. Их заменили Юрий Ковшов и Вера Мисевич. И наконец, уже перед Играми у самого Угрюмова, включенного в сборную, простудился и заработал ревматизм новый его конь – Шквал.

Виктор Петрович в Битце выступал. Но чего это стоило! Как мог, он восстанавливал лошадь, делая припарки, по секундомеру вымеряя время разминки – на какую погоду сколько.

Уже в ходе турнира один специалист упрекнул его: «Что ж ты, такой мастер, менку ног не можешь лошадь заставить как следует делать?» Разговор шел возле денника, и Угрюмов велел конюху вывести

Шквала, прогулять по коридору. «Зашкандыбал мой бедняга, и тот товарищ только руками развел».

В командном зачете Олимпиады наши победили, Угрюмов на Шквале был третьим.

Потом у него появился новый, молодой конь – соловый тракено-ахалтекинец Енисей. Все опять начиналось с самого начала.

Снова въезжал в манеж стройный всадник, горделивый и недоступный, сжав в нитку губы, строго сунув глаза под полями цилиндра. А за полчаса до того, натягивая сапоги и пристегивая шпоры, он тоненько, по-детски приговаривал: «Ой-ой, божечки, как я волнуюсь, ой, как боюсь, ой-ой...»

Что это?

Да система.

Где ни копни, все у него система. Он, видите ли, заметил, что ему легче выступать, когда он чувствует беспокойство, тревогу. Вот и тревожит, и беспокоит себя. И своих учеников – тоже. Если видит, что они беспечны: «Чего вы развлекаетесь, другие-то вон лучше вас ездят».

Зато после соревнований он их не критикует. Только до. Он рассказывает притчу, как некто, послав сына за молоком, тотчас отвесил ему затрещину. «За что, батя?» – «Чтоб не разлил». – «Так надо потом, если разолью». – «Потом поздно будет».

В кабинете высокого начальства Угрюмов способен уверенно заявить, что берет на себя обязательство еще раз стать олимпийским чемпионом. Только нужно ему для этого то-то, то-то и то-то. По принципу «проси больше, дадут меньше».

Но ничего для себя – только для дела, для лошадей. После Олимпиады ему предлагали новую квартиру – больше и лучше нынешней. Отказался. У него, понимаете, отличные соседи по дому, особенно один – слесарь-ремонтник железнодорожного депо, такой же, как он сам, увлеченный своим делом человек.

Личной машины Угрюмов не хочет. Возни с ней много, а у него забот и с лошадьми хватает. И вообще, у него своеобразное отношение к транспортной проблеме: отправляясь на соревнования, мягкому креслу самолетного салона или купе скорого поезда предпочитает коневозку – фургон, в котором везут лошадей. Уж он о них за дорогу все узнает, а кроме того, насмотрится всласть на леса и поля, поест у костерка, поспит под звездным небом...

Человечество, по-моему, делится на две категории – людей субботы и людей понедельника. Одни ждут не дождутся отдыха, другие – утра, чтобы стремглав бежать к своему делу.

Так ждет Угрюмов свидания с лошадьми.

ДИАЛОГ ВТОРОЙ

О феномене экрана и о том, заурядны ли сильные личности

Станислав Токарев. Мы говорили о том, как пишут о спортсменах. Продолжим тему, придав ей иной поворот: как спортсменов показывают на экране. Тема должна быть тебе близка – ведь ты член президиума Федерации спортивного кино.

Но понятие «экран», в данном случае документальный, придется трактовать пошире, имея в виду и телевизионный, поскольку спорт сегодня невозможно себе представить без телетрансляции.

Однако сперва о кино. Я начну с известного фильма «Вспоминая Харламова». Там авторы сетуют на то, что при жизни так мало снимали выдающегося хоккеиста современности: не на льду, не в свалке у ворот, но просто, чтобы он с кем-то беседовал, просто размышлял... И когда спохватились, было уже поздно. Если бы была возможность угадать, кто станет

чемпионом, и проследить с помощью камеры за его шагами последовательно, начиная с первых!

Удалось же в одной картине запечатлеть первый, самый первый в жизни, робкий прыжок в воду крохотного мальчика Володи Тимошнина, ставшего впоследствии достаточно заметным мастером.

Елена Петушкова. Конечно, такой кадр – находка, везение для режиссера. Исключительный случай. Ведь ситуация с Валерием Харламовым, с картиной о нем печальна, но типична. Попытки создать психологический портрет на экране начинают предприниматься, когда на героя «появился спрос». Когда он уже многого добился.

С.Т. Опять мы приходим к тому, что интерес документалиста к человеку спорта обуславливается почти всегда одними лишь титулами. Или в первую очередь титулами. А всем остальным – во вторую.

Е.П. Нет, это не совсем так. Интерес обуславливается, я бы сказала, масштабом свершения. И масштабом не только по чисто спортивным меркам. Вспомни лучшую новеллу из фильма братьев Климовых «Спорт, спорт, спорт».

С.Т. Конечно, о беге Хуберта Пярнакиви?

Е.П. Конечно. Я много раз смотрела картину, но этот эпизод меня всегда потрясал.

Напомним читателю, что речь шла о матче легкоатлетов СССР и США, о последнем номере программы – забеге на десять тысяч метров, в котором решалась судьба командного первенства. Стояла удушающая жара, один из американцев упал в обморок на дорожке, а Пярнакиви – тоже практически в обморочном состоянии, вызванном чудовищным обезво-

живанием организма, – бежал. Шатаясь, зигзагами, странным, я бы сказала, сомнамбулическим шагом. Бежал, хотя бежать не мог, бежал, управляемый не силой, которой не было, но одной волей! И добежал. И принес победу.

С.Т. Да, поразительные это кадры. Может быть, вершина нашего документального спортивного кино. Какой огромный они несут воспитательный заряд!

Е.П. Но должна тебе заметить, что, когда смотришь фильм в аудитории спортивной, реакция именно такая, которую испытываем мы с тобой. В обычном же зале, представь, во время этого эпизода я слышала смех...

С.Т. Документальное кино уже сыграло роль, и немалую, в том, что развеял миф о сладкой жизни спортсменов. И те, кого парадная сторона этой жизни прельщала, и другие, свысока считавшие спорт занятием легким и потому пустяковым, полагаю, в основном поняли, сколь сложно преодолевать тяготы, себя преодолевать. Полагаю, большинству уже понятно, за что чемпионам дают ордена. Но не кажется ли тебе, что здесь наметился некий крен? Прежде мы видели на экране таких лихих бодрячков, которые шутя-играючи низвергали рекорды и озаряли зал белозубой улыбкой. Сейчас же наше внимание часто – не излишне ли часто? – приковано к страданиям и рыданиям. Правда ли это?

Е.П. Как всегда, при односторонности подхода, правденка.

С.Т. Но хочется задать вопрос: зовем ли, маним ли мы таким образом человека в спорт? Вдруг не зовем,

а отталкиваем? Во имя чего страдать? Где противовес – радость, наслаждение?

Е. П. Видишь ли, с моей точки зрения, люди большого спорта – это первооткрыватели. Это исследователи. Они идут непроторенным путем и именно этим зовут за собой. Они – как пионеры освоения новых земель, как исследователи космоса. В этом романтика. А молодому поколению остро не хватает героев-современников, несущих в себе романтическое начало. И потому, что их не хватает, герой западного кино – с нашей точки зрения, антигерой, который умело, отважно, но всегда к собственной выгоде использует пистолет и, скажем, приемы каратэ, – становится подчас и для наших мальчишек кумиром.

Но ведь кумиры-то нужны!

А где, как не в спорте, найти сочетание героики и романтизма, найти яркие личности, деятельность которых направлена на общее благо? На общее благо – вот что особенно важно.

В доводах против того, чтобы на олимпиадах поднимать в честь победителя флаг его страны и исполнять гимн, казалось бы, есть некий резон. Де состязаются просто люди, занимающиеся спортом, а не государства, и этих «просто людей» надо-де славить. Однако в таком случае перед нами предстает фигура асоциальная, чья цель – самоутверждение, самовозвеличение. Предстает супермен, и только. Флаг же над его головой, гимн его страны – все это подчеркивает, что человек стремится к победе, чтобы утвердить – в мировом масштабе – славу своей родины. Вот, кстати, и ответ на твой вопрос, во имя чего страдать и где наслаждение. В сознании этого.

С. Т. То, что ты говоришь, верно. Я бы сказал, азбучно верно. Но согласишься: среди множества чемпионов особую любовь зрителя вызывают единицы. Особо ему запоминаются единицы. Почему? Чем? В твоей, к примеру, памяти, кто запечатлелся ярче – Людмила Турищева или Ольга Корбут? Они в одну пору выступали.

Е. П. Пожалуй, Корбут.

С. Т. Но это вроде бы нелогично. Корбут не обладала и десятой долей титулов Турищевой. Никогда не была абсолютной чемпионкой – ни Европы, ни мира, ни Олимпиады. Никогда не выигрывала у Турищевой.

Е. П. Вероятно... была артистичнее. Умела нравиться.

С. Т. Нравиться умела – это верно. Чувствовала публику. Турищева решала чисто спортивные задачи и о том, чтобы добиться контакта с публикой, не задумывалась. Но суть «феномена Корбут», причина ее внезапной всесветной популярности обусловлена изначально одной-единственной минутой телепередачи с Мюнхенской олимпиады.

Причем, если бы мир увидел на экране только лишь уникальный трюк, исполненный на брусках крохотной, вроде бы невзрачной девочкой, он бы не полюбил ее так сразу и так горячо. Но судьи, показалось миру, занизили оценку, и дитя разрыдалось искренне и горько, и талантливый телережиссер именно эту картинку крупным планом послал на экран, и людям планеты стало жаль дитя точно собственное.

Минута породила бум.

Е. П. Хороший пример того, как создают кумиров средства массовой информации. Американский социолог Джордж Сеид пишет: «Организованный спорт – это прежде всего социальный фактор, формирующий массовое сознание». Интерес к спорту-зрелищу, одному из самых демократичных (в том смысле, что привержены ему представители всех слоев общества), одному из самых популярных (Олимпиаду ведь смотрит вся планета), именно и делает его, спорт, могучим средством пропаганды. Да одно то, какие колоссальные деньги платят западные телекомпании за право трансляции Олимпиады, лишний раз подчеркивает это с точки зрения экономики. Дельцы не бросают доллар на ветер. Они знают, что короткий рекламный сюжет, вкрапленный в репортаж, увидят миллионы и, следовательно, трата себя окупит.

С. Т. Но ты заговорила о формировании массового сознания. Значит, о пропаганде в более серьезном плане. О спорте-зрелище как оружию в идеологической борьбе. Эта мысль, по-моему, нуждается в доказательстве.

Е. П. Оно не сложно.

Когда, скажем, заокеанское телевидение в огромных количествах транслирует кетч, американский футбол, оно пропагандирует культ силы, право сильного, оно разжигает самые грубые и низменные инстинкты. Это и есть прямое влияние на мировоззрение личности. Ведь среди зрителей, к примеру, и будующие «солдаты удачи».

С. Т. Но, прости, тот же американский футбол – вид спорта, конечно, варварский – не телевидением

придуман. Игра возникла, когда телевидения в помине не было. Камера просто демонстрирует данность.

Е. П. Нет, тут как раз не просто. Во-первых, игра в таком виде появилась не случайно в обществе, где царит культ грубой силы. Во-вторых, вопрос не только в том, что показывать, но и как. Побойсь, кровь на физиономиях, зверские гримасы, данные нарочито крупно, подчеркивают все худшие, с нашей точки зрения, черты вида спорта.

С. Т. Хорошо, но перенося на отечественную почву хоккей, который прежде назывался у нас канадским, мы восприняли и не самые привлекательные его черты. Вот побросали ребятушки клюшки, сошлись стенка на стенку, судьи их разнимают, под горячую руку судьям достается.

Представь себя на месте режиссера. Что ты покажешь в этот момент нашему зрителю? Трибуны, на которых публика ест мороженое?

Е. П. Это было бы ханжеством.

С. Т. Тогда что?

Е. П. То, что происходит на площадке. Но очень важно, как оценит ситуацию комментатор. У нас, к сожалению, в ходу два словесных стереотипа. Если играют свои со своими: «Да, в хоккее случается и такое». Если наши, допустим, с канадцами, те – зачинщики: «Нет, такой хоккей нам не нужен». Но если умно, тонко, убедительно разъяснить...

С. Т. Что драться нехорошо?

Е. П. Не так примитивно, но в принципе – да. Драка в данном случае – аморальное явление по жизненным меркам, нарушение правил – по спортивным. Так ее и надо трактовать.

С.Т. Ну а показывать все-таки что? Драку?

Е.П. Конечно. Просто без смакования, без любования. Телекамера, как и кинокамера, отнюдь не нейтральна по отношению к жизни. Это оружие наступательное, способное и осуждать худшие стороны спортивной жизни, и пропагандировать лучшие. Спортсмен же предстает в ее поле зрения эмоционально открытым, совершенно открытым во всех своих страстях, во всех переживаниях. Укрупнять, подчеркивать самые лучшие из человеческих черт – вот задача.

Вспомни последнее выступление Александра Медведа на Олимпиаде в Мюнхене. Не будь телевидения, этот выдающийся атлет так бы и остался в памяти людей просто обладателем множества титулов. Но оператор показал нам, как, закончив победой последнюю, решающую схватку, Медведь, шатаясь от усталости, шел с ковра и вдруг преклонил колени и припал к ковра поцелуем. Так он прощался. И перед нами, как перед ним, мысленно предстала вся жизнь, самоотверженно отданная спорту. Удивительно трогательно и поучительно!

С.Т. Тут я с тобой совершенно согласен. Могу в подтверждение твоей мысли привести эпизод трансляции с чемпионата мира по футболу из Испании, когда играли в полуфинале сборные ФРГ и Франции и исход решался серией пенальти. Эпизод, поразительный по драматизму, по психологической глубине. Защитник команды ФРГ Штилике (его знали-то до этого просто как грубияна), пробив «свой» одиннадцатиметровый, промахнулся. Он сел на землю и разрыдался. И к нему подошел вратарь Шумахер

и обнял, не только утешая, но и словно обещая исправить ошибку товарища. Потом встал в ворота и взял мяч от француза. В сущности, это и определило исход игры. Уверен – момент запомнился всем зрителям, всем болельщикам, но телезрителям в данном случае больше повезло. Укрупненный объективом, эпизод стал как бы символом дружбы и взаимной поддержки в команде, вообще в спорте...

Но меня несколько настораживает вот что. Ты говоришь: «Лучшие из человеческих черт спортсмена надо укрупнять, подчеркивать». Другие же черты, получается, затенять. Я согласен: молодежи нужен герой, кумир, объект для подражания. А что делать, если с общечеловеческой точки зрения – не со спортивной, а с общечеловеческой, – этот кумир зауряден? Ну, скажем, малокультурен?

Е.П. Пусть. Пусть он не знаток литературы, искусства. Иные выдающиеся ученые не интересовались ничем, кроме своей – узкой – области. Ограниченность проистекала от того, что работа не допускала никаких отвлечений. Можно это назвать увлеченностью, поглощенностью, фанатизмом. А можно и малокультурностью, поскольку они не знали многого из того, что знают дилетанты. Но высокая цель требует максимума сил. Одержимости. Да ты сам знаешь – люди конного спорта ни о чем другом, кроме лошадей, говорить не могут.

С.Т. Но мне с ними интересно.

Е.П. Тогда в чем их заурядность? Если дело для человека – жизнь, он всегда интересен. Нужно только уметь его показать. Кстати, один известный баскетболист говорил: «Нас порой обвиняют в том, что мы

ленивы и нелюбопытны. Мол, были в Париже, а Лувра не посетили. Или музей Прадо в Мадриде. Но были-то мы в командировке. И такой важной, что все силы нашего тела и души отдавались делу – подготовке к игре, самой игре, отдыху от нее и новой игре. Потому не судите нас строго».

С.Т. Все так, но мы хотим, чтобы герой спорта был гармонически развитой личностью. Цель искусства – воспитание такой личности, будь то искусство кино или телевидения.

Е. П. Александр Иваницкий, замечательный спортсмен, говорил, что, с его точки зрения, нельзя проводить прямые аналогии между искусством и спортом, потому что правда искусства состоит в максимальной приближенности к правде жизни, а спорт всегда – сама жизнь. Пример, показываемый спортсменом, состоит в его деятельности, в вершинах его деятельности, и если этот пример красноречив, если он высок, то воспитательная цель достигнута.

РАССКАЗ ПРОДОЛЖАЕТ ЕЛЕНА ПЕТУШКОВА

Чтобы верно очертить течение жизни, мне пришлось бы, возможно, каждую страницу разделить пополам, и на одной половинке писать о спорте, а на другой – об учебе, о науке, поскольку в обеих областях события развивались параллельно и главные точки почти совпадали во времени: поступление в университет и начало занятий выездкой, поступление в аспирантуру и включение в сборную.

Когда решался вопрос о моей аспирантуре, на кафедре знали, что я спортсменка, и это было единственной причиной, по которой руководитель кафедры академик Сергей Евгеньевич Северин несколько сомневался во мне.

Впрочем, думается, мне удалось рассеять эти сомнения, и по окончании аспирантуры я получила от Сергея Евгеньевича лестное предложение поехать на десятимесячную стажировку за границу. Огромный был соблазн, но прервать на такой долгий срок тренировки, оставить Пепла я не могла.

Быстро окончить аспирантуру мне помогло приличное знание английского. Первый год занятий уходит на подготовку кандидатского минимума – на философию и иностранный язык, и аспирантам задают переводить жуткое количество страничек. А я сдала язык тотчас, чем освободила себе время.

Английский у нас еще в школе преподавали очень хорошо, а в университете – опять-таки для экономии времени – я взялась сразу читать неадаптированные книжки. С первой мне приходилось чуть ли

не за каждым словом лазить в словарь, со второй пошло легче, с третьей – еще легче.

Но известно, что между пассивным пониманием языка и активным владением им, умением разговаривать высится психологический барьер, и, чтобы перепрыгнуть его, нужно было усилие, особенно трудное для меня при моей закомплексованности. Помню, попав в первый раз на чемпионат Европы в Данию в 1965 году, я, уже очень прилично зная английский, каждое утро по большой дуге обходила портье отеля, чтобы не говорить ему простого «здравствуйте». Переступить же барьер меня, как и многих людей, заставила необходимость: на соревнованиях за рубежом нужно было общаться со спортсменами и тренерами из других стран. Для этого вполне хватало английского, и когда я ради собственного удовольствия взялась за французский, то занималась им лениво и дальше умения читать Сименона без словаря не пошла. Вообще, я убедилась, что для меня нужно ощущение настоящей необходимости – одного удовольствия мало.

Кто-то из знаменитых ученых в шутку сказал, что наука есть способ удовлетворения собственного любопытства за государственный счет.

Когда читаешь научные статьи, кажется, что строгая логика изложения почти не оставляет места для творческого воображения, настолько естественным и органичным представляется каждый этап, каждый последующий шаг в работе. Это обманчивое ощущение объясняется тем, что все уже сделано, все полу-

чено, устоялось. Прежние сомнения, ложные шаги и тупики отмечены, поиски и находки разложены по полочкам.

Научное исследование – это увлекательнейшая работа, и в изложении ученых, обладающих популяризаторским даром, описание пути к открытию захватывает не меньше, чем хороший приключенческий роман.

Но порой, чтобы написать страницу этого романа, требуются месяцы, годы каждодневного, достаточно однообразного, рутинного труда, повторение снова и снова одних и тех же экспериментов.

Терпение и настойчивость вознаграждаются маленьким открытием – открытием скорее для себя, потому что в масштабах большой науки это лишь крошечный шаг к истине. Но он твой, он несет тебе счастье. Наука в определенном смысле не менее эмоциональна, чем спорт.

Я была счастлива, что меня оставили в аспирантуре, тем более что получила возможность продолжить тему, увлекшую меня в период работы над дипломом.

Моя диссертация называлась «Влияние природных имидазольных соединений на сократительные и ферментативные свойства мышечных белков». Попытаюсь несколько расшифровать это таинственное название, хотя популяризатор из меня плохой.

Прежде всего, хотя в названии фигурируют мышечные белки, а тема связана с проблемой сокраще-

ния мышц, к спорту она не имеет никакого отношения. Подчеркиваю это потому, что ассоциация напрашивается, и мне часто говорят: «Ты спортсменка, вот и тема у тебя такая». Совпадение здесь случайно, формально, хотя и не исключено, что в отдаленном будущем результаты фундаментальных исследований в этой области могут найти применение в медицинской практике и в спорте. Проблема механизма мышечных сокращений на молекулярном уровне стоит в ряду важнейших проблем современной молекулярной биологии, над ней работают целые институты.

«Природные имидазольные соединения» – это требует специального разъяснения. Достаточно давно в составе мышц животных и человека обнаружены удивительные вещества – дипептиды: карнозин и анзерин. Каждое состоит из двух аминокислот – «кирпичиков», из которых строятся все белковые молекулы. Но эти соединения уникальны, они содержатся только в тех мышцах, которые осуществляют двигательную функцию, в так называемых скелетных. В сердце, например, их нет. В упомянутой же мышце этих соединений иногда больше, чем веществ, служащих непосредственными источниками энергии для сокращения мышц.

Все это привело к мысли о тесной связи между дипептидами и мышечной функцией, однако загадка непосредственной их роли до сих пор не разгадана: дипептиды – твердый орешек!

«Корни науки горьки, плоды ее кислы», как любит говорить Сергей Евгеньевич Северин, и открытия я не сделала. Но до чего увлекателен сам процесс ра-

боты, приносящий на каждом шагу по узкой, зато собственной тропке радости неожиданности!

Длинная плоская кювета доверху наполнена водой. По краям две плексигласовые пластинки, соприкасающиеся с поверхностью воды. Широким жестом проводишь по поверхности стеклышком с каплей студнеобразного раствора актомиозина – белкового комплекса, из которого в основном состоят мышцы.

И – ничего!

Потом сближаешь плексигласовые барьеры, и когда между ними остаются считанные сантиметры, вдруг замечаешь, что поверхность воды как бы слегка морщится.

Это становится видимой тончайшая пленка белка. Барьеры смыкаются, между ними, собранная в гармошку, уже не пленка, а белковая нить. Она в состоянии выдерживать маленький грузик. Это чудо рождения из ничего крохотного подобия живой мышцы всегда завораживало меня. Как интригующе интересно обнаружить, что карнозин и анзерин словно уплотняют эту нить, чего ни одно сходное соединение сделать не может!

Обнаружив это в первый раз, я от радости заскакала на одной ножке по коридору, думая, что меня никто не видит, – был поздний вечер. И страшно смутилась, поймав изумленный взгляд румынского аспиранта.

А сложные кривые, вычерчиваемые пером самописца на бесконечных бумажных рулонах! С каким напряжением следишь за ними, тут же кидаешься обсчитывать: подтвердилось – не подтвердилось...

Они отражают все то, что происходит в ячейке, где «работает» твой фермент.

И вот итог – найденное тобой математическое выражение процесса.

Иногда возникает ни с чем не сравнимое ощущение – формулу не просто видишь, ее чувствуешь, знаешь, как она может себя проявить. Тогда воспринимаешь ее странность и красоту, оцениваешь ее эстетически.

Я бы погрешила против истины, если бы сказала, что спорт не мешает моей работе. Но поставлю вопрос иначе. Если бы я не занималась спортом, достигла бы в науке большего?

Ведь не излечи меня спорт от неуверенности, от страха перед ошибками, не научи владеть собой, я не рискнула бы делать многое из того, что делала (читать, например, лекции), никогда бы не обрела смелость отстаивать собственные суждения.

С другой стороны, достигла бы я большего в спорте, если бы не «отвлекалась» на науку?

С уверенностью отвечу – нет.

Вернемся к спорту.

В январе 1964 года меня зачислили в аспирантуру, а в мае начался тренировочный сбор для подготовки к Олимпиаде. Он проходил на Десне, в Ватугинках, в тридцати километрах от Москвы. Я не могла позволить себе жить на сборе вместе с другими участниками – мне надо было работать над диссертацией.

И вот я подбегала к метро перед самым его открытием, потом мчалась к автобусу, потом минут двад-

цать пешком через лес... В семь я седлала Пепла, когда другие не спеша шли завтракать.

В первое время со мной много и охотно работал армейский тренер по выездке Николай Алексеевич Ситько – он исключительно предан делу, готов с раннего утра и до позднего вечера ездить на лошади. Но через несколько дней я ощутила в его поведении неожиданную метаморфозу: я словно перестала для него существовать. Оказалось, руководство строго предостерегло его, чтобы он перед первенством СССР не готовил «своим» соперницу (к сожалению, ведомственные интересы порой ставятся выше интересов сборной).

Попав в сборную, я неожиданно окунулась в атмосферу страстей, которых прежде не знала. Меня ошеломило, например, что некоторые – взрослые мужчины, зрелые спортсмены – внезапно перестали со мной здороваться, и я ломала себе голову над вопросом, когда и чем их обидела.

Это было, как я поняла позже, издержками того чувства соперничества, той естественной для спорта – большого спорта с его огромными моральными ставками – острой конкуренции, которая, будучи подогреваема честолюбием, разъединяет порою людей. Этого нет и никогда не было в нашей сборной за рубежом, там наши интересы едины, мы сплочены высокой патриотической целью, но дома с этим нет-нет, да и сталкиваешься.

Мне повезло. Большую часть спортивной жизни я провела, многого не зная, отчасти в тепличных условиях. Григорий Терентьевич Анастасьев, незабвенный Терентьич, избавлял меня от дрызг, словно за-

слонял грудью. Я жила в иной атмосфере еще и потому, что дома встречалась только с чистотой и теплом, что на кафедре была необычайно дружественная обстановка.

Потому-то так больно уязвляли меня некоторые события, так помнятся они до сих пор.

Окаянная ведомственная конкуренция сказалась не только в охлаждении Ситько.

Дня за четыре до чемпионата страны лошадей повезли на Московский ипподром – там проводилась выездка. Поставили в конюшню. А я заболела ангиной и только накануне старта смогла выбраться к Пеплу.

Стояла жара, раскаленный воздух словно вибрировал над землей, а я бродила по конюшням и никак не могла обнаружить свою лошадь. Наконец мне показали на дальнюю: «Может быть, там». В первую секунду я его не узнала – скелетик, обтянутый кожей. Он вышел, еле переступая ногами, жадно потянулся к воде. Два с половиной ведра он выпил сразу. Его бросили без присмотра, двое суток не кормили и не поили.

Мы с ним заняли шестое место: после всего, что произошло, выше быть не могли. И на Олимпиаду в Токио не попали.

Но горечь в памяти не оттого. Она поднимается в душе, когда я мысленно вижу тот живой скелетик на четырех ножках, тянущий морду к воде.

В следующем, 1965 году я впервые участвовала в чемпионате Европы. Надо сказать, что подробности соревнований я, к сожалению, всегда помню плохо – своих баллов, например, не помню никогда. И хотя

основные вехи, самые трудные и самые радостные дни, конечно, запоминаются, ход отдельных соревнований словно сливается воедино. Словно все, что было у нас с Пеплом, – это один длинный, бесконечный турнир.

И об этом, так сказать, типичном турнире я сейчас расскажу, чтобы сразу сделалось ясно, как он проходит, с чем сопряжен.

Итак, соревнования. Прежде всего важно угадать с разминкой. Мало разомнешь лошадь – плохо: мышцы не разогреются, трудно будет делать сложные элементы. Кроме того, не избавь ее от излишней энергии, она, глядишь, подыграет где-нибудь на прибавленном аллюре, а это срыв элемента, это все равно что фигуристу упасть. К тому же избыток энергии позволит лошади глазеть по сторонам, остро реагировать на окружающее, и она может чего-нибудь испугаться. Разомнешь больше чем надо – устанет, будет работать вяло, и много ты у судей не получишь, и скинут они тебе баллы по тому пункту, который озаглавлен «импульс, желание лошади двигаться вперед».

Спортсмен делает разминку, что называется, по самочувствию, но лошадь-то сама ее не делает, и говорить она не умеет, и ее самочувствие надо угадать. Причем не только самочувствие – настроение. Если она взволнованна, то при разминке ни малейшей резкости, только спокойствие, подавлена – надо взбодрить.

Научить человека понимать лошадь очень трудно. Не знаю, можно ли вообще этому научить. Способность к почти телепатическому контакту с жи-

вотным должна быть от природы, а индивидуальный опыт лишь развивает ее. Недаром про особенно способных всадников в конном спорте говорят: «Он с чутьем».

В спортивной науке увлеклись построением неких идеальных моделей для каждого вида спорта. Не знаю, как в легкой атлетике, гимнастике или плавании, но применительно к конному спорту я моделирования не приемлю. Пусть фигура, руки, ноги, физическая сила, быстрота реакции, даже посадка будут соответствовать идеалу, но нет чутья – нет всадника. Или есть, но среднего уровня, не более.

Я понимаю, что такой тезис равносителен сакраментальному: «Ум как деньги: если он есть, то есть, если нет, то нет».

Опытный автомобилист прекрасно знает, что у каждой машины свои особенности. Однако он всегда уверен в адекватности реакции, нажим на педаль газа или сцепления предполагает строго определенный ответ.

Казалось бы, для всадника тоже однозначно: потянул за правый повод – пошла направо, за левый – налево. Пошла-то она пошла, но как! Одно дело – плавно вписалась в поворот, слегка повернув голову и красиво согнувшись в боку. Другое – когда только слегка скривила челюсть, подставив ее, как подпорку, ненавистному железу, и повернулась всем корпусом, прямая, точно доска.

Баллы сразу летят вниз.

Словом, поскольку под тобой живое существо, то требования для получения необходимого ответа должны постоянно меняться в соответствии с десят-

ками самых неожиданных факторов. Чутье в момент соревнований – это непрерывные микрокоррекции, причем ошибку чувствовать надо в фазе зарождения. Предугадывать ее.

Что касается идеальной модели всадника, то разве соответствует ей, например, датская спортсменка Лиз Хартель, которая после перенесенного в детстве полиомиелита с трудом передвигается на костылях? Ее сажают в седло, и она преображается. На Олимпиаде 1956 года датчанка Лиз Хартель была серебряным призером.

...Итак, соревнования. Они проходят и под проливным дождем, когда с трудом удерживаешь мокрыми перчатками осклизлые поводья, а при поклоне судьям с полей цилиндра льется вода. И под палящим солнцем, когда кажется, что единственно возможный способ существования – сидеть по горло в ледяной ванне, а надо натягивать бриджи из плотного эластика, тяжелые сапоги, фрак, и к концу езды сердце чувствуешь у самого горла.

А как избавиться от мух и слепней? Лошадь встряхивает головой, отбивает задней ногой, а судьи скидок на мух не делают.

До старта три минуты. Я оглядываю себя и Пепла.

Так, косички в гриве не растрепались, «лишнее» белое пятнышко шерсти покрашено жженой резинкой...

Тренер и помощник еще раз протирают ему суконкой шерсть...

Главный судья объявляет мою фамилию.

На Западе это звучит так: «Фройлен (впоследствии – фрау) доктор Петушкова». В большинстве стран Западной Европы наша кандидатская степень соответствует званию доктора, и это производит впечатление на зрителей и участников, тем более что за границей женщин в науке меньше, чем у нас. Надо сказать, что моя фамилия оказалась для иностранцев труднопроизносимой, и порой меня за глаза звали просто «фройлен Пепел».

Ассистент судьи осматривает железо во рту лошади: не применила ли я запрещенные правилами строгие удила или железную лопаточку, не дающую лошади перекидывать язык. Но все в порядке.

Гонг.

Подъем в галоп, и Пепел как по струнке идет по осевой линии манежа и в центре, у точки, отмеченной белыми опилками, четко, быстро, но в то же время плавно, не «клюнув», останавливается.

«Вот вам, – мысленно говорю судьям. – Вот как мы умеем».

Короткий кивок, поводья в левой руке.

Судья снимает котелок. Начало хорошее.

Разбираю поводья, чтобы тронуться с места.

И вдруг нас захлестывает рев прибоя. Это вдали, на дорожке ипподрома, рвутся к финишу рысаки, это кричит публика (реальный случай, который мне запомнился).

Пепел обычно очень собран, а тут от неожиданности заплясал, закрутился на месте.

Срыв сразу двух элементов!

Только когда шум смолк, Пепел снова мобилизовался и, пофыркивая, тронулся рысью. Перемена по

диагонали на прибавленной рыси. Он еще в углу привычно просит повод, вытягивая нос и опуская вниз шею. Распластавшись, словно летит над землей из угла в угол манежа.

Еще серия элементов.

Чувствую, возбуждение прошло. Пепел начинает подхалтуривать: прибавляет ровно столько, сколько сам считает нужным. Ковыряю его шпорой с того бока, который не виден судьям, – маленькая хитрость. По английскому анекдоту: «Сэр, почему у вас только одна шпора?» – «А вы думаете, что, если заставить одну половину лошади двигаться быстрее, другая будет отставать?»

Пепел, слегка крякнув, не прибавил ни на йоту. Он у меня профессор – прекрасно знает, что во время соревнований никакие наказания ему не грозят. Он работает честно и добросовестно, но чуть-чуть излишне самостоятельно, словно говоря своим поведением: «Я прибавил, и хватит, а если тебе еще надо, это уж, извини, слишком».

Правда, в чем я не могу его упрекнуть, так это в отсутствии внимания к моим действиям. Многие лошади, запомнив программу, усердно и услужливо начинают сами каждый следующий элемент – начинают, когда еще не подготовлены к нему, на метр-полтора раньше нужного места. Таких забот с Пеплом я не знаю. Он чутко ждет сигнала к каждому переходу, хотя езду тоже знает и помнит.

Однако ленца, с которой он сегодня бежит, действует мне на нервы.

Давлю ногами изо всех сил его бока, позади только половина программы, а я уже устала, и впереди са-

мые трудные элементы. Пепел работает очень четко, но вяловато, хотя при такой жаре его понять можно.

Переход в шаг.

Ну вот, секунд двадцать передышки – шагом сам пойдет.

Снова подбираю поводья, стискиваю бока. Пассаж... Пиаффе...

Вот негодяй, совсем замер, еле ногами перебирает, а ведь так хорошо на разминке делал!

Менка ног. Здесь он часто врет. Когда-то это был его коронный номер, но однажды я заболела, и на него посадили другого всадника – мужчину: команде на соревнованиях нужен был зачет. Вместо того чтобы попытаться подстроиться к лошади, всадник взялся за один день переделать «под себя» Пепла. Он предъявлял иные требования и по-иному, чем я. Лошадь не понимала, чего от нее хотят.

Когда я срочно сбила температуру и пришла, Пепел категорически отказывался делать менку ног. С тех пор его будто подменили: в последующие десять лет можно по пальцам пересчитать соревнования, когда ему случайно удавалось пройти диагональ, меняя ногу без единой ошибки.

Правда, и я здесь уже не чувствую уверенности. Точнее, жду ошибки. А лошадь и на это реагирует.

Есть всадники, у которых лошади прекрасно работают на тренировках – кажется, равных быть не может. А в соревнованиях такая слабая езда, что диву даешься. Наверное, этих спортсменов подводит именно ожидание ошибок – богатое воображение и проистекающая от этого излишняя осторожность, которая переходит в робость, боязнь малейшего ри-

ска. Это неспортсмены по натуре. Даже если у них чутье, лучше им быть тренерами, готовить лошадей для других.

Но в менке ног на этот раз, кажется, пронесло. Все прекрасно. Остается заключительное пиаффе, и я позволяю себе немного расслабиться: сама выдохлась до предела. Пепел мокрый, шерсть под поводьями в пене...

Ох, нельзя ворон ловить! Я самую малость ослабила контроль, а он взял и стал, когда надо еще восемь темпов отбить.

Не смущаясь тем, что нахожусь под носом у судей – из двух зол выбирают меньшее, – поддеваю Пепла шпорами. Лениво отбрыкнувшись, он несколько раз переступает. Это вряд ли даже намек на пиаффе, но большего мне добиться не удастся.

Пот заливает глаза. Задыхаясь от усталости и злости, кланяюсь судьям – улыбку даже не пытаюсь изобразить.

Поводья брошены, и Пепел, глубоко вздохнув, выходит из манежа с чувством выполненного долга. Сохраняя внешне полное спокойствие, я шепчу сквозь зубы: «Урод! Ишак! Скотина безрогая! Вот я тебе сейчас покажу, как не делать пиаффе! Дай только выехать за трибуны, где нас не видно».

Но стоит мне дотронуться шенкелями до боков, как бы провоцируя Пепла: пусть попробует снова схалтурить, я ему покажу! – и он легко и свободно выдает такое пиаффе, что остается соскочить, хлопнуть его по шее и отвести в конюшню.

Да, он у меня действительно профессор – разве можно на него сердиться?

...За время выступлений на Пепле у меня было много тренеров, они менялись в группе выездки, и каждому из них я от души благодарна. Но своими успехами больше всего я обязана одному человеку – Григорию Терентьевичу Анастасьеву.

Есть сказка – кажется, немецкая, – как один из троих братьев нарисовал на стволе дерева девушку, второй вырезал ее из дерева, ну а третий оживил. Кому же она должна была принадлежать? И мудрец рассудил, что третьему. Кто вдохнул в нее жизнь, тот ее создатель.

Так создал Терентьич меня как спортсменку.

Тренер и спортсмен – в этом двуединстве заключено нечто большее, нежели в двуединстве: учитель и ученик. Ученик может быть продолжателем дела учителя, но он никогда не будет продолжателем его самого. Тренер же часто видит в воспитаннике собственное «я», воплощение, может быть, несбывшегося. Отсюда отеческое отношение к спортсмену, забота о нем, порой жертвенность, присущая скорее родителям, вне зависимости от разницы в годах. Тренер прощает воспитаннику то, что не мог бы простить учитель ученику. Бывает, он своими руками отдает спортсмена другому тренеру, считая, что ученику это принесет большую пользу.

Как грустно, что порой ему платят черной неблагодарностью!

Можно по пальцам пересчитать выдающихся спортсменов, тренировавшихся абсолютно самостоятельно: времена гениальных самоучек и одиночек давно миновали. В конном же спорте совершенно необходимо, чтобы опытный, умный взгляд кор-

ректировал тебя – правильно ли выполнено упражнение, в должном ли темпе.

Когда Терентьич стоял на манеже с бичом в руке, еле заметными взмахами подправляя лошадь (помоему, никто в мире так не понимал лошадей), – это напоминало настройку скрипки.

Но в еще большей степени его тренерскому таланту было свойственно умение настраивать на борьбу душу спортсмена.

Я уже упоминала, как психологически точно умел он пользоваться в интересах дела моим природным упрямством. Перед соревнованиями мне обычно казалось, что ничего не получается. Везде всегда возможны мелкие шероховатости, но я преувеличивала их значение, стремясь к некоему недостижимому идеалу. В этот момент Терентьич знай меня нахваливал – даже излишне, если рассуждать с точки зрения техники, – и это меня ободряло.

Кизимов, Калита, Петушкова – в таком составе наша сборная просуществовала много лет. Вели мы себя перед соревнованиями по-разному. Скромный, молчаливый Кизимов любил перед стартом начищать снаряжение – оголовье, ремни. Он их смазывал, протирал, драил до бесконечности. Обаятельный, общительный Калита внешне выглядел спокойным, и что творилось у него внутри, было видно, пожалуй, одному Терентьичу, потому что внезапно старик принимался злить Ивана, выводить из себя: «Не получается принятие, нет, опять не получается, не умеешь работать как следует, и нечего было сюда ехать!» Калита сердился, ругался, Терентьич делал вид, что страшно обижен, отходил...

Иные думали, что Григорий Терентьевич сам себя в руках держать не умеет, поэтому других дергает. Но они не понимали, что соревновательный настрой не всегда создается успокоительными словами и валериановыми каплями.

...Анастасьев родился в семье крестьянина-бедняка, батрачил, после революции устанавливал на селе Советскую власть. Вся его сознательная жизнь связана с красной кавалерией, и, уйдя в отставку в звании полковника, он возглавил сборную страны по конному спорту. В ту пору в сборной не было старших, главных тренеров – выездкой, конкурном, троеборьем ведал один Анастасьев, а всеми организационными вопросами – Владимир Викторович Крыжицкий.

Необычайный природный ум, способность мыслить глубоко и масштабно, видеть перспективу и неумная энергия помогали Григорию Терентьевичу добиваться успехов, что называется, по всей ширине фронта. Шестидесятые годы принесли нам успехи и в выездке (Рим, Олимпиада), и в конкуре (выигрыш Кубка наций), и в троеборье (победы на первенстве мира 1962 и 1965 годов).

Позже у руля сборной стали появляться другие специалисты, а Анастасьев, чувствуя, что силы уже не те, оставил за собой только выездку.

И вот вершина – двойной триумф 1970 года в Аахене. Мы возвращаемся в Москву, на аэродроме множество встречающих, и мои друзья случайно слышат фразу, сказанную одним из тогдашних руководителей нашей федерации: «Ну вот, теперь Терентьичу пора на заслуженный отдых». На другой день по приезде Анастасьеву говорят: «Григорий Терентье-

вич, есть мнение перевести вас в городской спорткомитет. То есть не вас, а вашу ставку – мы возьмем на ваше место молодого специалиста. Вы как работали, так и работайте, а его готовьте себе на замену». Это было неожиданно и равносильно пощечине. Оскорбленный Терентьич ответил, что, если он больше не нужен, пусть ему так и скажут, а своим трудоустройством он может заняться сам.

К счастью, это намерение не было исполнено. Вскоре Григория Терентьевича попросили забыть о неприятном разговоре. Но такое не забывается, случай остался для Терентьича незаживающей раной.

Иногда говорят: «Незаменимых нет». Это неправда. Каждый человек в жизни незаменим, особенно такой, как Анастасьев. Обидно и горько, что окружающие понимают это подчас лишь тогда, когда сделать замену заставляет смерть.

Теперь административных ставок при конном спорте больше, письменных столов больше, и за ними сидят молодые, крепкие люди. Только успехов стало поменьше, чем тогда, когда нас тренировал, нами руководил один старик со своей неизменной записной книжечкой.

**РАССКАЗ ПРОДОЛЖАЕТ
СТАНИСЛАВ ТОКАРЕВ**

В мембране звучал старчески подослабший, но еще мощный на низах военный баритон:

– Я слышал, что вы пишете о Ляле Петушковой. Предлагаю встретиться, чтобы рассказать вам об особенностях ее стиля.

– Кто говорит? – не понял я.

– Полковник Рогалев.

Мои ладони вспотели от почтительности.

Так я попал в квартиру, с одного балкона которой открывается вид на стартовую часть скакового круга Московского ипподрома, с другого – на финишную прямую. В квартиру, увешанную портретами знаменитых лошадей, чемпионов выездки и конкура, равно как скачек и бегов.

Так я попал в дом патриарха нашего конного спорта Георгия Тимофеевича Рогалева, в чьей уникальной домашней библиотеке – помните? – черпал знания Виктор Петрович Угрюмов.

В дом, хозяин которого гимназистом-приготовишкой был за пачку сигарет «Чайка» подсажен офицерским коноводом в седло и словно врос в него, в гражданскую сражался у бесстрашного Примакова в полку червонных казаков. Отечественную прошел фронтовым врачом-ветеринаром и закончил службой в Берлинской комендатуре под командованием славного генерала Берзарина. По поручению генерала Рогалев восстанавливал там разрушенный ип-

подром, а также, представьте, цирк и варьете, о чем Берзарина попросил Вильгельм Пик. Это было гуманным, провидческим актом, ведь мирных жителей столицы бывшего рейха надо было не только накормить, но и дать хоть немного душой отойти от рухнувшего на них ада. Говорят, о Рогалеве сам Жуков отозвался: «Это тот молодец подполковник, который слонов дрессирует». А в архиве Георгия Тимофеевича хранится старая программка варьете с портретом brave офицера с эспаньолкой, он и сейчас, со мной беседуя, ее покручивает, только совсем седую.

Я попал в дом, где знаменитого русского конного тренера Михаила Лакса зовут папой или дедушкой (отцом он приходится Анне Михайловне, супруге Георгия Тимофеевича, тоже избравшей профессию ветеринара), а известных жокеев братьев Лаксов – Колей и Толей (либо соответственно дядями), легендарного же наездника Ратомского – дядей Витей, присовокупляя к имени этой роскошной личности множество анекдотов.

Ну, скажем, дядя Витя получил приказ свыше от-править любимую его кобылу Вестницу в завод.

Дядя Витя тотчас отправился с ней в Ростов, где обогнал всех тамошних звезд, потом с тем же успехом в Одессу и еще куда-то и после всего послал в завод Вестницу, но... изображенную на фото в момент триумфа.

Словом, я окунулся в удивительный, неведомый мне мир, в центре которого сильное, но хрупкое, чистое и самое красивое из «братьев наших меньших» существо. Лошадь. О ней могут здесь говорить беско-

нечно, и эти разговоры, исполненные любви бескорыстной и какой-то глубинно-корневой, как к детям, и меня, неофита, наполняют покойным и светлым ощущением единства всего сущего на земле. Я хотел бы передать это чувство, так как оно в высшей степени свойственно и Лене Петушковой, и хоть в конном мире много микромиров и она принадлежит к иному, но какая нам разница?

Какая нам разница, в какой вид конного спорта отдали потом люди жеребенка с нежным сердцем и бетонным именем Диктатор, чью трогательную историю рассказала мне Анна Михайловна?

Мать Диктатора, кобыла-рекордистка Доповедь, была суровой воспитательницей. Пока она ела свой овес с отрубями, сын должен был стоять носом в угол денника и лишь потом допускался к вымени. Но выпущенный с ней на волю, скакал, буквально прилипнув храпом к материнскому боку, и когда она широко прыгала через ямы и колдобины, из всех жеребячьих сил тужился не отставать.

Годовичков отбили от маток, все уткнулись в кормушки, один Диктатор кричал, не унимаясь, а потом безголосо хрипел, тосковал по Доповеди. Спустя положенное время, запущенные в леваду своим табунком, юнцы бойко поскакали, занятые мужскими заботами, а Диктатор бросился к матери.

Он тоже вырос в классного бойца, и на нем дядя Толя Лакс обошел дядю Колю, ехавшего на Газавате, сыне знаменитой Порзы.

...Но я отвлекся от непосредственного повода, вызвавшего на свет эту главу. Георгий Тимофеевич пообещал прокомментировать стиль Петушковой.

Впрочем, прежде чем об этом, я выслушал о многом и многом.

О кознях английского циркача Филлиса, прозванного «дьявольским жокеем», который некогда мановением великокняжеских дланей попал в наставники русской кавалерии и конного спорта и объявил, что каждую лошадь может в два счета научить всем хитростям высшей школы верховой езды, рецепт чего прост: «Жгите ее огнем». О том, как злосчастное наследие Филлиса до сих пор над нами довлеет.

Если, скажем, в ГДР юную лошадь вводят в науку выездки постепенно, то у нас, говорил Рогалев, ее с первых шагов бросают в океан высших премудростей главных международных призов. И спешка, натаскивание, связанная с этим чрезмерная суровость обращения порой приводят молодую лошадь к неврастению. «Вы думаете, почему они зубами скрипят? Потому и скрипят».

Я не специалист. Однако применительно к спорту вообще могу утверждать: да, натаскивать — это все равно что вбивать ребенку в голову дифференциальное исчисление, минуя таблицу умножения. Это не рационально, это жестоко, это бессмысленно. Но в построениях Георгия Тимофеевича меня привлекает и иное. Пожалуй, первостепенное. Лютое отвращение к жестокости. Он истинно из тех, кто «братьев наших меньших никогда не бил по голове», не рвал до крови, до мяса удилами (как рвут иные) нежный конский рот. Таким же был и Анастасьев, учитель Лены, ее незабвенный Терентьич. Почтенные кавалеристы приятельствовали, встречаясь в манеже иппо-

дрома едва солнышко встанет, а когда оно сядет, шли домой к Рогалеву, благо рядом, рыться в книгах и журналах со старческой дотошностью, с детской увлеченностью.

Счастливая, завидная жизнь.

Теперь уж он отвлекся, и я напоминаю, что мы собирались беседовать о Петушковой. Он спохватился, извиняется и выходит на минутку невесомо легко для восьмидесяти лет, хотя и пришаркивая.

Впрочем, у Булгакова в «Мастере и Маргарите» сказано о кавалерийской походке, что она шаркающая, полагаю, не случайно, но потому, что конник привыкает к попиранию земли не подошвами – копытами¹.

Георгий Тимофеевич возвращается, прижимая к животу кипу фотографий Лены.

– Смотрите. Смотрите. Изящество и очарование. Не амазонка, нет. Брюлловская всадница. С улыбкой, вызывающей ответную улыбку. И при этом совершенно слита с лошастью. Немцы говорят, надо ехать не «ауф пферд», но «ин пферд», не на лошади, а в лошади. Вот так и она. И природный дар, и школа Ана-

¹ «В белом плаще с кровавым подбоем шаркающей кавалерийской походкой ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат». Е. В. Петушкова полагает, Впрочем, что Пилат шаркал по другой причине. Шпоры старинного типа, большие и зубчатые, задевали, если поднимать ноги, за задники сапог, и обувь быстрее снашивалась. Привожу эту точку зрения, дабышний раз проиллюстрировать скрупулезность, дотошность Лены.

стасьева – гениального самоучки. Мягкий повод, идеальный мягкий повод. Не насилие над лошастью, не видимое, но истинное послушание. Охотное и даже радостное. Притом Ляля – идеальная нервная система. В это трудно поверить, но в Аахене на первенстве мира – я был там судьей – перед стартом переиздки, когда все решалось и другие не знали, куда деться от волнения, она, слушайте, стоит у киоска и преспокойно ест сосиску. «Ляля, Ляля, тебе сейчас ехать!» – «Я знаю, но я кушать хочу!»

А о мягком поводе как о некоем символе идеального содружества всадника с конем часто упоминают в семействе Рогалевых. Мне говорит о нем дочь Георгия Тимофеевича Елена на следующий день на трибуне ипподрома, когда, разминая гнедую чистокровную Арту от Афинс Вуда и Ахтырки, мимо скачет в фиолетовых камзоле и шлеме жокей международного класса А. И. Чугуевец, по-домашнему, по-рогалевски, Саша.

– Видите, как она у него голову держит – прямо, вольно. А у того, видите, голова загнута, шея скрючена. Вот это «железный посыл» пресловутый. Читали книжку «Железный посыл»? Так ее герой все кричал своим ученикам: «Что ты бьешь по крупу – лупи ее в пах». Дядя Толя Лакс скакал с таким легким поводом, что все удивлялись. Однажды на финише, когда шла голова в голову, он вовсе бросил повод и подался вперед в такт движению лошади, и она, получив неожиданную свободу, инстинктивно прянула вперед и словно вытянулась, а потом судьи спорили: круп сзади соперника, а нос впереди, кто же выиграл? Вот был посыл!

Теперь о том, как скакал Чугуевец. Поначалу лошадь и впрямь плыла без натути – «кентером» – и лишь к повороту собралась в комок. Наездники взялись за хлысты, и вот тут – огромная разница. Соперник лупил вразмашку, «раззудись плечо», и, когда он отводил руку, жеребец испуганно шарахался, сбиваясь с прямого хода. Чугуевец лаконично и точно, как фехтовальщик, слегка, будто лишь подбадривая, попадал по крупу, когда задние ноги шли вперед, чтобы оттолкнуться, и этим ширил их движение, добавляя ему мощь.

А через день Чугуевец сидел у Рогалевых смирно и уютно в углу старого дивана с деревянным орнаментом из подков, уздечек и хлыстов. Похожий в седле на человечка, вырезанного из бумаги (пятьдесят шесть килограммов с седлом и амуницией), вблизи он выглядел туго свитым из сплошных жил, и даже личико узкое, экономное, с глазами, тесно прижатыми к носу, впрочем, основательному – знаку мужества, на который не поскупилась природа. Скромно опустив ресницы, знаменитый Чугуевец по-девичьи теребил корявые рабочие ногти.

– Нет, вы видели, как Саша перед стартом заводит лошадь в бокс? – любясь сыном рогалевского полка, «подавала» его Елена Георгиевна. – У других артачатся, другие на воротах виснут и с них в седло прыгают, а у него встала и стоит как вкопанная. И совсем не нервничает.

– Если ты не нервничаешь, чего ей нервничать? – тихо молвил Чугуевец. – Объяснишь ей, что надо стоять, она и стоит.

– Это что же, – удивился я, – она понимает?

– Неужели же нет? – удивился он.

Я читал у Михаила Кольцова:

«Весьма приятное зрелище, когда в цирке клоун Виталий Лазаренко прыгает сразу через десять рядом поставленных лошадей... Что обо всем этом думают лошади? Вот эти самые, которых привлекли для совершения странной, непонятной, загадочной для них операции?.. «Вот, – вяло думают лошади, – уже половина одиннадцатого, сейчас нас опять, как вчера, поведут на арену. Выстроят нас во фрунт, десять человек лошадей. Почему десять – неизвестно. Затем этот странный, в широких лиловых штанах, будет через нас лететь, и только перепрыгнет через нас – уже поведут в конюшню. Что все это значит, какой в этом смысл и, главное, какая в этом для нас, лошадей, польза – нам, лошадям, этого своим умом не понять». Думают ли лошади именно так? Неизвестно. Возможно, что лошади ничего не думают. Ведь они все-таки лошади...»

Ах, как хотелось бы, чтобы Михаил Ефимович Кольцов навел зорко-скептические очки на жокея Сашу Чугуевца, когда тот, все больше увлекаясь, рассказывает об одном коне, которому, ввиду непомерного честолюбия, мукой мученической было видеть впереди чужой круп: «Он только один впереди мог скакать – чистый Владимир Куц». И о другом, которого вполне удовлетворяло умеренное сознание, что он не последний, а первым быть – зачем корячиться? И о третьем, честном служаке: «Он старается, но я чувствую, что думкой он в леваде».

Свести бы его, острого и тонкого психолога, с интеллигентнейшей Аллой Михайловной Ползуновой, чья вальяжная полнота и штатская очкастость неожиданно сопрягаются с тем, что она знаменитый мастер-наездник. Дать бы послушать ее московский акающий говорок за чайком под портретом великого рекордиста Властного: «Я его, Ваську, бывало, и поколачивала, и он к этому относился са-авершенно философски – знал, кто из нас главный». Или о знаменитой Гугенотке, Гугене, которая рекорды крушила, «а трусоватая была девушка, но я вожжи приподыму, и она ждет сигнала, чтобы почувствовать, что я с ней, и мы полетели».

Одна лошадь у нее вздорная, обидчивая по пустякам, другая – кокетка, у третьей чувство юмора развито даже чрезмерно, ехидничает над конюхами, четвертая – ведьма, пятая просто дурында. Относясь как всякий представитель одного из конных микромиров несколько свысока к микромирам остальным, Алла Михайловна говорит: «Мы ведь всего по два года их держим, а если бы по десять, как в той же выездке... они бы у нас разговаривали».

Хочу процитировать одного из лучших русских знатоков лошади, профессора зоологии, магистра сельского хозяйства и ветеринарного врача П.Н. Кулешова: «Так, как каждый человек несомненно отличается от всех других людей, так точно и каждая лошадь имеет свои особенности... Весьма часто лошадь не выполняет желаний тренера не потому, что она хочет сопротивляться, а только потому, что она не понимает, что от нее требуют. Ничего не может быть несправедливее, как наказывать лошадь за то только,

что она ошибочно поняла желание тренера... С лошадью надо обращаться так, как этого заслуживает наиболее благородное после человека создание». После любого ли человека, хочется иногда спросить.

Когда вспоминаешь о варварстве одного – и весьма когда-то знаменитого, хотя впоследствии дисквалифицированного – нашего спортсмена-кавалериста, додумавшегося вырезать слизистую оболочку из углов рта своего коня, чтобы сделать его еще чувствительнее к боли, право, как-то понятней становится злая мизантропия Джонатана Свифта: возвышенный гвингм попал в лапы грязного йеху...

Прекрасны бездонные очи коня. А вдруг в них иногда вопрос: думают ли люди?

ДИАЛОГ ТРЕТИЙ

О тренерах

Елена Петушкова. У нас в спорте есть поговорка: «Лучший тренер по плаванию тот, кто не умеет плавать».

Станислав Токарев. Я догадываюсь, к чему ты клонишь. Очевидно, речь о том, что из выдающихся спортсменов сравнительно редко получают выдающиеся тренеры. Правда, давай сразу оговоримся — разговор пойдет об индивидуальных видах спорта. В командных же, в игровых закономерности иные. Думаю, прав тренер сборной СССР по волейболу и ленинградского «Автомобилиста» Вячеслав Платонов, сам в прошлом великолепный игрок, когда в своей книге «Уравнение с шестью известными» пишет: «Иногда мне кажется, что это две разные профессии — тренер в командных видах спорта и тренер в индивидуальных спортивных дисциплинах».

Тренера-игровика он уподобляет режиссеру-постановщику, дирижеру, руководящему коллективом индивидуальностей. В нашем же случае, когда дистанция между воспитателем и воспитуемым максимально сближена, имеет место, так сказать, педагогика с глазу на глаз, подобная семейной.

Е. П. Уточним до конца. И в индивидуальных видах, как и в командных, тренер порой сталкивается с большим коллективом, состоящим из ярких личностей, коллективом, где действуют сложные центробежные и центростремительные силы, могущие как формировать, так и деформировать его. «Порой» — это когда тренер становится тренером сборной. Здесь от него требуется многое. К примеру, умение взять на себя ответственность в решающий момент комплектования сборной. Если он не обладает смелостью и принципиальностью, достаточной, чтобы решить этот вопрос лично, полагаясь на собственную ответственность, если он трусоват, то может без конца проводить отборы, прикидки... И внешне все будет выглядеть справедливо: кто буквально накануне отъезда на турнир показал лучший результат, тот и поехал. «Волки сыты, овцы целы», молчит хор недовольных.

Но вполне возможно, что истинно сильнейшие просто выдохлись в ходе бесчисленных прикидок, ник их формы миновал, и либо они вообще не попали в состав, либо попали, но физически и морально опустошенные.

С. Т. Хорошо, довольно уточнять. Вернемся к твоей поговорке. Поразмыслим над тем, почему на самом деле так часты случаи, когда на чемпионский

пьедестал приводит ученика не тот, кто сам был выдающимся чемпионом, а, скажем, в прошлом рядовой разрядник, и редки случаи иные. Вот если бы ты стала тренером...

Е. П. А я никогда не стану. У меня есть специальность, которой я дорожу, которую люблю...

С. Т. Допустим, твой случай – особый. Но почему чемпион, окончивший физкультурный вуз, довольно часто отнюдь не стремится непосредственно передавать знания, опыт, плоды многолетнего труда? Почему подчас ему милей не творческая, а «непыльная» административная должность, и в кабинетах появляются новые канцелярские столы, что одновременно означает отток умов из тренерского цеха?

Хочу – в который уже раз – привести высказывание покойного Виктора Ильича Алексева, которого можно назвать Макаренко в спорте: «Главное для тренера – терпение и знания, но терпение главней».

Высказывание многослойно, многозначно, оно и к данному случаю применимо. Допустим, знаменитый в прошлом спортсмен становится рядовым тренером. Рядовым, подчеркиваю, они все рядовые, пока сами не вырастили чемпионов. А как долго надо растить – искать, терпеть? Значит, слава, которую ты завоевал сам, к которой привык, миновала и ты в безвестности.

Е. П. Нет, не это главное, не боязнь безвестности. Магия имени некоторое время еще существует, еще, называя тебя, присовокупляют, скажем, «олимпийский чемпион». Мне кажется, переходя в новое качество, человек просто не может сразу мысленно отрешиться от прежнего. В подчиненных он невольно

видит соперников. «Я бы сделал этот элемент лучше», – думает бывший чемпион и навязывает ученикам свое, причем не в силу отсутствия тренерского опыта, но потому, что успех для него неразрывно связан с собственной индивидуальностью. Может, в глубине души ему даже приятно, когда у ученика не получается то, что так здорово получалось у него самого. Один мой знакомый, на некоторое время возглавивший сборную, приходил, бывало, на тренировку: «Что ж ты такого простого сделать не можешь? А ну дай я покажу». И с удовольствием демонстрировал превосходство над бывшим товарищем по команде.

С. Т. Твое наблюдение – тонко, но оно – частность. Ближе к общему правилу вот что. Человек, которого природа наделила богатейшими двигательными данными, не может порой передать другим то, что умел сам, потому что никогда не задавался вопросом, как это у него получалось. И его искренне поражает: простая ведь вещь, а у них не выходит.

Выдающийся футбольный педагог Борис Андреевич Аркадьев, восторженно вспоминая неповторимого Всеволода Боброва и поясняя, почему Бобров не стал тренером такого же масштаба, воскликнул: «Как может птица научить человека летать?!»

Между тем если молодой человек, всей душой преданный спорту и мечтающий добиться в нем высот, одарен значительно меньше, то он не только много работает над собой, но и учится у других, ищет, думает, а умение учиться, искать и думать предполагает в будущем и умение учить. Противо-

речие лишь в том, что такого малоодаренного могут запросто отчислить из спортивной школы ввиду бесперспективности. И моральная травма оттолкнет от спорта, возможно, потенциально замечательного тренера.

Е. П. Отчисление – это в данном случае негосударственный подход. По-моему, людям, о которых ты говоришь, перспективным не с точки зрения будущих побед и рекордов, а будущей педагогической профессии, надо не только давать возможность обязательно заканчивать ДЮСШ, но считать это чем-то вроде среднего специального образования. С дипломом – как, например, в ПТУ. При условии, что им будет прочитан и теоретический курс. Это и справедливо по-человечески – ребята много лет занимались спортом в какой-то мере в ущерб учебе, и целесообразно экономически – государство уже вложило в них определенные средства, которые не должны пропасть.

С. Т. Кстати, таков, возможно, один из путей решения достаточно сложного вопроса о преподавательских кадрах для массовой физкультуры. Хотя это не самый простой путь. В принципе спортшкола получает и должна тратить деньги на подготовку спортсменов высокого класса. Поэтому работа школы неизбежно сопряжена с отсевом менее способных. Отбор и отсев – это, как ни прожектерствуй, закон, и с отбора, а значит, с отсева, начинается тренерский путь любого выпускника физкультурного вуза. Я наблюдал сцену, как молодой тренер приходит в первый класс общеобразовательной школы...

Е. П. Очевидно, в спортзал?

С. Т. Именно в класс! Сегодня, допустим, урока физкультуры в расписании нет, а надо торопиться, в сентябре – октябре, когда проходит набор в спортшколы, дорог каждый час. Вдруг девочку, пригодную, скажем, для спортивной гимнастики, уведут в художественную, а мальчика, способного хорошо бегать на лыжах, – в коньки?

Итак, тренер приходит в класс: «Девочки, встаньте. Иди сюда ты... и ты. Поднимите ручки. Гнитесь, гнитесь... Ты не годишься. А ты годишься – запиши адрес, придешь с мамой».

Е. П. Более красноречивой сцены не придумаешь.

С. Т. Когда я рассказал о ней знакомому преподавателю инфизкульты, он возмутился: «Какое дилетантство! Разве этому мы учим? Есть же система научно разработанных тестов, созданных с помощью ЭВМ!..»

Е. П. Слава, в иных вопросах ЭВМ бессильна! Электронный мозг не научился, к примеру, распознавать образ. В условном изображении кошки – вот в таком, видишь? – человек различает кошку, а машина – нет.

Даже когда машина научится оперировать высокими – и весьма нелегко формулируемыми – критериями искусства, у нее не хватает интуиции. Интуиция ведь зависит не только от суммы знаний. Она предполагает некое подсознательное эмоциональное состояние, и нет способов вызвать его в машине. А это состояние позволяет угадать психическую структуру личности. Ведь достаточно примеров, когда человек, исключительный по данным, поддаю-

щимся измерению приборами – ну, скажем, по скорости реакции, – мог бы стать, скажем, отличным фехтовальщиком, а на практике оказывается никому-дышным, поскольку ему недостает волевых качеств, измерению не поддающихся. У меня всегда вызывала чувство протеста разработка во ВНИИФКе модельных характеристик идеального спортсмена, основанная на сложении лучших черт лучших представителей того или иного вида.

Спорт высоких достижений требует неповторимых индивидуальностей, и распознать, угадать такую индивидуальность способен только тренер. Причем тренер, наделенный тонкой интуицией, способный изучать особенности личности в процессе ее формирования.

Склонность к человековедению, дар психолога отличает тренерский талант. А талант этот не менее специфичен и редок, чем природная одаренность большого спортсмена.

С.Т. Тренерская профессия всегда была трудной, но сегодня она стократ труднее, потому что омолодился спорт.

Е.П. Конечно, осложнилось прогнозирование. Каждый взятый в отдельности организм развивается своим путем, и если, допустим, мы берем в секцию шестилетнего ребенка и он похож на маму, кто предскажет, не будет ли он в шестнадцать лет похож на папу?

С.Т. Мне кажется, главное в другом: изменился, повысился критерий оценки мастерства тренера, в том числе психологического, и, что еще важнее, его нравственного облика.

Е.П. Даже такое неотъемлемое качество профессии, как требовательность, по-разному проявляется по отношению к взрослым и к детям.

С.Т. И вновь ты не о главном. Чтобы моя мысль была яснее, хочу спросить: как и чем более всего влиял на тебя Анастасьев?

Е.П. Чем влиял? Собственным примером. Примером преданности делу. Если спортсмен видит, что тренер требует от него самоотдачи, а сам отдается делу не полностью, то ученик теряет доверие к учителю. Недостаток же доверия нарушает контакт, он означает, что нет и добровольного повиновения.

С.Т. Рассуждение взрослого. Рассуждение человека, который сам, наблюдая и анализируя, иные черты характера наставника может и не принять, но примириться с ними в интересах дела. А представь, что перед тренером ребенок, для которого приход в секцию – первое в жизни самостоятельное решение: в школу его родители ведут за ручку, а тут он сам по себе захотел стать, например, пловцом. И тренер в его глазах – это тот, кто сам все умеет и всему может научить. Что выше подобного авторитета? И родители, и школьные учителя признают: на определенном этапе их влияние на ребенка далеко уступает тренерскому влиянию. Следовательно, малейшая червоточинка в облике спортивного воспитателя – нечестность ли, грубость или просто мелкий житейский прагматизм, – воспринятая ребенком сквозь призму не анализа, но бездумного поклонения, порождает и в юном, с его особенно пластичной психикой, такую же червоточину.

Ты сказала «собственным примером». Все именно так, но в спорте человек, который сам не умеет плавать, может этому научить, а научить быть смелым, честным, принципиальным, не обладая этими свойствами, не может.

Е. П. Твой горячий монолог не противоречит тому, о чем хотела сказать я. Я говорила, что, если от детей тренеру нужно повиновение, построенное на их доверии к наставнику...

С. Т. И это доверие абсолютно и получено авансом...

Е. П. То доверие взрослых спортсменов основано на самосознании. Тренер не должен требовать в этом случае беспрекословного повиновения. Должен оставлять за спортсменом право на собственное решение. В том числе и в вопросе тренировочных нагрузок. Тут ученик и учитель – соратники. Если Терентич на тренировке мог мне приказать: «Сделай так», то на разминке перед стартом только советовал: «Попробуй так. Не получается? Попробуй иначе». Совсем иная интонация. Но если тренер взрослых несет относительную ответственность за их поступки, то детский тренер – абсолютную за поступки детей.

С. Т. Я бы сравнил ее с ответственностью матери за свое дитя. Кстати, не кажется ли тебе, что детским тренером лучше быть женщине?

Е. П. У тебя тут путаница в понятиях. Надо четко различать: детский тренер как таковой и тренер спортсменов высшего класса, который ввиду новых веяний, ввиду омоложения превращается и в детско-

го тренера. Такого можно назвать детским с известным допуском: требовательность ему нужна взрослая, это обусловлено природой большого спорта. Что касается тренера-женщины, то мы упираемся в одну из общих проблем педагогики – проблему феминизации образования, весьма заботящую наших социологов. Ведь в общеобразовательных школах больше двух третей учителей – женщины. А женщина подсознательно стремится прививать ребенку черты собственной натуры – мягкость, ласковость. И то, что должно превалировать в характерах девичьей части класса, в той или иной степени берет верх в мальчиках. Не случайны сетования на инфантилизм почти взрослых ребят, оканчивающих школу, на то, что юноши, молодые мужчины, не обладают в должной мере теми мужскими качествами, которые ценились во все времена, – внутренней силой, рыцарством. Воспитать истового мужчину может только мужчина.

С. Т. Мы еще вернемся к проблемам женщины в спорте, но сейчас хочется выяснить, считаешь ли ты тренерское дело вообще пригодным для «слабого пола». Речь ведь идет о педагогике спортивной, а в спорте нужны сила, жесткость характера, честолюбие, даже некая, если угодно, агрессивность...

Е. П. Эти качества воспитывает сам спорт. Среда. Жизненные условия. Самые разные, казалось бы, противоположные по физическим требованиям виды – художественная гимнастика и, допустим, борьба – вырабатывают сходную структуру личности. За мечала по себе: человек в принципе не очень кон-

тактный, я легко нахожу общий язык именно с людьми спорта. Причем это ни от возраста, ни от вида спорта не зависит.

С.Т. Среда, жизненные условия – все правильно. Доминанта спорта – жесткая конкуренция. Но не кажется ли тебе, что здесь таится и опасность для личности? Тем более для личности с неустоявшимися нравственными принципами.

Честолюбие может перейти в тщеславие, гордость победителя – в суперменство.

Е.П. Многое зависит опять-таки от тренера. От того, какие главные мотивы изначально выдвигает он перед учеником. Во имя чего надо трудиться, во имя чего нужна победа. Все тот же вопрос – самоутверждение или...

С.Т. Или, как ты говорила, «за други своя». А коли так, то вновь многое замыкается на его, тренера, нравственном потенциале.

РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТ ЕЛЕНА ПЕТУШКОВА

После 1964 года я уже регулярно занимала призовые места во всесоюзных соревнованиях, прочно вошла в основной состав сборной, а на чемпионате Европы 1967 года в Аахене, куда поехала после защиты диссертации, была шестой – лучшей среди женщин (читатели знают, очевидно, что высшая школа верховой езды – единственная дисциплина, в которой женщины соревнуются в общем зачете с мужчинами).

Между прочим, один журналист окрестил меня тогда в печати «мисс Европа» и никак не мог понять, на что я обиделась.

Но в этом не существующем в конном спорте титуле «мисс» – оттенок конкурсов красоты, неверный по отношению к спорту, да и несправедливый: ведь в выездке выступают спортсменки подчас совсем пожилого возраста, и молодость, приятную внешность одних бестактно противопоставлять морщинам и сединам других.

В ту пору я познакомилась с замкнутым миром, который составляет международный конный спорт, с его своеобразными особенностями и ни на какие другие не похожими ритуалами.

Спортивные состязания многое бы утратили без той праздничной, приподнятой атмосферы, которая окружает их. Этой атмосферой они обязаны организаторам в той же мере, в какой прессе, радио, телевидению – «конструкторам общественного мнения». Сколь ни красиво само по себе фигурное ката-

ние, но ведь сравнительно недавно оно было не слишком популярно в нашей стране. И только усилия прессы (в первую очередь электронной) превратили его из «золушки» в «принцессу». Именно телеэкран помог зрителю ощутить прелесть фигурного катания.

Выездка в ряде стран – в частности, в нашей – не принадлежит к числу популярных видов спорта. Причина в ней самой, в ее правилах.

Зритель, попавший на соревнования впервые, бывает поражен и восхищен красотой этого своеобразного спортивного искусства. Все здесь необычно: и полная тишина на трибунах, и элегантность всадников, и грация лошадей. Что ни старт – романтическая поэма.

Но проходит час, другой, и события начинают напоминать пленку, прокручиваемую бесконечное количество раз. Одни и те же элементы, одна и та же последовательность выполнения. Разницу между плохим и хорошим выступлением в состоянии усмотреть лишь посвященный, но однообразие действует и на него.

Оценка выражается в сотнях, даже тысячах баллов, и, когда объявляется результат, успеваешь само выступление забыть.

Каюсь, мне самой трудно высидеть на соревнованиях больше двух часов.

Конечно, такое положение ненормально. Ведь зрелищность – одно из неперемennых условий существования такого социального явления, как спорт.

Есть ли выход?

С моей точки зрения, их два.

Первый – разнообразить и индивидуализировать программу, приблизив ее по структуре к фигурному катанию. То есть наряду со «школой», которой можно считать нынешнюю каноническую обязательную езду, ввести произвольную, не ограничивая ее точками манежа, и, возможно, даже под музыку (опыты подобного рода в порядке показательных номеров уже делались).

Второй, думается, в том, чтобы упростить и объективизировать судейство, которое ныне субъективно до парадокса. Скажем, на чемпионате мира 1971 года Иван Кизимов имел у одного из судей третье место, а у другого – одиннадцатое, и ошибкой, проявлением пристрастия это не считалось.

Думаю, здесь не место вдаваться более глубоко в подробности столь важной темы. В отличие от судей объективность публики, как правило, восхищает. Особенно памятен в этом смысле Аахен, где на трибунах «конного стадиона» присутствуют восемьдесят тысяч человек.

Огромную роль играет реклама. Весь город украшен афишами, эмблемами, ни одна магазинная витрина не обходится без «кавалерийских аксессуаров», будь то седла, уздечки, подковы...

Хозяин рестораника, где обедали участники, поставил перед дверью чучело лошади, запряженной в коляску, и для полноты впечатления разбросал у ее ног сено и навоз, за которым не поленился съездить на конюшню.

А в самом центре города большая витрина демонстрирует призы, учрежденные фирмами для спортсменов, занявших первые восемь, десять, а то и две

надцать мест. Чего тут только нет – зонтики, телефонные аппараты, шины, парфюмерные наборы, холодильники...

Как правило, конные соревнования в Европе обставляются чрезвычайно торжественно. Например, в 1973 году в Копенгагене чемпионат проходил на плацу перед парламентом – здесь с давних времен тренировали королевских лошадей. И когда к открытию прибыли королева Маргрете с мужем, принцем Хенриком, и «роллс-ройс» с короной на номерном знаке остановился, на позеленевшей от патины кровле дворца появились герольды в средневековых костюмах и затрубили в трубы, возвещая о начале чемпионата. Там, в Копенгагене, я нарушила придворный этикет. Обычно по случаю закрытия дается прием и на приглашенных билетах пишут, как надо быть одетым. Двенадцать сильнейших всадников были приглашены в спортивной форме – фраке, бриджах, сапогах (а я тогда заняла третье место). Меня представили королеве, я поклонилась, и вслед за тем воцарилось молчание, отчасти неловкое. Я спросила, нравится ли ее величеству конный спорт. Королева, глядя на меня с высоты своего 186-сантиметрового роста, ответила, что сама им никогда не занималась, а занималась ее сестра. А потом работники посольства сделали мне внушение: «С особами королевской фамилии нельзя заговаривать – спрашивать могут только они».

Вернусь, однако, в Аахен. Он мне особенно памятен: ведь там в 1970 году я стала чемпионкой мира. Одной из его традиций служит красивая и трогательная прощальная церемония. В последний день

*Анастасьев,
главный тогда человек
в нашем конном спорте,
меня заметил
и настоял, чтобы мне
дали Пенла*

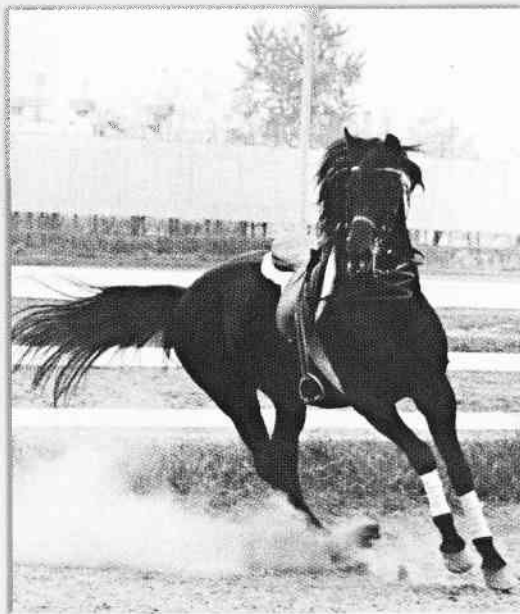

*А что достанется Пеплу?
Разве что лишняя морковка...*

*Как правило, конные
соревнования в Европе
обстаиваются чрезвычайно
торжественно.
В Копенгагене, например,
чемпионаты проходили
на плацу перед
парламентом – здесь
с давних пор тренировали
королевских лошадей*

А конь резвится, рвется
 нетерпеливо,
 неукротимо стремится
 начать свой бег.
 Это спрессованная,
 порывистая энергия,
 она жаждет свободы,
 лошадей влечет
 пространство

Елена Петушкова
на Пепле,
Иван Калина
на Абсенте.
...На брусчатке
цокот копыт
особенно
торжествен

*Репетиция парада
на Красной
площади*

*Умольберта — заслуженный
художник РСФСР
А. И. Плотнов*

*На ступенях главного
здания МГУ*

*...Что заменит нам
грациозное и благородное
существо, которое
за много веков
человек превратил
в живой шедевр?*

турнира, в час, когда садится солнце и все вокруг приобретает оттенок легкой грусти летних сумерек, команды выезжают на ровный ковер стадиона – каждая под свой национальный гимн, затем весь строй медленно удаляется, а все зрители в такт маршу расставания машут белыми платочками, которые словно светятся в сиреновом вечернем воздухе.

Люди конного спорта столь же колоритны, сколь и его обычаи.

О чемпионке Олимпиады 1972 года Лизелотте Линзенгофф в одной из наших газет писали: «Домашняя хозяйка из Франкфурта-на-Майне, мать двоих детей». В известной степени ее можно считать домашней хозяйкой, поскольку она нигде не работает. Она баронесса, миллиардерша.

Первый чемпион мира Йозеф Неккерман (мировые турниры проводятся лишь с 1966 года) – владелец крупной торговой фирмы, и его успехи, должно быть, помогали рекламе товаров. Он был членом Национального олимпийского комитета ФРГ, внес большую сумму на подготовку Олимпиады в Мюнхене, а победу свою, кстати сказать, одержал в шестидесятилетнем возрасте.

Чемпион мира 1974 года Райнер Климке – известный адвокат. «Доктор Климке» – так его называют на старте.

Ни с кем из них, однако, я близко не знакома. Они сдержанны, хотя приветливы, безукоризненно вежливы (Неккерман – чуть преувеличенно: за счет профессии, очевидно), но это лишь вежливость, и не более того.

...Летом 1970-го в связи с большим количеством участников (половину, кстати, составляли женщины) в Аахене было решено провести основную программу в два дня. По жребию в первый день розыгрыша Большого приза за команду ехали я на Пепле и Иван Калита на Тарифе, во второй – Иван Кизимов на Ихоре. В первый же день выступили Линзенгофф на Пиафф и Неккерман на Мариано.

По сумме баллов двух участников сборная ФРГ имела после первого дня солидный запас. Во второй же день одновременно решалось, кто попадет в переездку и, значит, сможет бороться за медали в личном зачете.

Надо сказать, что команда наша первой еще ни разу не была, хотя в личном зачете уже побеждали Филатов в Риме и Кизимов в Мехико. В 1964 году в Токио сборная СССР имела бронзовые награды, в 1968 году в Мехико – серебряные.

Здесь, в Аахене, на командную победу мы тоже не слишком рассчитывали – и за второе-то место предстояло драться.

Я после первого дня соревнований в протоколе стояла второй, чем не очень обольщалась: впереди еще были старты многих признанных «крэков» (синоним слова «ас» в конном спорте).

Утром второго дня пошла посмотреть езду Кизимова. Он выглядел хорошо, но без обычного блеска. Наш Григорий Терентьевич Анастасьев записывал баллы в книжечку, с которой никогда не расставался, однако подсчетов делать не решался.

Два дня назад, при выступлении в Среднем призе, который тоже разыгрывался как командный, Терентьич поколдовал в своей «бухгалтерии» и вдруг в восторге закричал: «Ура, мы вторые!» И кинулся обнимать спортсменов ГДР, поздравляя их с победой. Увы, Терентьич неправильно сложил суммы баллов. Он впал тогда в полное отчаяние и больше не решался опережать события.

Оценок Кизимова я не дождалась, командных – тоже: надо было торопиться в отель. И когда в холле ко мне подбежал хозяин, стал трясти за руки, твердя: «Гратулире, гратулире, радио – цвай пункте, руссисше маншафт – вельтмайстер», я подумала, что неправильно его поняла – неужели мы чемпионы мира? В этот момент за мной приехала машина, которую я ждала.

Годом раньше в Москву приезжал профессор Бено Хесс, директор Дортмундского научно-исследовательского института имени Макса Планка, занимавшегося проблемами биохимии и молекулярной биологии.

Он посещал нашу кафедру, и я была в числе сотрудников, показывавших ему столицу. Обаятельный сорокатрехлетний профессор весело смеялся, когда я, стремясь выпроводить его из такси, где он норовил расплатиться, брякнула: «Плиз, гоу аут!» («Пожалуйста, выйдите вон!»)

Видимо, профессор Хесс в своей ушанке, приобретенной на случай русских морозов, выглядел вполне «по-нашему», поскольку однажды в гардеробе ресторана его отозвал в сторону один посетитель и начал что-то шепотом по-русски выспрашивать.

Профессор беспомощно пожимал плечами. Оказывается, тот поспорил с приятелем: правда ли, что за одним столиком с Хессом сидит Петушкова?

Конечно, конный спорт не футбол, не хоккей, не фигурное катание, да и снимки мои настолько далеки от оригинала, что подобные случаи, к счастью, крайне редки.

Так или иначе, профессор узнал, что я спортсменка, и я сказала ему, что, возможно, буду на чемпионате в Аахене.

Он не забыл об этом, и в один прекрасный момент в номере отеля «Хенхен» («Петушок») раздался звонок из Дортмунда. Профессор приглашал меня осмотреть институт.

Мы договорились, что за мной заедут утром, отвезут в Дортмунд, до которого было сто восемьдесят километров, и в тот же день – точно к трем часам – доставят обратно.

Осмотр института представлял для меня узкоспециальный интерес, и я сейчас не стану вдаваться в подробности, тем более что все время волновалась, как бы не опоздать, чувствовала себя стесненной и скованной.

Профессор был гостеприимен, и его радушие, естественно, относилось не столько ко мне лично, сколько к советским ученым, которые так тепло встречали Хесса в Москве.

По возвращении в Аахен я попросила сразу отвезти меня на «турнир-плац». В конюшне никого не было. Я поднялась на чердак, где жили наши коноводы, и увидела Терентьича. Сидя на голых деревянных нарах, он самозабвенно что-то подсчитывал.

– Неужели правда, что мы первые?

– Правда, правда, – нарочито ворчливо отвечал он, – не приставай.

– Кто попал на переездку, кто на каком месте?

– Говорю тебе, отстань от меня.

Он отмахнулся, а потом с торжествующим видом протянул мне список участников переездки. Среди восьмерых были все трое наших. А я – поразительно! – по-прежнему стояла второй.

Я даже огорчилась: обидно ведь завтра опуститься на одно или несколько мест ниже, лучше уж с самого начала быть пятой или шестой. А в том, что я не могу быть выше, я не сомневалась.

Терентьич искренне возмущился:

– Это безобразие – так не верить в свои силы!

Но мой пессимизм объяснялся не этим. Дело обстояло сложнее. Линзэнгофф лидировала с большим отрывом, а такой мастер, как Кизимов, отставал от меня всего на пять баллов. Я находилась, таким образом, между Сциллой и Харибдой и считала, что вряд ли удержусь на своей позиции. Тем более что в конном спорте люди выступают очень много лет, быстрой смены лидеров не бывает, преимущество получают «титулованные особы», к которым судьи благосклоннее. Линзэнгофф была чемпионкой Европы, Кизимов – олимпийский чемпион, а я же в Мехико заняла шестое место, и мне казалось, что это потолок. Наконец, третий источник моего тогдашнего скептицизма по отношению к себе – возраст. Мне было двадцать девять, а самому молодому из известных до сих пор чемпионов, Филатову, в год

его победы – тридцать четыре. Линзенгофф – больше сорока...

Я могла надеяться после переездки не опуститься намного ниже и, объективно, как мне казалось, расценивая свои шансы, считала четвертое место большим успехом.

Ровно в четыре команды появились на конкурном поле для награждения.

Мы ехали впереди.

Это был огромный успех, утверждающий советскую высшую школу верховой езды.

Выездка – своего рода классика. Овеяны дыханием старины воспоминания седовласых знатоков о принципах строгой и грациозной венской школы. До недавнего времени общепризнаны были французская и немецкая.

Первую из них характеризует легкий, мягкий, непринужденный стиль (даже, по мнению некоторых специалистов, излишне свободный для лошади). Немецкая – это строгость, полное подчинение всаднику со стороны мощных, массивных лошадей (у этой манеры есть свои сторонники).

И вот наши успехи, в первую очередь командные – в Аахене и позже в Мюнхене, на Олимпиаде, – заставили говорить о рождении советской школы, впитавшей в себя лучшее из мирового конного спорта.

Осмелюсь утверждать, что нашей школе, в ее высших образцах, свойственно одно из ценнейших качеств – полное сотрудничество человека и животного. В свое время в журнале «Плезир Эквестер» принципы сотрудничества характеризовались так: «Спо-

койные, мягкие требования приводят к мягкому подчинению, которое предполагает покорность, прогрессивную как для тела, так и для души. При достижении такой тесной связи всадник преуспевает в том, что лошадь воспринимает его легкие прикосновения, знаки и мозговые волны».

Если же говорить о социальной стороне вопроса, может быть, более важной в спорте, то нельзя не учесть, насколько дорог в странах Запада наш вид спорта. Он приблизительно сродни парусному: талантливый и хорошо выезженный конь стоит не дешевле хорошей яхты.

Несколько лет назад американский мультимиллионер Хаммер приобрел в Советском Союзе арабского жеребца Песняра за миллион долларов. Крайне дорого и содержание такого животного. Не случайно выездкой там занимаются очень богатые люди, не случайно и президент Международной федерации – принц Филипп, супруг королевы Великобритании Елизаветы.

И когда мы рассказывали, что нам занятия конным спортом практически ничего не стоят, когда говорили, что прокат лошадей для желающих ездить верхом обходится в рубль за час – это производило огромное впечатление.

...Итак, мы ехали первыми, нам рукоплескали зрители и в нашем лице – стране, которую мы представляли.

Надо сказать, что в Аахене публика объективна и хорошо воспитана. Она умеет отдавать должное

внимание чемпионам и никогда не освистывает побежденных.

Меня злит, когда я слышу порой даже от добрых знакомых: «Что же ты так плохо выступила? Бронза – это мало. Неужели не могла первое место занять?»

Они говорят искренним тоном, но им не приходится в голову спрашивать у научного работника, почему тот не академик, у продавца – почему он не директор магазина, у солдата – почему он не генерал.

Жаль, что не очень многие понимают, как тяжело в спорте высшего уровня дается и пятое, и шестое место...

И вот решающий старт. Я была относительно спокойна, вероятно, потому, что не рассчитывала победить, и это спокойствие передалось Пеплу. Он не сделал ни одной ошибки.

Казалось, он великолепно понимал ответственность момента. Шел мелкий дождь, но казалось, что даже если бы разверзлись хляби небесные, это бы не смутило Пепла.

«Он ни разу не терял собранности, он переходил из одного движения в другое без малейшего колебания – так плавно и легко, а его аллюры были так естественны, что, кажется, с ним никогда не работали: управление было совершенно незаметно», – писали потом в бельгийском журнале «Бюллетэн офисье́ль де ля ФРБСЕ».

«Со времен Ваттеля на Рампарте и Лесажа на Тэне я не видел искусства выездки, исполняемого с такой чистотой», – писал корреспондент французского журнала «Эперон». «Русская комбинация Пепел – Петушкова была единственной, которая создавала впе-

чатление гармонии и, следовательно, легкости» – эти слова принадлежат американскому судье и обозревателю доктору Ван Шайку.

И вот я поклонилась судьям, выехала из манежа, усталая, промокшая до нитки, отправилась на конюшню. Время текло неторопливо, моросил дождь, небо было серое, без просветов, в денниках лошади мерно хрупали овсом.

Приблизительно через час я увидела, как к конюшне бежит по лужам наш конкуррист Виктор Матвеев. Бежит и кричит:

– Елена! Ты чемпион!

Сперва я даже не отреагировала – решила, что он неудачно шутит. Но взглянула в его лицо, и сердце забилося учащенно.

Через несколько мгновений прибежал мокрый Терентьич, обнял меня, оторвал от пола, стал кружить по конюшне, приговаривая: «Деточка моя, поздравляю». Потом появились все наши, за ними толпа зрителей.

Я убежала на чердак.

Пеплу деваться было некуда. Вокруг его денника люди стояли часами, закармливали сахаром, от которого он, сладкоежка, не отказывался. Художница из Голландии рисовала его портрет углем на большом листе картона, и он, изогнув шею, косил в ее сторону агатовым глазом.

...Потом звучал гимн.

Пусть это никогда не повторится. Пусть я никогда больше не буду так счастлива. Но этот миг мой, его нельзя отнять.

В такой момент словно какое-то озарение нисходит на тебя, и кажется, что в его ослепительном свете ты вдруг постигаешь некий высший смысл, величайшую мудрость жизни. Ты живешь в ином, ускоренном в сотни раз ритме, упиваешься каждой крохой нового бытия и по-особому ярко чувствуешь свою жизнь на этом свете.

Ни одна жертва не кажется чрезмерной для того, чтобы испытать такое счастье.

Я нарушила последовательность изложения событий – до чемпионата мира 1970 года была Олимпиада 1968-го, первая из двух моих олимпиад. Но я сделала это сознательно, чтобы рассказы об олимпийских выступлениях свести воедино.

Мексика – хрустальная мечта детства. Я рисовала в воображении прерии, всадников на мустангах, огромные кактусы и крохотных колибри, висящих над ними, сверкая, как драгоценные камни. В словах «сомбреро», «серапе» была экзотика и притягательная сила.

И вот мечта сбывалась.

Лошадей в Мехико везли особым самолетом – кажется, голландской авиакомпании. С ними были только ветеринарный врач Анатолий Доильнев и коноводы. Лошади стояли в тесных боксах, их пугал шум моторов, их укачивало. Ноги были забинтованы, под бинтами – поролоновые прокладки, на головах – ременные шлемы, выложенные внутри резиной, чтобы не разбили затылок о низкий потолок. Мы думали, что все это хорошо предохранит живот-

ных, но оказалось, что кожа под прокладками сопре-ла до мяса, тем более что во время посадок лошадей не выводили: пришлось бы развинчивать боксы.

Когда самолет пошел на посадку, стал отчаянно биться Ихор. В подобной ситуации пилот имеет право пристрелить лошадь. Но Толя Доильнев грудью встал на защиту Ихора, сделал ему успокаивающий укол...

Во время долгого путешествия меня, помню, поразило, как уже при первой посадке – в Алжире, глубокой ночью – наши гимнастки прямо на зеленой траве газона устроили импровизированную тренировку.

Олимпиада сближает представителей различных видов спорта, которые обычно друг с другом незнакомы: начинаешь болеть за боксеров, гимнастов, борцов...

Мехико – это жара и, кроме того, это жаркая стихия «ченджа»: ни на одних соревнованиях – ни до, ни после – я не видела, чтобы так азартно менялись. Все и всем – от значков до туфель...

Мехико – это Олимпийская деревня, где огромное количество народа спует кто куда, кто зачем.

Это жгучее мое желание посмотреть пирамиды ацтеков или корриду, остающееся желанием, и только, потому что режим дня – это: автобус – поездка на тренировку – возвращение – обед – душ – отдых – поездка на тренировку – возвращение – ужин – сон – завтрак – поездка на тренировку.

Мы приехали в Мехико за месяц до открытия Олимпиады, день за днем проходили в этом одуряющем однообразии, и через две недели я почувство-

вала своего рода психологический кризис. Все мне сделалось неинтересным, а интересное было недоступно.

И вот тут вновь сказала тренерская мудрость Терентьича. «Все, – заявил он, – завтра у тебя персональный выходной».

Чего я только в тот день не успела! Видела и пирамиды, и корриду, была на площади Гарибальди, где ночи напролет играют и поют ансамбли марьячес и можно по телефону вызвать их, чтобы спели под окном серенаду любимой девушке, – марьячес имеют лицензии на право нарушения тишины в любое время суток.

В этот же день мы с одной нашей гребчихой попали в парк аттракционов и решили прокатиться на «американских горах» (там их называют «русскими»). Нас предупреждали, что они самые высокие в мире и что годом раньше, во время предолимпийской недели, после этих горок у гимнаста Миши Воронина шея болела. Но мы не прислушались к предупреждению, да и не поняли толком, при чем тут шея.

Однако начались сумасшедшие крутые спуски, и в тряском вагончике голова действительно болталась, как на ниточке.

Подробности соревнований сейчас уже изгладились из памяти. Помню, как была рада нашему командному «серебру», тому, что и у меня будет олимпийская медаль. Помню, каким мрачным ходил перед переездкой Кизимов, проигравший Неккерману около двадцати баллов, и как дивились его настроению приветливые и общительные мексиканцы. Им трудно было поверить, что это из-за места, которое

он занимает, – никакие места их решительно не волновали, и они спрашивали у меня, не обидел ли кто Кизимова.

На другой день Иван Михайлович Кизимов стал олимпийским чемпионом, повторив успех Филатова.

Оставалось два дня до отлета, у меня на них были самые радужные планы, я столько еще хотела посмотреть...

Но утром не смогла встать с постели. Состояние было как после тяжелой болезни. Я не сразу поняла тогда, что апатия, отупение естественны после таких соревнований, которые даются высочайшим напряжением, а когда оно проходит, то оказывается, что организм исчерпал все силы. Позже я узнала, что после Олимпийских игр иные спортсмены по несколько месяцев не могут прийти в себя.

Когда рассказываешь о таком, тебе порой не верят, считают преувеличением. Ведь вот, например, артисты балета тоже испытывают большое физическое напряжение, а у них спектакли гораздо чаще, чем турниры спортсменов.

Верно. Но разница вот в чем. Артисты почти никогда не прибегают к предельной нагрузке. А к запредельной – вообще никогда. Артисты должны показать все, на что они способны, спортсмены – для победы – больше, чем все. Запредельная нагрузка – это когда организм бросает в бой глубоко спрятанные резервы, неприкосновенный запас сил. Этот НЗ используется в жизни крайне редко – в экстремальных условиях. Например, в миг смертельной опасности. Но жизнь спортивная учит сознательно тратить свой НЗ.

Напряжение соревнований усиливается от ответственности, лежащей на спортсмена: чем серьезнее значение турнира, тем ответственность выше, на Олимпиаде она самая высокая. Спортсмен сознает, сколько трудов и усилий потратило множество людей, чтобы подготовить его успех, он понимает важность успеха для страны, для народа. Олимпиада же бывает только раз в четыре года, и в жизни многих спортсменов она единственная. Это итог твоей четырехлетней работы, и если ты не сумел добиться успеха, значит, и труд, и сознательное самоограничение, отказ от чего-то, может быть, очень личного, дорогого – все оказывается напрасным.

Вот чем объясняется и накал страстей, сопутствующих Олимпиаде, и та опустошенность, которая может охватить тебя, когда все осталось позади.

...Олимпиада в Мюнхене далась тяжелее. Мы ехали бороться за первое место в командном зачете, но на команду сыпалось несчастье за несчастьем.

В Москве тогда стояла ужасающая жара, в Западной Европе было холодно. По дороге простудился Тариф, конь Калиты, и Иван Александрович был вынужден пересесть на запасного – Торпедиста, лошадь гораздо ниже классом. Потом захромал у Кизимова Ихор. Тариф постепенно превозмогал свою пневмонию, хотя был еще слаб – его только выводили шагать в поводу. Внезапно у Торпедиста обнаружилась хромота на все четыре ноги. И вдруг я заметила, что и Пепел слегка прихрамывает – на крутых

поворотах или в углу манежа. Я сказала об этом Терентьичу, он без особой уверенности ответил: «Ничего, ничего, это, наверное, ты не так поводом работаешь».

Что оставалось говорить Терентьичу, когда у него на глазах буквально разваливалась великолепная команда?

До старта оставалось три дня. Среди ночи я проснулась с ощущением жара. Но здесь, в женской половине Олимпийской деревни, я была единственной конницей и не знала, где живут врачи других наших команд. Пошла наугад по коридору и за одной из дверей услышала русскую речь. Это волейболистки, у которых соревнования кончались поздно, обсуждали игру. Там была женщина-врач, она поставила мне градусник – тридцать восемь и пять... Веле-ла лежать в постели. Но как было сообщить Терентьичу, что утром я не приду на тренировку?

На счастье, мне встретилась композитор Александра Николаевна Пахмутова, она знала Терентьича, и он через нее мне передал, чтобы я не беспокоилась (легко сказать!).

Днем пришла профессор Зоя Сергеевна Минова, наш знаменитый спортивный врач, принесла уйму лекарств, сбива температуру, и я почувствовала себя почти хорошо. Сказывался, конечно, нервный подъем, обостряемый сознанием, что выступать все равно необходимо.

Но беда не приходит одна. Когда на следующее утро я пришла на тренировку, Терентьич печально сказал: «Ты, Ляля, была права – Пепел-то на передние ноги едва наступает».

В принципе ничего особенно страшного не было – просто камешки, которые попадают в песке манежа, вызывают так называемую наминку – острое воспаление в толще копыта, очень болезненное. Раньше в таких случаях делали укол новокаина, но в Мюнхене для лошадей впервые ввели допинговый контроль, и делать уколы было нельзя.

Ветеринар Толя Доильнев вскрыл гнойники на обоих копытах Пепла, удалил гной, но боль была сильная. Две ночи подряд Терентьич и Толя сидели в деннике, парили передние ноги моей лошади в ведрах с горячей водой и бальзамом. Пепел вынул бы ноги, если бы они ушли, и они по очереди дремали там прямо на сене.

Я не знала в спорте человека самоотверженней Анастасьева: он всегда раньше всех вставал, мчался на конюшню, проводил время в бесконечных хлопотах и терял за соревнования семь-восемь килограммов. Костюм висел на нем как на вешалке.

...Мне повезло с жеребьевкой. Участников Большого приза, поскольку их было много, поделили на две группы, и я попала на второй день. Кизимов и Калита – на первый. Калите пришлось все-таки сесть на Тарифа (Торпедист совсем обезножел), и он проявил большое мужество, став шестым на лошади, только что оправившейся от воспаления легких. Впрочем, как здесь не сказать о мужестве и терпении Тарифа?

В общем после первого дня по сумме результатов двух участников мы отставали от команды ФРГ очень значительно – на 121 балл, и передо мной стояла задача отыграть эту разницу.

Но в вечер Большого приза произошли трагические события в Олимпийской деревне Мюнхена: в нее ворвались террористы, захватили заложников...

Баллов своих в Большом призе я не помню – помню только ощущение крайней сосредоточенности. Толя Доильнев пошел на одно ухищрение: распрянул жестяной совок, вырезал пластинки по форме копыт и перековал Пепла так, что пластинки оказались под подковами. Это несколько уменьшило боль. На разминке Пепел все-таки прихрамывал, но Толя уверял, что через полчаса он разойдется. Я не могла не верить, но нервы были натянуты как струны, и мысль о том, выдержит ли конь, отвлекала от мысли, выдержу ли я.

Наша команда победила. Вопреки всему. В личном зачете выиграла Линзенгофф, я была второй.

Что было потом, не помню – абсолютный провал в памяти. Скорее всего, мы готовили в дорогу наших лошадей – бинтовали ноги, хвосты, чтобы они не вытерлись о стенку машины.

Скорее всего, этим мы и занимались...

РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТ СТАНИСЛАВ ТОКАРЕВ

Иные книги складываются, как прокладывается шоссе – прямоком от пункта «завязка» к пункту «развязка».

Иные – как тропы: тоже от начальной к конечной точке, но с прихотливыми поворотами, возвращениями и отклонениями.

Нет нужды спорить, что лучше. Книга – организм живой, она сама порой ломает все – в том числе и композиционные – авторские планы. Наша с Леной совместная работа продолжалась немало лет, и порой, когда финал вроде бы уже брезжил, жизнь говорила: «Нет, рано, многое еще впереди».

Скажем, было когда-то задумано закончить тем моментом, когда нынешний конь Елены Петушковой, рыжий тракен Хевсур, впервые будет стартовать в группе взрослых – в Среднем и Большом призах. Эти призы с их усложненной по сравнению с Малым программой вкуче именуются «большими ездами».

Слово «езда» по правилам нашей русской грамматики множественного числа не имеет, но в конном, как и в иных видах спорта, свой арг. Он звучит не всегда привычно, зато, как говорится, по правде.

Однако прошли первые «большие езды», вторые, третьи, конь мужал, становился мастеровитее, а книга все не отпускала нас от себя.

И тогда мы решили, что рассказать о самом первом экзамене нашего рыжего друга надо не в финале, а в середине. Пусть, подумали мы, на страницах

окажутся рядом события разных лет. Разве не так обстоит дело вообще с воспоминаниями? Да и потом – не пора ли предоставить читателю возможность увидеть мир конных состязаний не только изнутри – глазами Петушковой, но и извне?

Итак, место действия – город Москва, олимпийский конный комплекс Битца, время действия – июль 1982 года.

Кроме Лены, кроме нашего знакомого Угрюмова и упоминавшегося уже Анатолия Антикяна, берейтора Петушковой – тренера Хевсура (этот высокий черноусый красавец – мастер спорта, сам выступал когда-то в выездке на одном из многочисленных братьев Ихора, но больших побед не добился), действует тут также грум (конюх) Вера Макарова, суровая девушка, добровольно и фанатично посвятившая себя конному спорту, а также многие иные лица.

День первый. Средний приз № 2.

– О! – сказал Угрюмов. – А где же борода?

Он выехал на разминочное поле на своем тракено-текинце Енисее редкой масти – соловой (светло-золотистой с белой гривой и хвостом). Сидел небрежненько, бочком, еще без фрака, выглядя не элегантным кавалеристом, а мужичонкой, возвратившимся из ночного, и смотрел на меня с веселым любопытством.

Я не стал бы вводить вас в столь частную и маловажную подробность, как утрата мною бороды, не будь этот факт сопровождаем многозначительной деталью, о чем – ниже.

– Интересный у меня возникает вопрос, – сказал Угрюмов, склоняясь с седла. – Лежачего не бьют, так ведь? А выходит, бьют.

– Ты о чем, Петрович? – спросил я.

– После объясню.

Постепенно дальнее поле, где начиналась разминка – ближе к манежу принадлежало тем, кому вот-вот стартовать, – заполнялось всадниками и всадницами.

Всадницы были все как одна в паричках «а ля Петушкова», начесанных на уши, в цилиндрах чуть-чуть на лоб. Пассажиrowали, пиаффировали, крутили вольты, прибавляли и сокращали рысь и галоп, вкось пересекали желтую песчаную площадку, репетируя принятие.

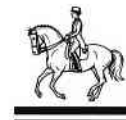
Тренеры со скамеечки покрикивали: «Левый повод держи-держи! Четче галоп, четче!»

За острым серым козырьком роскошной, каких в мире больше нет, трибуны конного стадиона, там, за огромной бронзовой скульптурной группой «Русская тройка», за расставившими ножищи опорами линии электропередачи и по струнке стоящими жилыми башнями, лениво кралась туча.

Флаги трепало на нервном ветру, вчера в программе «Время» обещали дождь.

Кто-то из тренеров сказал, что завтра по-старому Самсон-сеногной; бабки говорили, коль в этот день польет, шесть недель будет лить. От этих слов пахнуло сельским, стародавним, атавистически волнующим, как волнует на конюшне запах сена и навоза.

Предшествуемая Анатолием Антикяном и Верой Макаровой, со стороны конюшен показалась Лена

на Хевсуре – в полной амуниции, в грациозно-гордой своей посадке, опустив очи долу.

До старта час, а она в полном сборе. В этом и характер, и жизнь вся – в полном сборе, держа себя в руках, не давая расслабиться...

– Привет, – сказала она, видя меня и не видя, решительно не замечая никаких изменений в моей внешности.

– Не оценила, – сказал, смеясь, Угрюмов. – Ах, какая ветреная женщина!

Но я увидел, что Лена вообще не та, какой я привык ее наблюдать. Ее сосредоточенность едва ли не чрезмерна, едва ли не прострация.

Тут я заметил еще, что Антикян, сев на скамейку, неотчетливыми, раздерганными движениями ищет по карманам явно забытые спички и тотчас о них забывает, хотя сигарета давно торчит под усами.

Заметил, как Вера трет и комкает в ладонях тряпку для обтирки лошади. И вспомнил, что, когда вчера вечером спросил у Лены по телефону, как Хевсур, она грустно ответила: «Неважно».

Антикян следил за Леной, шепча в усы:

– Так, так, хорошо, хорошо, – точно заговаривал, приманивал удачу. – Ай, плохо, ай...

Я спросил:

– Он что у вас, давно врать стал?

– Недавно врать стал, – сказал Антикян.

– А где?

– В менке ног стал.

Лена приблизилась на короткой рыси.

– На мундштучок его побольше, – сказал Антикян, – пострже на мундштучок.

– Он все время задом поддать хочет, – пожаловалась она, – подыграть.

Вдоль правого заборчика Хевсур взял в галоп.

– Как вон в тот угол заедет, так врет, – сказал Антикян.

– Он просто нервничает здесь, – сказала Вера.

– Слушай, что ему нервничать, никто не нервничает, один он нервничает, – сказал Антикян и сунул новую сигарету в рот не тем концом.

Началась работа над менкой. Казалось, крепко ведомый Леной, конь поймал уже ритм, мерно вздымались его копыта.

«Так, так, так», – кивал Антикян, но Хевсур внезапно взбрыкивал лоснящимся на солнце крупом, и берейтор страдальчески морщился.

Вскочил, побежал на песок, стал осматривать подпругу, потник.

– Может, послабей седловку?

– Да седловка тут ни при чем, – сказала Лена.

– А почему он прыгает? Что ему мешает?

– Ничего ему не мешает, он валяет дурака.

Лена, сжав добела губы, снова принялась за менку. По соседству в березовой битцевской роще ударила кукушка. Ее деревянный алыт пришелся точно в такт движениям лошади – в один темп. Но Хевсур вновь скозлил, вновь скривился Антикян, а кукушка все куковала, и я подумал, не отмеряет ли она Лене долгие, такие же тяжкие спортивные дни.

А она куковала другое – бесконечные попытки заставить рыжего упрянца проделать летящие пассы непослушными своими копытищами.

– Вот, вот, – кричал Анатолий Антикян, – сейчас хорошо было!

– Да, хорошо... Сидишь как на пороховой бочке, – Лена повела в нашу сторону прекрасными, долгими, тяжеловесными, такими полными отчаяния глазами.

– Обе запугались, и лошадь и она, – прошептал Антикян.

Бедная «пороховая бочка»! Другие-то рядом с ним и впрямь походят на кургузые бочонки, но строчат себе как ни в чем не бывало короткими ножками. А он так скульптурно величествен, так симфонически льются одна в другую его совершенные мышцы под сеточкой вен, похожей на дельту Волги на карте. «Он чем хорош? – скажет потом Угрюмов. – Он заполняет собой манеж». А всадница миниатюрна, вроде бы не по коню, но в этом особый колорит, неповторимость сочетания.

Позже я скажу об этом Лене, и она вскинет на меня доверчивый взгляд: «Правда? Это хорошо, если так, а то я въезжаю в манеж и пугаюсь – вокруг одни Петушковые. Хорошо, если мы от всех отличаемся, если ты, конечно, прав».

Но бедный Хевсур! (Кто я такой, чтобы звать его Большуней, как Лена, или Хачиком, как Толя?). «Давай, ну, давай», – звучит тихий накаленный Ленин взрыд, и на лице коня – не могу, хоть убейте, назвать мордой это благородно удлиненное, трепетно чуткое – растерянность, непонимание и горестная жажда понять, чего от него хотят и почему он не может.

Скрипнув лакированными голенищами, подошел отъездивший свою езду Угрюмов.

– Как ты? – спросил я.

– Как сказать? Сейчас мне одна женщина помогает работать с лошадыю. Она услышала – баллы мои объявили, прибежала и плачет. А мне пришла в голову такая мысль. Такая, значит, теория. (Виктор Петрович, как сказано выше, любитель потеоретизировать). Надо вылежать. Устанут же когда-нибудь бить лежачего.

Виктор Угрюмов всегда выражается несколько странно. В данном случае, как я понимаю, он имеет в виду, что они с Еленой Петушковой, выдающиеся мастера, севшие на новых лошадей, в глазах иных выглядят уже бесперспективными (это в спорте бывает – вдруг: «Всем пора на смену»), и судьи несколько придерживаются оценки, поощряя – порой несправедливо – тех, кто моложе и, по мнению судей, перспективнее.

– Я на нее, – сказал Угрюмов, кивая в сторону Лены, – удивляюсь, как она, женщина, все это выдержала. Один конь, другой, одно несчастье, другое... Я за нее волнуюсь, не какое место займет, а сможет ли она встать. Ей, знаешь, хотели предложить передать мне Хевсура. Мне лошадь нравится, честно. Но если бы она мне в этом отношении хоть словечко сказала, я бы перестал ее уважать.

– Не сказала? – спросил я.

– Спрашиваешь, – сказал Угрюмов. – Слышь, Толя, – обратился он к Антикяну, – очень уж старается она на разминке. Лошадь молодая, что ее греть и греть, не старик же. Хотя, с другой стороны... Я помню, на первенстве Европы – еще с Абаканом – она мучилась, мучилась, не идет менка, хоть ты убей. А поехала и сделала. Она, понимаешь, за свои ошибки сама

должна отвечать. А если мы ошибемся в разминке и ей навредим... Хевсур ты Хевсур, голова у тебя большая, да много сразу в нее вбивают, переварить никак не можешь.

Лена проехала мимо, глядя на часы. Антикян тотчас взглянул на свои. До старта оставалось десять минут.

– Вот ведь дрянь, просто я не знаю, ну, негодяй, – не сердито, а грустно проговорила Лена.

– Ребята, – предложил Угрюмов, – давайте ее остановим.

– Она не остановится, – сказал Антикян.

– А мы тихонько. Мы хитренько. Ляля, пора сапоги мыть, давай, мы тебе помоем.

– Не хочу! – отрезала она.

– Ляля, коню зубы надо протереть!

– Не надо! Отстань, Витя, я злая.

– Сейчас она как вас пошлет, – сказала Угрюмову Вера.

– А что, я пойду.

– Бриджи будете мочить? – спросил Лену Антикян.

– Не буду!

– А перчатки?

– Не буду!

Из радиоузла прозвучало: «На старт вызывается заслуженный мастер спорта Петушкова на Хевсуре – общество «Урожай».

Антикян торопливо сунул коню два куска быстрорастворимого рафинада.

Петушкова подъехала ко входу в манеж.

Ассистентка судьи задрала Хевсуру верхнюю губу, проверяя, не слишком ли строги удила.

Лена улыбнулась Угрюмову — чуть-чуть и словно издалека.

Виктор побежал на трибуну, я за ним.

Резкий звонок — сигнал о готовности. Конь от испуга встал на дыбы.

— Это ничего, — шепнул Угрюмов, сжав мне плечо, — это даже отлично. У него напряжение спало, и ей время, чтобы взять его в руки и настроиться.

Езда была не лучшая.

Угрюмов хмыкал, гмыкал, покряхтывал.

— Эх, черт, оступился, по-моему. Видишь, хроманул? А вообще, мне все-таки нравится, как она едет. Я даже боюсь, что мне это нравится. Знаешь, в чем сейчас ее беда? Она не хочет халтурить, хочет показать класс, а он для класса еще не созрел. Но, может, знаешь, это ее преимущество, что она не хочет халтурить. Видишь, как старается обозначить все эти аллюры: уж сокращенный так сокращенный, средний так средний, прибавленный так прибавленный. Может, это ее в жизни перед всеми другими преимущество, что халтуры она не признает, может, потому она и поднимается... Вот... Менку показывает: пять, шесть, восемь, молодец, десять — ну сколько можно? Нет, она мне разорвет все-таки сердце... А если бы она мне коня предложила, этот бы поступок все в ней для меня перечеркнул.

...У конюшен грумы вываживают усталых лошадей. Кто это в поводу у Веры? Маленькая, жалкая клячка с опущенной шеей и вислыми ушами, с глазами, в которых вековое покорство, напахавшееся это

существо — наш гордец и красавец, которого хоть в гвардию, в кавалергардский полк? «Нет, — сказал Угрюмов, — по статьям в кавалергарды можно, да масть не та, там на гнедых ходили, рыжие — это кирасирские». И похлопал по шее, и вытер о бриджи мокрую ладонь.

Конюшня.

В самом конце, в тупике Вера пытается завести Хевсура в душ. Он уперся передними — и ни с места. У всех у нас свои недостатки, у него — что боится воды, даже от лужи иногда шарахается, видя в ней бездонность неба.

— Иди, ну иди, дурила здоровый, — сердится Вера.

— Хач, надо мыться, маленький, — говорит Антикян. — Ай, стыдно не мыться.

Конь ни с места, только фыркает.

— Надо задом попробовать, — сказал дока Угрюмов. — А ну разворачивай.

Припал плечом к конской груди, поднатужился — без толку. Яростно лает, возмущается зрелищем такого непослушания суровый приконюшенный пес Рыжик, аж осел на мохнатые ножки и весь оскалился.

— А ну, — Угрюмов взял метлу, принялся легонько поколачивать ручкой по передним бабкам. Попятился, втиснулся наконец в кабинку Хевсур.

Лена завершала туалет в кладовке с сеном. Все у нее не ладилось: в баллоне почти не осталось лака, а уличный ветер мог растрепать, взъерошить прическу. И зеркало куда-то подевалось. Горели Ленины щеки.

— Вот тут я, Ляля, говорил, — сказал Угрюмов, — твоя беда, что ты не умеешь халтурить.

– Витя, – сказала Лена, поправляя пальцем ресницы, – извини, я отвлеклась. Повтори, пожалуйста.

– Ты не умеешь показывать средненькую езду, а иногда, Ляля, надо скалтурить.

– Прости, Витя, я сейчас что-то тупая. В чем состоит твоя мысль?

– В том, – сказал Угрюмов, обращаясь ко мне, – что это для нее характерный момент. Она просто понятия не имеет, что такое халтура.

– Почему я на него злилась, – сказала Лена, – он на каждом переходе нос вырывал.

– Да он захромал у тебя, – сказал Угрюмов.

– Правда? – удивилась Лена. – А я думала, подыгрывать хотел. Надо же, как я к нему несправедлива оказалась.

– Большой приз лучше поедem. Вот вы увидите, – сказал Ангикиан.

– Блажен, кто верует, – невесело усмехнулась Лена.

– Толя, – сказал мрачновато Виктор Угрюмов, – возьми завтра мое седло.

Серый «жигуленок» Петушковой бежит по Москве в направлении Ленинских гор. Единственная из участников чемпионата страны, моя героиня не взяла освобождение на работе и сейчас торопится в свою лабораторию.

Я подчеркиваю этот факт не для того, чтобы высить ее над остальными: освобождение на время соревнований необходимо и естественно. Лена этим правом пользуется не всегда, что, впрочем, ее частное дело.

Но иные говорят: «Видите, она безразлична к спорту, отъездила, а там хоть трава не расти».

Иные: «Она плохая спортсменка, нервы не выдерживают на соперников смотреть».

Истину надо искать в другом: просто Лена битый месяц занята обсчетом своих теоретических кривых, сложно от этого оторваться.

– Ну как ты? – спросил я.

– Злюсь, – сказала она и надолго замолчала. Она плыла в потоке машин ровно, без рывков и толчков, безошибочно попадая в тот ряд, где можно двигаться быстрее, и обходила таксистов так, что они не гоножились – принимали ее как равную в свою профессиональную мужскую шоферскую среду.

– Не понимаю, что с лошадей, – сказала она. – Какая-то неадекватность реакций. Полная непредсказуемость. Все ведь хорошо шло, и вдруг – заскок. Без малейшего видимого повода. Понимаешь, почему я злюсь? Я всегда умела показать больше, чем на данный момент может лошадь и чем от нее ждут окружающие. Аргумент (это ее предпоследний конь, неудачный, она с ним недолго работала. – С. Т.) мог просто выпрыгнуть из манежа, и то я доводила езду до конца. А Хевсур явно способный, все это знают, вот почему я злюсь. И пока не знаю, как быть завтра на тренировке. С одной стороны, он утомлен, и я его должна поберечь. С другой – пока он все правильно не сделает, тренировку прекращать нельзя, окончание работы служит для лошади наградой, а награда должна следовать за исполнением, и получается замкнутый круг. Не понимаю, что с ним.

– И ведь сам не скажет, – сказал я.

И ведь не скажет, бессловесное создание. Впрочем, разве и тот, кто наделен бесценным даром речи, всегда ли он в состоянии объяснить даже самому себе, чем вызван этот неожиданный странный ступор в миг наивысшей готовности?

Помню, на чемпионате мира по фигурному катанию в Оттаве у Ирины Родниной разладился двойной аксель, самый сложный в произвольной программе, но уже много лет надежно исполняемый прыжок.

Ни за два дня до старта, ни за день Роднина не могла его прыгнуть, ни за несколько часов. С болью в сердце я видел, как Ира, бледная, белей льда, раз за разом заходила на распроклятый этот аксель, раз за разом срывала его и понуро катила, в свирепом недоумении терзая ладошкой челку. Зайцев был хорош, она – хуже некуда.

Мы сидели в кафе с ее тренером Татьяной Анатольевной Тарасовой, было 8 Марта, моя попытка поздравить с праздником была прервана возмущенным: «Да с ума ты сошел?»

Татьяна швырнула в рот очередную горсть успокоительных таблеток, которые ее не успокаивали, запив горчайшим кофе. Я спросил: «А может, выкинете аксель?» «С ума ты сошел? – снова ответила она. – Ирка ни за что не согласится. Один есть шанс, единственный». Я не спросил, что за шанс – побоялся его спугнуть.

На разминке – за минуту до выхода – у Родниной опять ничего не вышло.

Когда пошла третья минута катания, я изрядным усилием воли заставил себя не закрыть глаза. Роднина и Зайцев косым выражением, окрестным шагом, спинами вперед, поглядывая через левое плечо, осторожно зашли на прыжок, вслед за чем оттолкнулись, и Роднина, легко вспорхнув, коротко ввинтилась в воздух. Миг, и она уже катит с роскошно раскинутыми в стороны тонкими руками.

Я понял, что шанс был – характер. Великий характер Родниной.

А объяснить, в чем загвоздка, она потом так и не сумела. Говорила, что, может, коньки были переточены, а лед мягковат, может, на первой тренировке в Канаде не стоило сразу прыгать вдвоем, нужно было поодиночке, может, что-то еще... Хорошо, что хорошо кончается, – разве только волосок серебряный прибавился в смоляной челке...

ДИАЛОГ ЧЕТВЕРТЫЙ

О рекордах, о вершине и основании пирамиды, об истинном смысле фразы Кубертена...

Станислав Токарев. Пьер де Кубертен, основатель олимпийского движения, бросил как-то крылатую фразу: «Главное – не побеждать, а участвовать». Можно, очевидно, этот тезис трактовать широко – по отношению к мировым чемпионатам, вообще к спорту высших достижений. Однако мы с тобой, как и все любители спорта, ждем от наших посланцев в первую очередь побед. Побед и рекордов. Не усматриваешь ли ты в этом некое противоречие?

Елена Петушкова. Если говорить о рекордах, то мне кажется, что само это понятие в определенной мере себя исчерпывает. Во-первых, появилось большое число видов спорта, где требуются не цифровые, а иные критерии, в том числе, например, эстетические. Во-вторых, если те виды спорта, результаты которых измеряются метрами, секундами и кило-

граммами, подходят к пределам возможностей человека – а они, хочешь или не хочешь, подходят, – то и интерес к ним постоянно убывает. Вот футбол не устареет никогда. Или, скажем, гимнастика.

С.Т. Категорически не согласен! После застоя всегда следует новый подъем. Поводом к нему может быть изменение техники – рационализация ее, или материалов, из которых делаются снаряды и оборудование, или правил... Плавание, мне кажется, обладает огромным неизрасходованным потенциалом – возможности быстрого передвижения человека в водной среде нами далеко не познаны. И потом рекорд не абстракция, он рождается в процессе поединка. Это только в велоспорте на треке есть странное условие: рекорд на четыре километра засчитывается, если гонщик стартует в одиночку, между тем как на соревнованиях идут двое, начиная дистанцию по разным сторонам овала дорожки. А в той же легкой атлетике, если ты на стометровке способна показать 10,0 и я – 10,0, то наш поединок может дать 9,95. Или по какому-нибудь усовершенствованному секундомеру – 9,9444. Коль скоро это так, рекорд – следствие стремления обогнать, опередить, оно же, это стремление, основа основ спорта.

Е.П. Ну хорошо, поставим вопрос в иной плоскости. Всякая победа на Олимпиаде, на чемпионате мира сродни рекорду по психологическим затратам, по расходу сил. С другой стороны, нам известны примеры, когда человек, обладая колоссальным талантом, относится к нему прагматически и наращивает рекорды понемножку – по полкило, допустим, в штанге. Мне это отнюдь не импонирует. Ведь когда

все, что в тебе есть, в долю секунды расходуется без остатка, как у Роберта Бимона, совершившего на Олимпиаде в Мехико прыжок в XXI век, как у Юрия Власова, который если уж устанавливал рекорд, то весомо, щедро, — это покоряет. Это истинно спортивно. В конце концов, слово «спортсмен» подразумевает и такие моральные качества, как благородство, рыцарство, стремление идти на арену с открытым забралом. Думаю, это имел в виду Кубертен, подразумевая под участием в Олимпиаде не участие в празднике, а участие в состязании, когда спортсмен, какое бы место он в итоге ни занял, честно и самоотверженно боролся до конца. Не случайно на Играх во время марафонского бега зрители так горячо приветствуют и последнего из финиширующих: он добежал, он преодолел, победил себя.

С.Т. А как ты расцениваешь в этой связи выступление на зимних Играх в Сараево египетского горнолыжника Гамиля эль-Реди? У него-то вообще не было ни одного шанса на место выше последнего.

Е.П. Так и расцениваю. Вспомни — он же на трассе упал, он сломал очки, но он закончил дистанцию, утвердив престиж и свой, и своей страны.

Понимаешь, мне кажется, не все и не всегда задумываются над тем, каких материальных затрат стоит нашему государству подготовка спортсмена олимпийского класса. Ведь базой, инвентарем, услугами тренера он пользуется бесплатно, и когда при всем этом на решающий старт выходит холодным, выходит неготовым... Я убеждена: какими бы привлекательными ни были некоторые виды спорта, массовыми они не станут, не могут стать. В том числе и

конный — в Москве. Здесь желающих покататься на лошади огромное количество, а спортивных лошадей на всю столицу не хватает. Другое дело регионы, где есть табунное коневодство... Вообще, лозунг «Массовость — основа мастерства» нельзя понимать буквально. Между основанием пирамиды (как мы привыкли выражаться) и ее вершиной не простой путь. Отбор особо одаренных сложен, мы с тобой об этом говорили. Чтобы вести этот отбор, не обязательно перебирать все население страны.

Я думаю, читатели поймут, что мы с тобой всецело за массовую физкультуру. Скажем, увлечение нашего народа — да что там, всесветное увлечение — бегом для здоровья обогащает человека и физически и духовно. Более того, повышает его социальную активность. Характерные примеры — «Всемирный клуб бега за мир» в США (там любят все именовать «всемирным»), наш московский международный марафон Мира, число участников которого все растет. Любительский бег, как видим, активизирует личность в политическом плане. Это кроме того, что для каждого из бегунов он — праздник тела и души. Однако можно ли утверждать, что кто-то из участников такого марафона способен выиграть, нет, просто пробежать марафон на Олимпиаде? Сомневаюсь. Многие в нашей стране занимаются для себя, например в театральных студиях. Может быть, кто-то из них и мечтает о сцене МХАТа, но мечтает ли о них МХАТ? Кроме того, человек, посвятивший себя большому спорту, все-таки не живет в атмосфере праздника.

Я приведу тебе еще один факт. Он лишний раз покажет, какой ценой даются победы и рекорды. Мне

говорил об этом знаменитый штангист Каныбек Осмоналиев. Он – «мухач», у него всегда нормальный вес выше боевого, всегда надо сгонять...

С.Т. Ты счастливая, в конном спорте нет сгонки, а как на моих глазах люди мучились!

Е.П. Вот именно. Те, кто парится в бане не для удовольствия, а чтобы ликвидировать лишние килограммы, знают, какая потом охватывает слабость. Происходит обезвоживание, и на следующий день, говорил Каныбек, страшная жажда, а надо терпеть и «тягать железо». Я спросила его, чувствует ли он слабость после сгонки. «Слабость, – он сказал, – это не то слово. Меня тронь пальцем, и я упаду, как сонная муха со стены». Но он еще сказал: «Когда я не сгоняю и по субъективному ощущению горы могу своротить, то поднять штангу не могу. Именно со слабостью приходит обостренное чувство снаряда. Когда я здоров и полон сил, я его не чувствую, а тут чувствую каждой клеточкой тела».

С.Т. Ну вот, а ты говоришь, что тебе не импонирует, когда рекорды бьют «понемножку, по полкило». Дорогой ценой и полкило штангисту достается.

Е.П. Я говорю о другом. Надо отдавать себя борьбе целиком. Иначе и не стоит идти в большой спорт.

РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТ ЕЛЕНА ПЕТУШКОВА

Было бы нечестно утверждать, что известность мне не льстит. Я не лишена честолюбия, это проявилось еще в первом классе, когда стали выбирать звеньевых «звездочек» и санитаров, а меня никуда не выбрали и я пришла домой зареванная. Родители, узнав о моих горестях, посмеялись: «Придет время, и ты будешь радоваться, если тебя куда-то не выберут». Я вспоминаю об этом порой под бременем многочисленных общественных нагрузок.

С течением времени меня стали приглашать выступать, что было нелегко: волновалась я не меньше, чем перед соревнованиями, а сил, чтобы побороть волнение, уходило больше.

Вдобавок мне казалось, что каждый раз надо говорить что-то новое, и надолго меня не хватило. К счастью, я много выступала с писателями Львом Кассилем и Василием Чичковым и обнаружила, что они каждый раз с артистической непосредственностью выдают за экспромт то, что много раз уже рассказывалось.

Храбро убедившись, что повторяться не зазорно, я стала несколько «забалтывать» фразы и мысли, которые уже знала наизусть. Однажды это привело к конфузу в Звездном городке. Я с упоением разглагольствовала о том, как ужасно сложен и опасен конный спорт, и вдруг услышала смех. Он был все громче, и наконец генерал Каманин добродушно сказал: «Этак вы совсем наших космонавтов запугаете, и они никогда в конники не пойдут».

Я выступала много, иногда по три-четыре раза в неделю, но не потому, что нравилось, – просто не умела отказывать.

Бурная «гастрольно-концертная деятельность» была очень утомительна и вскоре оказалась не по силам, ведь от всего остального никто меня не избавлял: ни от тренировок, ни от работы на кафедре, руководства аспирантами и прочего, что составляло основу моей жизни.

Я заметила, что если, отказываясь от очередного выступления, ссылаешься на подлинные, вполне уважительные причины (устала, много дел, надо побыть с дочкой), это не воспринимается всерьез. Но если говоришь, что не можешь выступить здесь, поскольку должна выступать там, а там – что выступаешь здесь, довод звучит вполне убедительно.

Такой метод избавления от хлопот не лучший, я себя за него осуждаю, но ничего поделать не могу.

Тем паче что за время пребывания в МГУ мои занятия спортом никогда не приравнивались даже к общественной работе.

Помню, на факультете висело объявление: «Пребывание в сборной университета рассматривается как комсомольское поручение», правда, ко мне этот тезис, увы, не относился. Вероятно, потому, что я не состояла членом студенческого спортивного общества «Буревестник». В свое время меня в него не приняли – я не была ни мастером спорта, ни даже первокурсницей, а в ином качестве «Буревестник» не интересовала.

Так я и осталась на всю жизнь в «Урожае» и никаких льгот и поблажек, которые порой предоставля-

ет «Буревестник» своим спортсменам, не имела: меня, когда я училась, и от занятий физкультурой никогда не освобождали.

Я не жалею – просто констатирую.

...Наверное, многие считают меня человеком волевым и жестким. Но эти свойства проявляются разве что по отношению к самой себе. С другими я бываю мягкой, даже безвольной – не знаю, замечают ли студенты, как тяжело дается мне требовательность. Большею частью вовсе не дается. Организаторского дара я в силу этого, мне кажется, совершенно лишена.

Что касается воли, напряжением которой я ставляла себя многое преодолевать, то, по-моему, с годами она немного ослабевает. Одну за другой даешь себе маленькие поблажки. Может быть, это естественная и необходимая защита организма от перенапряжения, не знаю.

Если спросить, хотела бы я, чтобы снова мне было восемнадцать, я отвечу: «Ни за что». Пусть меня можно счесть во многих вопросах баловнем судьбы, но годы учебы, работы и спорта, как ни прекрасны они были, сколько радостей ни принесли, дались таким напряжением, что я не хотела бы пережить все сначала.

Наверное, я так говорю потому, что изменилась, как меняется каждый из нас.

Уходит ортодоксальная бескомпромиссность, свойственная юности, понимаешь, что нельзя все делить только на черное и белое, что есть полутона...

Правда, поразмыслив, я прихожу к выводу, что иные поступки, кажущиеся мне естественными для других, по-прежнему невозможны для меня самой, хотя по сути они не противоречат моим нынешним взглядам.

Впрочем, я не думаю, что познала себя до конца.

Может быть, я изменилась еще и в том, что перестала недооценивать себя. Думаю, человек вправе и обязан со спокойной гордостью говорить: «Да, я чемпион мира, я олимпийский чемпион», и он, конечно, может не требовать взамен особых благ и почестей, но гордиться обязан.

Послеолимпийский 1973 год в спортивном отношении был успешным. На чемпионате СССР я победила во всех четырех видах программы (Средний приз, Большой, переездка и комбинированная езда), что случается крайне редко. Выиграла золотую медаль в Среднем призе на первенстве Европы в Аахене, серебряную – в Большом.

В начале зимы у меня был конфиденциальный разговор с Терентьичем: я сказала, что жду ребенка.

Хочу быть понятой правильно. Я не люблю узнавать интимные подробности жизни известных людей – в конце концов, значительны они успехами в своей профессии, своей общественной ролью. И самое сокровенное я считаю возможным открывать лишь применительно к тем моментам, которые влияли на спорт: ведь о нем мой рассказ.

Итак, я сказала, что зимой тренироваться не могу. Мы, точно заговорщики, решили, что это останется

между нами, а с Пеплом Григорий Терентьевич будет работать сам, попросив выделить себе в помощь какую-нибудь девочку в клубе – для общего тренинга и разминки.

Чем была вызвана секретность? Возможно, это звучит несколько наивно, но мы оба были уверены, что к июню-июлю, к основным стартам, я снова буду в седле. Небольшие состязания проходили и до этого, и мы опасались, что вдруг на Пепла посадят кого-то другого («Не пропадать же лошади») и мой контакт с ним будет нарушен. Выше я рассказывала о том, как другой всадник на всю жизнь сбил Пеплу менку ног.

Вообще, под чужим лошадь идет совсем иначе – хуже, чем под хозяином. Мне сам Терентьич, садясь на Пепла, всегда говорил: «Деточка, он у меня сейчас пойдет неправильно, но ты не обращай внимания, у тебя он работает как надо. Я его только двину вперед, чтобы тебе потом легче было». И действительно, после Терентьича Пепел у меня летал по манежу как птичка.

Кроме того, мы боялись, что, выступи на Пепле другой всадник более или менее неудачно, это скомпрометирует лошадь, неудачу отнесут за счет возраста: все-таки весной 1974 года ему должно было исполниться восемнадцать лет.

Словом, мы все тщательно продумали, но в декабре Григорий Терентьевич тяжело заболел – как оказалось, неизлечимо.

Я наивно думала, что просьбы наши в отношении Пепла выполняются из уважения к нам с Григорием Терентьевичем.

И вдруг весной узнаю, что Пепел почему-то на Планерной, на каких-то сборах, и что девочка, которую к нему прикрепили, намерена выполнить на нем норму мастера спорта.

Двумя неделями раньше я потеряла горячо любимого отца.

Развелась с мужем.

Через две-три недели мне предстояло стать матерью.

Анастасьев был прикован к постели.

И еще это предательство. Именно так, предательство, иначе я думать не могла. Я поняла: меня как спортсменку списали за ненадобностью. Не хочу искать виновных, просто было невыразимо горько, и горько до сих пор.

Директор клуба сказал: «А я думал, что ты все знаешь, и меня удивило, что ты не принимаешь мер. Пепел не заслужил, чтобы из него на старости лет делали учебную лошадь».

Приезжаю на Планерную и вижу грустную картину. Понуры Пепел со взъерошенной шерстью, не просохшей после усиленной, видимо, тренировки, бредет в поводу у какой-то девочки. Вид у него неухоженный, копыта заломанные.

«Вы Люся?» – спрашиваю. «Нет, я конюх, а Люся в манеже отдыхает».

А я-то, я-то, даже достигнув высших своих титулов, почти всегда сама «вышагивала» Пепла после работы. И это же был Пепел – чемпион мира, олимпийский чемпион. Я уже спортсменкой была, а разок посидеть на легендарном Абсенте казалось мне наградой, честью, чудом!

Короче, я поехала в Центральный совет «Урожая» и попросила вернуть Пепла в Сокольники, обеспечить ему ежедневный часовой тренинг на корде и никого на него не сажать, поскольку в июне рассчитываю снова приступить к тренировкам.

Все это неукоснительно было выполнено, хотя за кулисами поползли шепотки о том, что и сама, дескать, уже не спортсменка, и лошадь для других жалеет, эгоистка такая.

Двадцать девятого мая у меня родилась Влада. В конце июня я села в седло. До чемпионата страны оставалось три недели.

Не знаю, что было бы со мной, если бы не мама. Все заботы она взяла на себя, все, какие могла. Для нас с ней – именно для нас обеих, потому что мои интересы всегда были ее интересами, – это было не просто возвращение в спорт.

Было нечто большее – шаг к возрождению нашего когда-то доброго и теплого, полностью разрушенного мира.

Иные меня осуждали: «После такого несчастья, да и ребенку только месяц, а она нашла о чем думать – на лошади кататься. Хватит, откаталась, пора о жизни поразмыслить».

Осуждали многие, на помощь пришел Миша Копейкин. В первый же день, когда я вернулась из родильного дома и толком не знала, как подступиться к маленькой (а мама все навыки уже забыла), явился Миша и храбро взялся за дело. Раз-раз, перепеленал, продемонстрировал, как пеленки под краном стирать (его дочери было тогда пять лет). На другой

день он пришел с Аллой, своей женой, и она осталась нам помогать.

Копейкин – мой друг, очень хороший спортсмен и очень хороший человек. В 1967 году в Аахене он на Корбее был в Большом призе шестым, а в переезде я его опередила. Мне присвоили звание мастера спорта международного класса, а Миша этого звания дожидался еще десять лет – вроде бы из-за меня. Но никакая конкуренция никогда не нарушала нашей дружбы.

Обычно дня за два – за три до встречи Нового года Миша Копейкин появлялся у нас с елкой: покупал себе и решал, что нам тоже нужно.

...Тренировалась я в то лето одна: мое возвращение по-прежнему считалось блажью. Попросила перевести Пепла в Московский конный завод – мы рядом жили на даче. Там не было размеченного манежа, границы его я представляла мысленно на поросшей травой поляне. Но каково было лошади – ей-то надо ощущать стенку.

Казалось, все это во сне, все не со мной.

За день до чемпионата страны я попросила дать на меня заявку.

Смотрели на меня с любопытством, всерьез никто не принимал. И вдруг – первое место в Среднем призе, первое в Большом, второе в переезде.

Замешательство в руководстве сборной: через три недели чемпионат мира в Копенгагене, а команда не укомплектована. Меня спросили, смогу ли я поехать, но как было оставить двухмесячную девочку

на одну маму? И тут старший тренер сборной Николай Федорович Шеленков пришел мне на помощь. Его жена, доктор медицины, заведующая отделением Института акушерства и гинекологии, уговорила пожилую опытную медсестру взять нас под свою опеку. И я стала собирать чемодан.

В Копенгагене наша команда была второй (потом подсчитали, что без нас с Пеплом она оказалась бы не выше третьего места). Я получила бронзовую медаль, уступив только Климке и Линзенгофф. «Бронза», завоеванная в таких условиях, была для меня дороже «золота». Но надо же было так случиться, что, когда мы проходили круг почета – как обычно, на галопе, – ушко моей медали, висевшей на тонкой ленточке, обломилось, и она упала в песок.

Я потом долго ходила по манежу, пытаюсь ее найти, и не могла.

Но свет не без добрых людей. В течение многих лет покрытие манежей на всех крупных турнирах готовит один и тот же специалист из ФРГ. У него особый трактор с маленькой бороной, и через каждые два-три выступления он боронит и разравнивает покрытие. Он узнал о моей беде, сказал, что постарается помочь. И действительно, на другой день с улыбкой вручил мне медаль. Оказывается, он со своими помощниками для этого весь песок перекопал.

К началу 1976-го, олимпийского года наши дела в выездке оказались не очень-то хороши. Ясно было, что Ихор не сможет быть в составе: он на год моложе Пепла, но как-то внезапно одряхлел. Тариф бо-

лед, да и Пеплу исполнилось двадцать лет, он в определенной мере утратил эластичность и гибкость движений, и я понимала, что на высокое место нам с ним не претендовать, но в команде он по-прежнему незаменим.

Ведь в неофициальном зимнем первенстве страны мы с ним были первыми в Среднем и Большом призе, вторыми – в переезде.

В многолетней работе с одним Пеплом было и счастье мое, и несчастье. Большинство опытных всадников исподволь готовят себе запасных лошадей: мало ли какая беда может случиться с основной? Пепел был практически здоров долгие годы, времени же для подготовки ему дублера у меня не оказалось.

Вообще, как ни странно это звучит, хороших лошадей нашей сборной долго недоставало. И это при том, что в стране достаточно конных заводов, что отечественные породы высоко ценятся в мире, что ежегодно большое количество лошадей продается за границу.

Но к лошади, выбираемой для выездки, предъявляются особые требования. Она должна быть не только красивой, но и обладать природной правильностью движений.

Такие встречаются нечасто, а учить их навыкам выездки надо долгие годы. Не случайно в состязаниях они получают право выступать лишь в шестилетнем возрасте.

Между тем отсутствие конских резервов в большом спорте нельзя восполнить опытом и громкими

титулами всадников. Характерен пример Швейцарии, команда которой вплоть до 1968 года считалась одной из сильнейших, конкурировала со сборной ФРГ, но не имела в запасе хороших лошадей и в итоге отошла на вторые роли.

Однако вернусь к 1976 году. Весной Пепел стал прихрамывать. Причина казалась непонятной. Будь он моложе, никто не усомнился бы в необходимости энергичных мер для установления диагноза и лечения. А тут, хотя он недавно доказал, что по-прежнему силен, создалось мнение, что это уже возрастное. Мы просили прислать нам ветеринара, но его все не было и не было. Время шло, лошадь берегла ногу и плечо, началась атрофия мышц. Впрочем, на добрых людей мне всегда везло. На помощь пришли и Борис Михайлович Обухов, один из старейших врачей ипподрома, и доктор биологических наук Арнольд Аркадьевич Ласков, и Зоя Сергеевна Миронова, не раз помогавшая нашим лошадям.

Диагноз был однозначен: начальная стадия отложения солей в плечевом суставе. Зоя Сергеевна сказала, что достаточно двух-трех уколов гидрокортизона, и можно дать гарантию: в течение длительного срока хромота не будет появляться.

Ласков рискнул: ввел гидрокортизон и плюс к нему вещество, вызывающее острое воспаление мышц, чтобы резко усилить приток крови. Первые результаты были для Пепла мучительны: у меня самой вызывал боль вид его ноги, отекавшей, как бревно. Он боялся даже пошевелинуться, даже подвинуться к кормушке.

Прошло несколько дней, отек убывал, хромота уменьшалась. Тут мне позвонило начальство: надо ехать в Минск на первенство страны.

Ласков возражал категорически: «Если сейчас везти лошадь в вагоне или на грузовике, ее можно окончательно погубить – ведь только-только начался процесс восстановления».

Словом, в Минск мы не поехали, мы приступили к работе. И уже когда с ногой все было в порядке, в чем мог бы убедиться любой непредвзятый человек, окончательно выяснилось, что мы с Пеплом в Монреаль не едем.

Ну хорошо, могли возникать опасения: Пепел не молод, вдруг захромает?

В этих опасениях был определенный резон. Но зачем до последнего момента «золотить пиллюлю», что-то скрывать, внушать какие-то надежды, проводить прикидки, когда давным-давно всем все известно – всем, кроме меня?

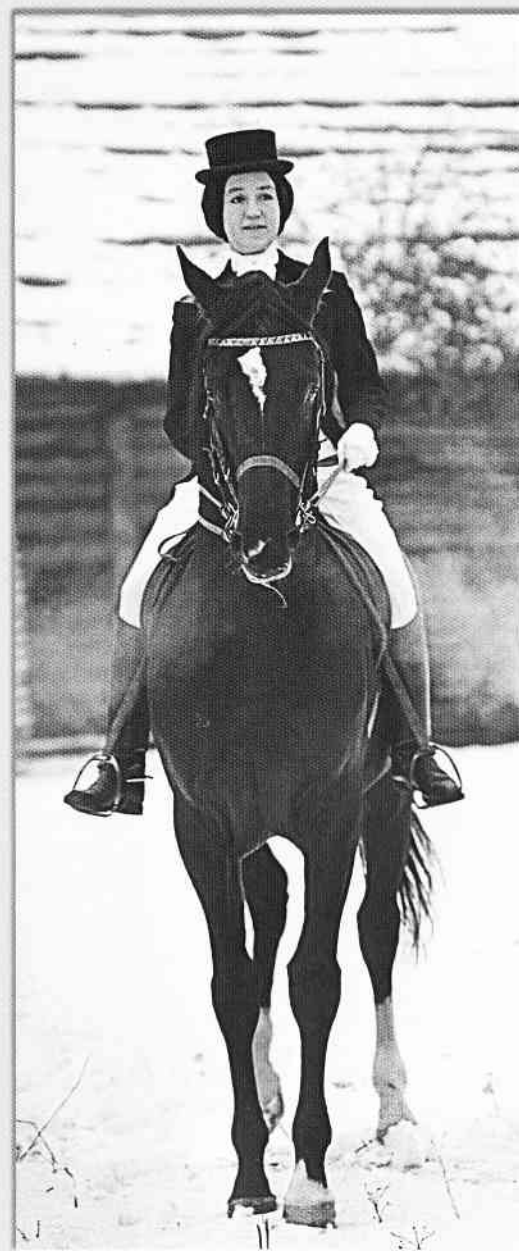
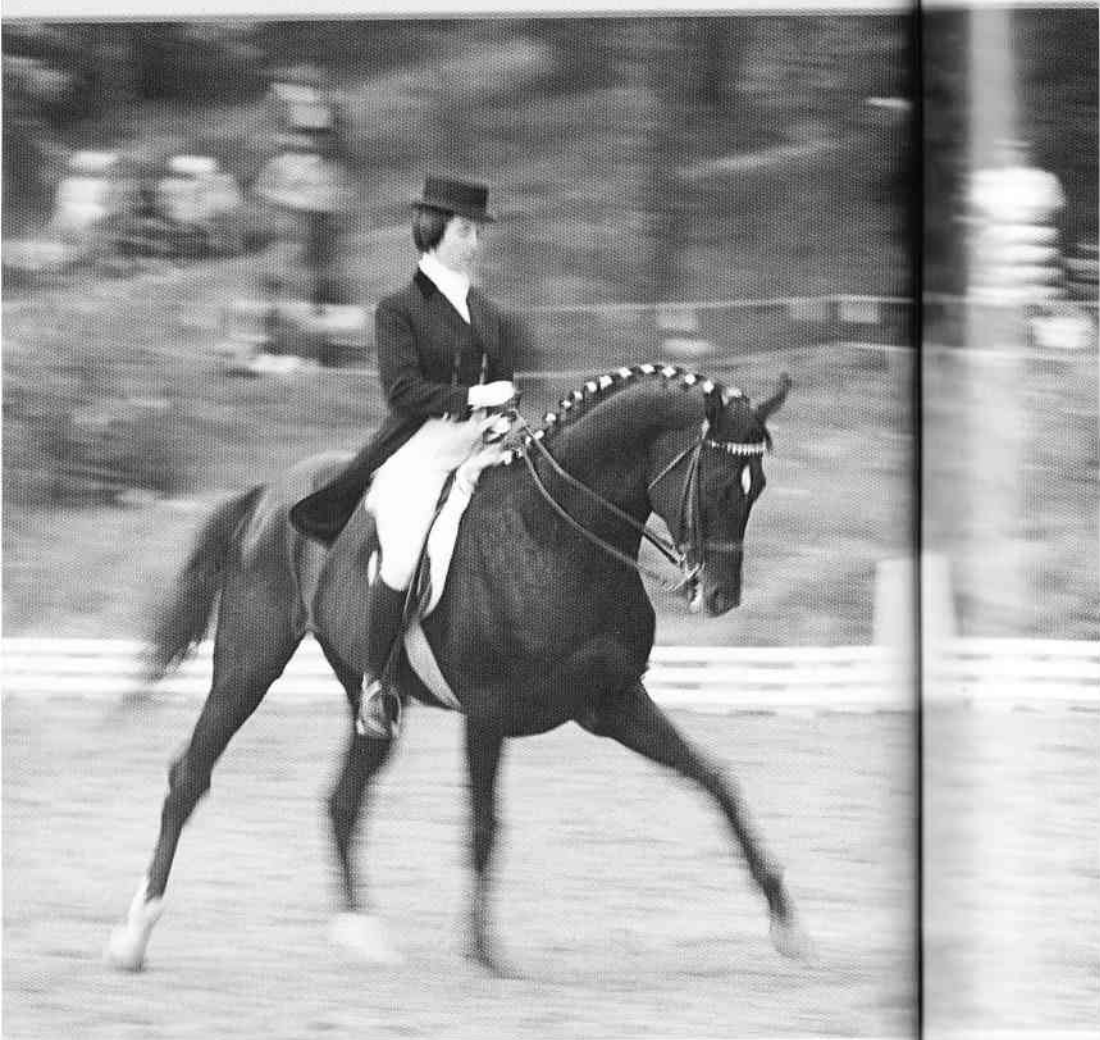
Не слишком ли о многих своих обидах я здесь говорю?

Но ведь я собиралась рассказывать все, как было в моей спортивной жизни, и показывать одни радости, одни светлые стороны было бы неверно, необъективно, это в мои намерения не входило.

Кроме того – и важнее того – иное обстоятельство. При всей индивидуальности перипетий моей жизни многое из происходившего со мной похоже на то, что случается с другими.

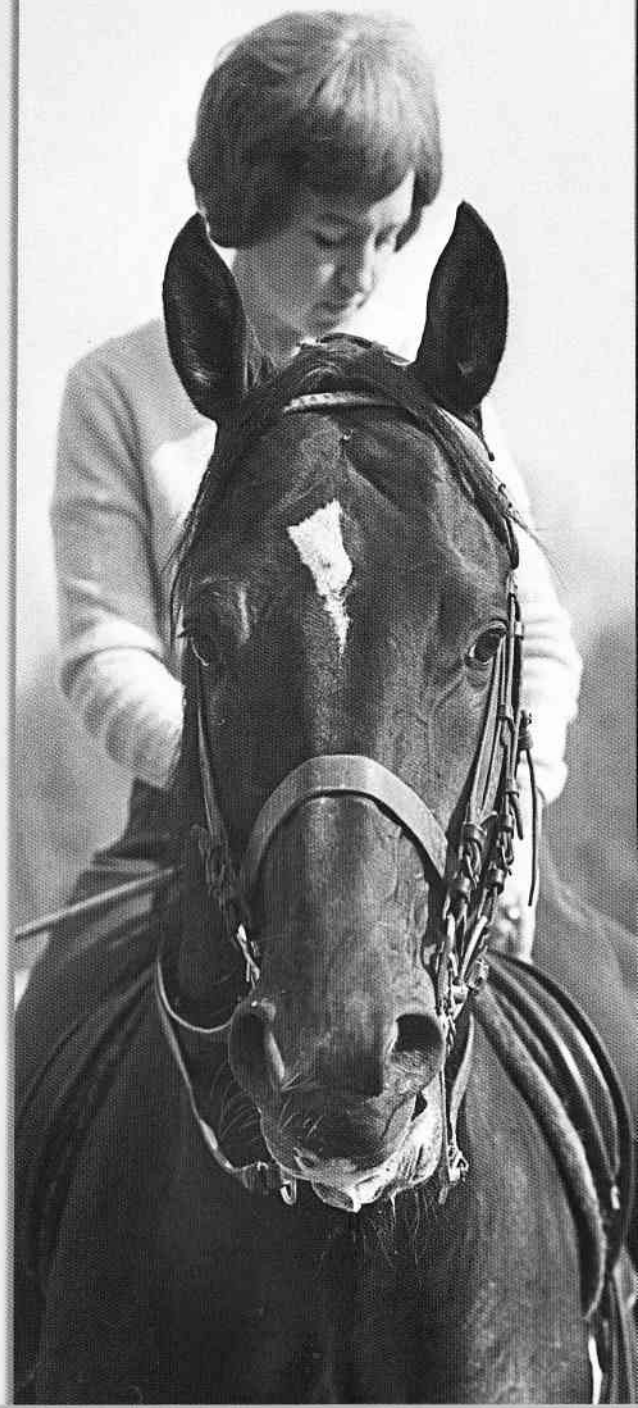

*Изящество и очарование.
Не амазонка, нет. Брюлловская всадница.
С улыбкой, вызывающей
ответную улыбку*

Английское
понятие «self-
made man»
(человек,
создавший себя)
применимо
к Елене
Петушковой

*В первый раз я посадила Владу
в седло,
когда ей было два года*

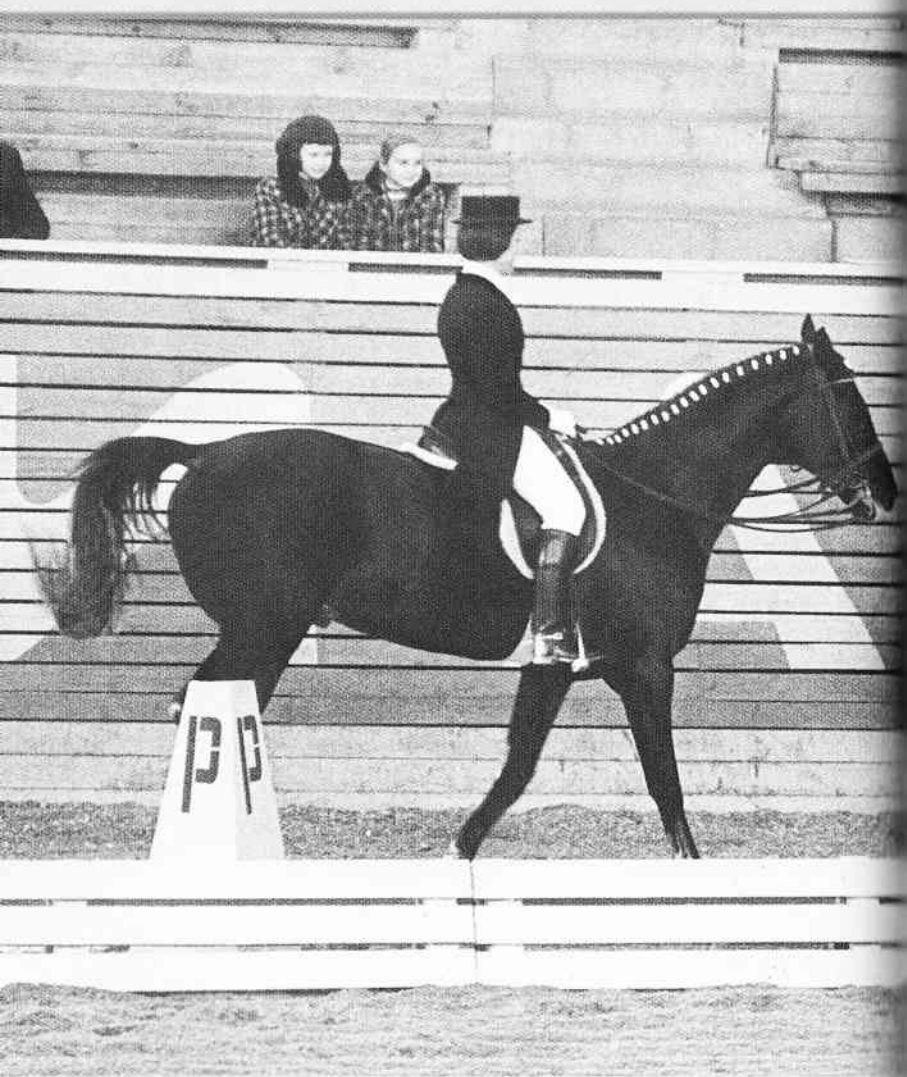
*Тяжела ли шапка Мономаха
(в данном случае цилиндр матери),
если мать – чемпион мира?*

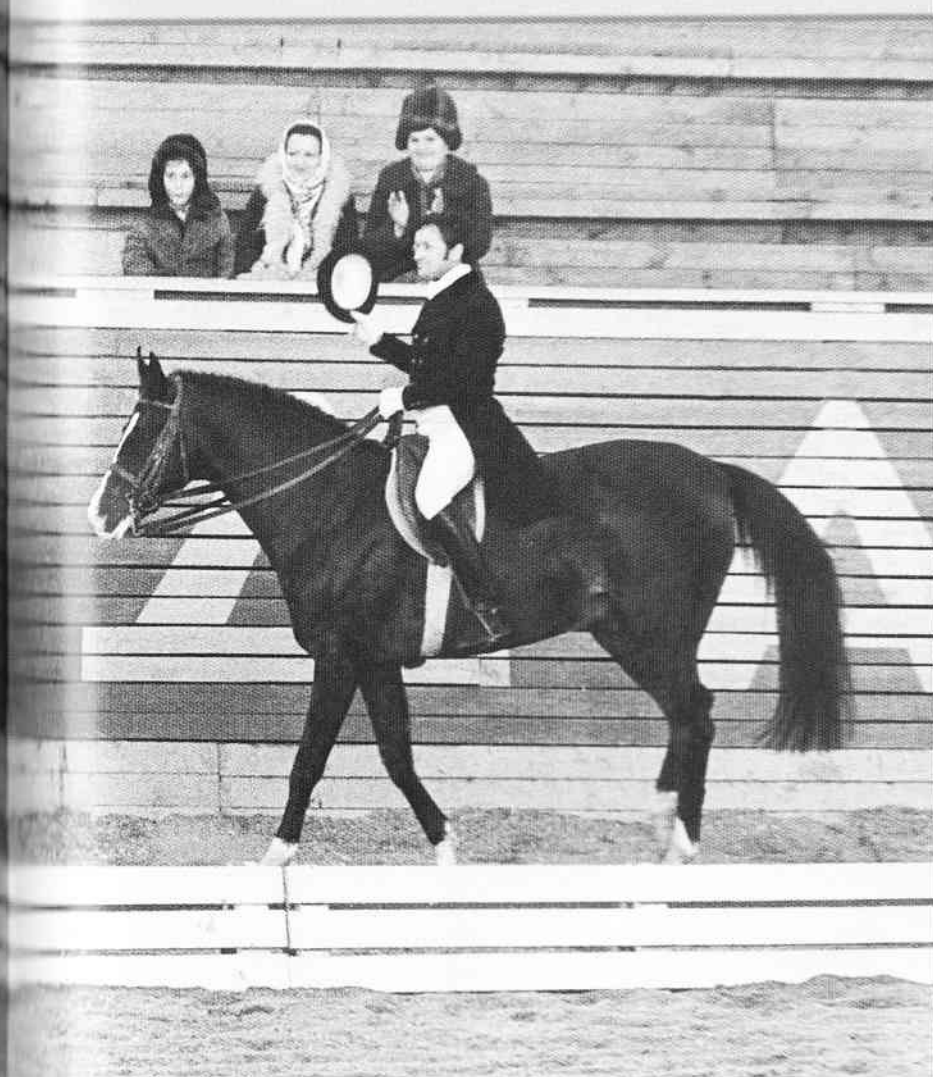
*Елена Петушкова
на Абакане – сыне великого
Абсента.*

*В Абакане ощущались
своеобразие, незаурядность,
особенно важные в выездке,
где побеждает тот, кто
отличается
индивидуальностью*

*Манеж ЦСКА.
Елена Петушкова — на Абакане,
Виктор Угрюмов —
на Шквале*

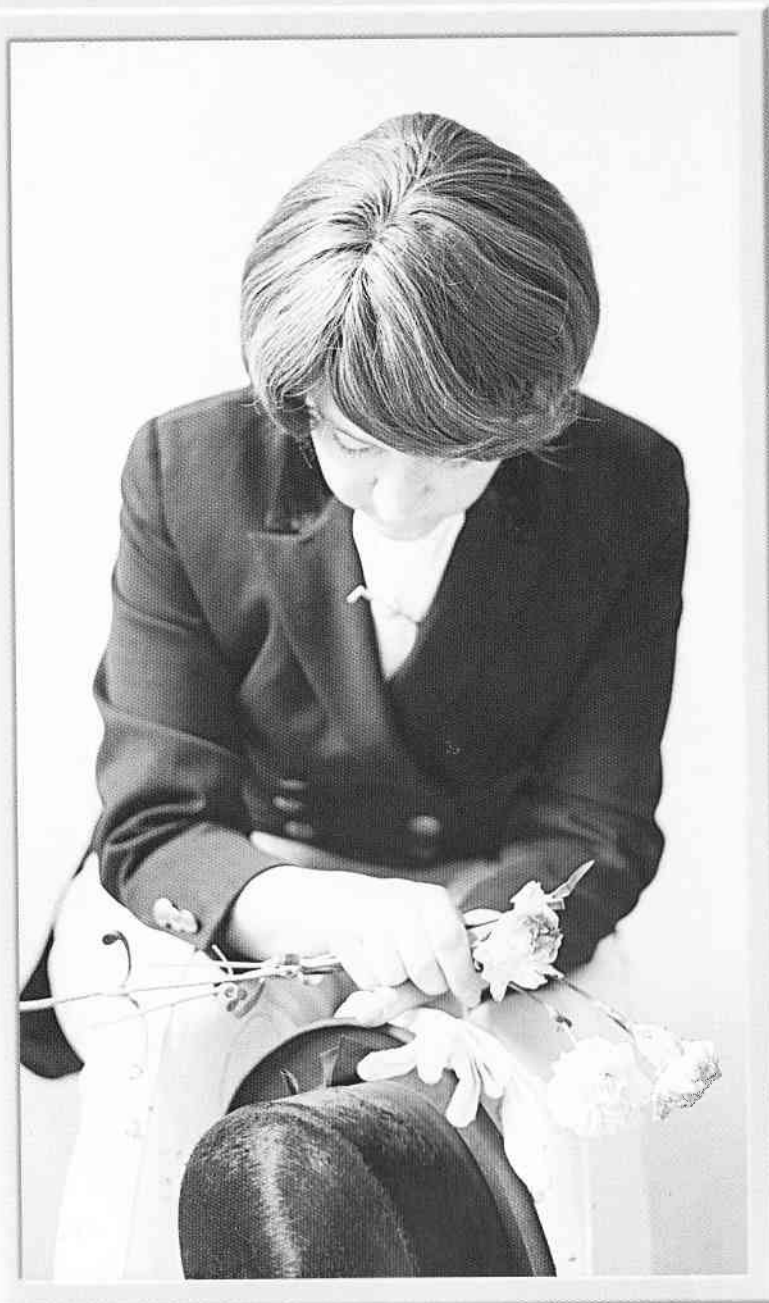

*Если большой спорт –
это большая страсть
и страсть к животным
большая страсть,
то какой же она
становится огромной,
сливаясь воедино
в конный спорт*

*Говорили, что
у Петушиковой
идеальная
нервная система,
а может, это умение
владеть собой?*

Мне не кажется проявлением эгоизма утверждение, что спортсмену надо помогать, когда ему нелегко, создавать душевный покой, когда душа у него не на месте.

Я задалась все же целью доказать, что в Пепла не верили напрасно.

...В дни Олимпиады проходили российские соревнования в Костроме. Там было множество конников, я поехала туда с Пеплом, выступила, и все видели, как он был необычайно свеж и бодр. Он по заслугам занял первое место.

В последний раз я стартовала на нем на чемпионате СССР 1977 года. Сошла с седла, поцеловала его славную морду, и мы расстались. За судьбу моего друга я была спокойна: его ждали на родине, под Ростовом-на-Дону, на конном заводе имени Кирова, где разводят лошадей тракененской породы, а он один из немногих оставшихся в живых потомков знаменитого Пилигрима.

Пепел заслужил спокойную и счастливую старость, самоотверженный труженик конного спорта, как заслужила ее каждая из спортивных лошадей, путь которой усеян шипами, а розы – точнес, розетки, прикрепляемые к оголовью в качестве знаков отличия чемпионов и призеров, – вовсе не радуют и не веселят их.

Мне было приятно думать, что мой Пепел последние годы прожил хорошо, и больно, когда я видела Ихора, знаменитого коня, на котором стал олим-

пийским чемпионом Иван Кизимов. На старости лет на Ихоре учили неумелых новичков.

Конечно, новичков надо учить – смешно было бы утверждать иное мне, когда я сама начинала в прокатной группе. Но честное же слово, для этой роли подойдут другие, не столь заслуженные знаменитые кони.

Сейчас, когда пишутся эти строки, моего дорогого Пепла уже нет в живых, он оставил после себя многочисленное прекрасное потомство, и один из его сыновей, Гипюр, у меня – мы с Толей Антикяном уже начали его готовить к будущим стартам.

...Новую лошадь звали Абакан. Он был сыном великого Абсента, родился в Казахстане, в Луговском зерносовхозе, где разводят ахалтекинцев и где на могиле его отца стоит бронзовый памятник Лошади века. Основам выездки учил Абакана тренер алмаатинской конноспортивной школы Иван Васильевич Квасов.

Когда я впервые увидела Абакана, он показался мне очень смешным – худой, длинный, тонкий, как прутик. Правда, говорили, что таким же был и Абсент: ахалтекинцы долго растут и развиваются.

«Знающие люди» тогда мне не раз указывали, что Абакан-де не классического экстерьера – корпус длинноват. Но в свое время о Пепле у иных наших знатоков было мнение, что корпус его слишком короток. Между тем на одном заседании международной федерации его вспоминали как эталон красоты лошади. Я спорила, доказывая, что эталоном был

Абсент, но мне отвечали: «Нет, пожалуй, Пепел». Словом, увидев Абакана впервые, я улыбнулась, но почувствовала в нем нечто, не определимое словами. Нечто, заставившее подумать, что из него либо ничего не выйдет, либо выйдет выдающаяся спортивная лошадь.

В нем ощущалось своеобразие, незаурядность, особенно важная в нашем виде спорта, где при равной технике побеждают те, которые отличаются от других своей индивидуальностью.

Мы начинали с невысоких мест. Такова доля конника – как бы ни был он умудрен и титулован, с молодой лошадью ему предстоит заново взрослеть, заново шагать по ступенькам, спотыкаться, падать, подниматься, шагать снова.

Абакан был иного типа, чем Пепел, и подход к нему нужен был иной. У Пепла была высокая шея, ее порой надо было опускать. У Абакана «выход» шеи ниже, и требовались большие усилия, чтобы придать ему положение полного сбора. Усилия не просто физические – можно поднять шею, но так, что лошадь туго упрется в повод и напряжение лишит ее движения естественности и грации. Так вот, большая часть урока уходила на борьбу за максимальный сбор, за то, чтобы уравновесить Абакана.

...Дальше я еще буду говорить о вопросах, связанных с упором в повод, – они чрезвычайно важны в воспитании спортивной лошади и, мне кажется, интересны любому человеку, тяготеющему к нашему конному делу.

А таких, как я убеждаюсь, в частности, по письмам, полученным мною после публикации отрывков из этой книги, очень и очень много, и людей волнуют подчас сутубо специальные проблемы.

Сейчас же, по ходу рассказа, замечу, что Абакан был и личностью посложнее, чем Пепел. Во всяком случае, гораздо сдержаннее. У того все эмоции были написаны на физиономии, он быстро возбуждался и так же быстро отходил. Этот же был весь в себе, по нему нельзя было понять, что он думает. Отнюдь не флегматик, наоборот, живущий достаточно бурной и глубокой внутренней жизнью, внешне он проявлял эти свойства мало. Пепел, бывало, слышав издалека мои шаги, ржал, бил ногой, пытался носом откинуть щеколду денника и совался мне в руки, прося лакомства. А Абакана и окликнешь: «Аба, Аба!» — но он делает вид, что не слышит, и, лишь решив удостоить меня наконец своим признанием, еле слышно фыркает. Знаки расположения с его стороны были редки и потому особенно трогательны.

На Абакане я сразу вошла в состав сборной, и в 1979 году на нашем счету уже были «бронза» чемпионата мира и «серебро» чемпионата Европы — в командном первенстве.

Личные результаты так высоко не поднялись — времени прошло все-таки маловато.

...В 1979 году при подготовке к Олимпиаде моим большим помощником — фактически тренером — стал Виктор Угрюмов, с которым вы уже знакомы.

В то время, когда я уезжала на три месяца в США (а об этом будет отдельный рассказ), он полностью взял на себя подготовку Абакана.

Слава Токарев упомянул, кстати, что Угрюмов сам кует лошадей. Но упомянул мельком. А тут нужно пояснение.

Для Угрюмова процессковки и подлинное священнодействие, и постоянный эксперимент. Он, как хирург, чувствует, какой слой копыта срезать, чтобы красив и легок был ход, но в то же время не появилось малейших признаков хромоты.

Иногда кует на тонкую, легкую подкову без шипов, иногда применяет специальные клинообразные пластмассовые прокладки под подковы, чтобы поднять пятку лошади, слегка уменьшить нагрузку на сухожилие.

От этого немного меняется характер движения (лошадь словно барышня на каблуках), по-иному происходит отталкивание — особенно если пятка плоская или есть другой какой-нибудь недостаток. Это своего рода лошадиные супинаторы.

Кроме того, характерно, что Виктор Петрович Угрюмов в силу гибкости натуры, психологической пластичности может с успехом ездить и на тех лошадях, которых принято считать «мужскими», и на «женских».

Поясню свою мысль.

Когда речь идет о лошадях «женских» — легких, обладающих мягким от природы или отработанным упором в повод, это не значит, что ездить на них легче. В какой-то мере даже труднее. Тут всадник должен постоянно контролировать себя, поскольку малей-

шее лишнее движение – не неверное, а просто лишнее – сбивает лошадь с толку. Это не столько физически, сколько нервно утомляет всадника, заставляя его быть в постоянном напряжении. Лошадь же, которую всадник ведет, находится под его постоянным, твердым, я бы сказала, силовым, контролем.

Зато тут уж не уповай на то, что при твоей оплошности конь тебя непременно вывезет. Он настолько рассчитывает на тебя, что растеряется, лишившись контроля.

Одним словом, есть лошади, которых надо уметь показать, и есть такие, которым нужно не помешать показать себя.

Какова же лошадь изначально, видно в ее молодости, на свободе. Иные двигаются красиво и правильно: таким был Пепел. Другие скованны, точно на ногах путы: таким был Абакан. Правда, под седлом, стоило Пеплу упереться в повод, вольное его изящество тотчас утрачивалось. Но ведь всадник стремится сделать лошадь такой, чтобы она отвечала его характеру, физической силе, типу нервной организации. И поэтому я хотела уподобить Абакана Пеплу.

Хотя понимала, что в данном случае «стадию упора» необходимо пройти – ее не объедешь и не перепрыгнешь.

Вообще же и спортсмены-конники, и наши старые специалисты, воспитанные в кавалерии, считают, что сильный упор в повод – недостаток лошади. Однако есть противоположное качество, тоже недостаток, но служащий продолжением достоинства –

так называемая бесповодность¹. С моей точки зрения, бесповодая лошадь – это не та, которая идет в полном сборе, почти не упираясь, постоянно отжевывая ртом и прислушиваясь к приказам, – «лошадь-пряник», мечта всадника. Бесповодая от всадника совершенно отключается, и хотя она тоже двигается в сборе легко и свободно, однако при попытке переключить ее на другое движение либо не реагирует, либо начинает борьбу.

В отличие от Угрюмова, теоретика, я эмпирик. Сколько лет в седле, а иные истины открылись мне довольно поздно.

Скажем, чисто опытным путем я обнаружила, что есть упражнения, не входящие в программу ни Большого, ни Малого призов, сами по себе с точки зрения техники вроде бы неправильные, однако дающие возможность правильную технику выработать. Своего рода подводящие.

Допустим, чтобы научить лошадь лучше делать принятие, надо на тренировке двигаться в манеже не наискосок, по диагонали, как полагается, а строго перпендикулярно к стенке, без малейшего продвижения вперед.

То же – с пируэтами на галопе. Нас учили словно закручивать спираль. Но в этом случае один темп

¹ После опубликования фрагментов книги в журнале «Огонек» я получила много писем от любителей конного спорта с вопросами чисто специального характера. Им адресованы те несколько страниц, на которых я делюсь некоторыми соображениями по подготовке спортивной лошади. Будет вполне естественно, да я и не обижусь, если менее подготовленный читатель их просто перелистнет.

обязательно приходится не на точку вращения. Однако вот парадокс: чтобы научить лошадь крутить пируэт, надо на время о нем забыть, двигаться на галопе то шире, то короче – «гармошкой» – и укорачивать до того, чтобы три-четыре темпа выходили почти совсем на месте. После этого чуть-чуть поведешь поводом и корпусом в сторону, и лошадь сама выполняет прекрасный пируэт.

Есть еще деталь техники, которую я поняла не так давно, работая на молодых лошадях.

На тренировках всадники чаще ездят на учебной рыси, и редко можно видеть строевую. А иногда во время разминки на строевой удается добиться от лошади (речь, напомню, идет о молодой) выразительных и красивых движений, но чуть попытаешься опуститься в седло, и все это мигом утрачивается.

Долгое время я не могла осознать причину этого явления. А потом сообразила: при строевой (облегченной) рыси, когда опираешься на стремя, можно практически не сжимать бока шенкелями. Но чуть сел в седло, невольно, для поддержания равновесия и сохранения посадки, с той или иной силой (в зависимости от тряскости лошади) бока сжимаешь. Повидимому, старая, опытная лошадь на это изменение не реагирует, поскольку привыкла, а молодая тотчас же рефлекторно напрягается, и непринужденность исчезает.

Вспоминая о работе с Пеплом, заново взвешивая прежний опыт, я открываю для себя, как было хорошо, что я много ездил на нем строевой рысью. Он был очень тряский, и рысь учебная выбивала из меня всю душу. Это уж потом, когда он стал старше, то,

как говорится, «принял всадника на спину» (научился амортизировать поясницей).

Большая доза езды на строевой рыси в работе с молодой лошадью имеет еще одно преимущество – для тренировки рыси прибавленной. От посылы вперед юнец учащает движения, они становятся суетливыми.

Но всадник может в какой-то степени навязать неопытному партнеру нужный ритм именно при строевой рыси – приподниматься с седла и опускаться в него, как бы слегка запаздывая по отношению к ритму лошади.

Как я уже говорила, Виктор Петрович работал с Абаканом, пока я была в США. Причем работал, как говорим мы, конники, «в руках» и «на вожжах».

«В руках» – значит, находясь рядом с лошадью на земле и держа за повод. При такой работе добиваются смягчения рта, подведения задних ног и уравнированности, сбалансированности лошади. Иногда на лошадь сажают всадника, но только как груз. Этот метод именуется довольно своеобразно – «работа в руках с болваном».

Пепел, помню, был настолько строг, что о подобной работе с ним речи быть не могло: однажды на тренировке он Сергея Филатова сильно ударил копытом в грудь.

Я «в руках» работать не умею, никогда не пробовала, а для Абакана такой способ оказался очень хорош, равно как и другой – «на вожжах», когда лошадь без всадника идет впереди, а тренер, держа вожжи, прикрепленные к трензелю, метра на четыре-пять сзади, точно пахарь за плугом. В такой пози-

ции можно отрабатывать и менку ног, и пассаж, и пиаффе. Всем этим и занимался с Абаканом Виктор Петрович, пока я уезжала, и добился изрядных успехов, за что я была ему очень благодарна.

На выставке «Спорт в СССР», экспонировавшейся в США в течение второго полугодия 1979 года, я работала три последних месяца как гид-переводчик и консультант. До меня эти обязанности несли и другие советские спортсменки, в частности, олимпийская чемпионка Мельбуерна в метании копья Инесса Яунземе, ныне хирург-травматолог, кандидат медицинских наук, и Дайна Швейц, бывшая чемпионка Европы по гребле, кандидат химических наук.

На выставке приходилось выполнять множество разных ролей и функций. Быть не только гидом, участвовать в телепередачах, в дискуссиях, которые проходили в студенческих дискуссионных клубах. Нужно было и экспонаты расставлять, когда выставка переезжала, даже красить заново стенды, что мы делали с огромным удовольствием. Самое порой увлекательное – заниматься не своим делом.

Но прежде чем перейти к тому, что мне представляется наиболее важным в пребывании за океаном, поделюсь впечатлениями о том, что особенно взволновало половинку моего сердца, приверженную конному спорту.

Рodeo, увиденное мною в Канзас-Сити, было частью многодневной церемонии с пышным названием «Королевское американское лошадиное шоу». Меня, кстати сказать, удивляет пристрастие амери-

канцев к термину «королевский», к короне в эмблемах магазинов, отелей, фирм. В том же Канзас-Сити комплекс, где проходила наша выставка (определить его функции нелегко: выставочно-отельно-конгрессно-торговый, пожалуй, так), именовался «Королевским центром», его герб тоже был увенчан короной...

Что это – ностальгия по давним временам, когда Америкой владели заокеанские монархи, или знак того, что Соединенные Штаты сегодня мнят себя всемирной монархией?

Итак, я впервые увидела родео – не по телевизору, а воочию. Ему предшествовал грандиозный парад-карнавал. По улицам безостановочно текли ярко разодетые ковбойские отряды на лошадях, подобранных масть к масти: сначала рыжие, потом вороные, гнедые...

Маршировали оркестры девушек, предводительствуемые лихими тамбур-мажорами...

Везли на автомобилях огромные потешные чучела... И опять – конники, конники, конники. Наверное, все канзасские обладатели лошадей выехали в тот день на улицу.

Потом началось само шоу, и начались для меня открытия.

Я всегда была уверена, что родео – это состязание на диких, необъезженных мустангах, которые, впервые почувствовав на спине всадника, стараются его сбросить.

Вообще слово «мустанг» звучало для меня романтично, табуны этих одичавших скакунов представлялись сплошь состоящими из красавцев и краса-

виц. А увидела я довольно неказистых лошадок, не блещущих статями и вовсе не диких. Они называются в приблизительном переводе «четвертными лошадьми», поскольку им нет равных в скачках на четверть мили. Благодаря мощному крупу и очень сильным задним ногам, придающим им особую резвость и поворотливость, они незаменимы для ковбоев, чтобы, например, гоняться за бычками.

Итак, лошади эти вовсе не дикие – просто выбранные за свирепость и сварливость и включенные в родео. Чтобы еще больше разозлить, их очень туго перетягивают ремнем на уровне паха. Вдобавок всадник, специально делая маятникообразные движения ногами и раскачиваясь туловищем, ковыряет бока лошади огромными колючими шпорами – по неволе от этого станешь брыкаться.

Любопытно, что, когда после окончания номера два ковбоя, сжав разъяренное животное корпусами своих лошадей, провожают его в загон, оно тотчас успокаивается. Это потому, что наездники незаметно расстегивают паховый ремень.

Но довольно о развлечениях. Тем более что не они были главным. Большую часть времени в США отнимала у нас трудная и ответственная работа на выставке, а самыми трудными, самыми ответственными оказывались именно встречи и выступления – в университетах, институтах и, как я уже говорила, на радио, на телевидении, когда во время полуторачасовой передачи зрители или слушатели звонили прямо в студию и задавали нам вопросы.

Я хоть и прилично знаю английский, но в силу специфики своей практики привыкла в основном гово-

рить либо о конном спорте, либо о биохимии. Там же иные вопросы были такими, что и по-русски не сразу сформулируешь ответ, а на чужом языке – тем более.

Вопросы были самые разные – от охраны окружающей среды и защиты волков до женского равноправия. Последняя тема всплывала очень часто, и первая наша реакция была несколько недоуменной: для нас равноправие женщин в обществе само собой разумеется. Волнует нас – и об этом мы говорили, – если можно так выразиться, обратная сторона равноправия.

В нашей стране женщины настолько равны с мужчинами – и на производстве, и в заработной плате, – что это породило ряд проблем. Одна из них, едва ли не самая острая, состоит в большой житейской перегрузке женщин, устранение которой упирается в серьезную перестройку мужской психологии. Скажем, нас беспокоит сравнительное увеличение числа разводов по инициативе женщин, поскольку экономически и в ряде других вопросов они от мужей не зависят.

Словом, когда американские слушатели и зрители поднимали «женский вопрос», мы делились с ними собственными заботами, а их, как мы в конце концов поняли, волновало иное: неравная для мужчин и женщин оплата равного труда, меньшие – для женщин – возможности получения высшего образования, ряд законов, ограничивающих их материальную независимость в семье.

И я рассказала историю из собственного опыта.

В 1977 году в Советском Союзе шло широчайшее обсуждение проекта новой Конституции. Каждая

статья Конституции подвергалась тщательному анализу на профсоюзных собраниях, все замечания и поправки вносились в протоколы и затем попадали в более высокие инстанции того или иного профсоюза для обобщения. Газеты и журналы в течение нескольких месяцев печатали письма читателей, также содержащие самые разнообразные точки зрения на проект.

И вот, выступив на профсоюзном собрании кафедры биохимии Московского университета (коллектив у нас сравнительно небольшой – восемьдесят человек), я высказала соображение, что формулировка «женщина в Советском Союзе имеет равные права с мужчиной», внесенная в проект из прежней Конституции, принятой в 1936 году, несколько устарела. Я сказала, что, по моему мнению, сформулировать надо так: «Женщины и мужчины в Советском Союзе имеют равные права». Эта поправка содержит не чисто филологический, но более глубокий нюанс. В прежней редакции статья фиксировала то, к чему мы стремились в процессе построения нового общества, однако в самой фразе чувствовался как бы некий оттенок бывшего неравноправия: женщину уравнивали с мужчиной, исходно предполагая, что она еще не равна. Нынешняя же Конституция, являющаяся отражением современности, обязана фиксировать то, что налицо сегодня – равноправие, достигнутое полностью. В дальнейшем это изменение было внесено в проект именно в такой редакции, предложенной не только мною, конечно, но и многими другими людьми. Я потом читала подобные предложения в газете.

Вспоминаю еще эпизод, связанный с моим участием в общественной жизни.

В 1972 году я была избрана делегатом на съезд профсоюзов страны. Мне дали возможность выступить. По поручению своего коллектива я предложила создать спортивное общество для школьников «Юность». Два других вопроса – моя собственная инициатива. Один имел отношение к введению в стране пятидневной рабочей недели вместо шестидневной. Вместе со всеми другими на пятидневку были переведены и медицинские учреждения, что я считала неправильным. Кроме того, я обратила внимание делегатов на то, что из-за чрезмерно насыщенного расписания в вузах студентам не хватает времени на обед, что, конечно, пагубно может отразиться на их здоровье.

Общество «Юность» было создано.

Через некоторое время я получила официальное уведомление от Всесоюзного Центрального Совета Профсоюзов о том, что порядок работы медицинских учреждений пересмотрен – они отныне функционируют шесть дней в неделю.

А в университете вскоре ввели для студентов час обеденного перерыва.

Обо всем этом я рассказывала американцам.

Были среди их вопросов и смешные, свидетельствующие о полном незнании жизни в нашей стране.

Одного из нас спросили:

– Есть ли в России автомобили?

– Нет, – ответил он.

– А на чем же вы ездите?

– На медведях. Летом на бурых, зимой на белых.

– А чем вы их кормите? – У дамы, задававшей эти вопросы, было явно неладно с чувством юмора.

– Бензином.

Шутки шутками, но порой вопросы показывали, что некоторые американцы не только об СССР, но и о США не все знают.

Интересуются, скажем, у меня, почему иностранным туристам в СССР не везде, где они хотят, разрешают ездить. «А у вас, – спрашиваю, – везде?» «Конечно». Тогда я говорю: «Мы сейчас в Канзас-Сити. Город разделен пополам рекой Миссури, правильно? Один берег – штат Миссури, другой – штат Канзас. Так вот, мы, работники выставки, в Канзас не можем попасть без позволения государственного департамента. И если нас пригласит кто-то из вас в гости, то тоже нам потребуется на посещение виза сотрудника госдепартамента. И за город, в пределах десятимильной зоны, мы можем проехать, только если это позволит состоящий при нас сотрудник госдепа, а дальше, за эту зону, – если разрешит его высокое руководство».

Но во многом – и это не я первая замечаю – американцы похожи на нас, русских. Они так же просты в общении, открыты, так же гостеприимны – последним свойством немало отличаются от многих европейцев.

Вот явится, бывало, человек на выставку, походит, посмотрит, послушает, а потом предлагает: «Приходите ко мне в гости». И не так, как говорится, для красного словца, а тотчас назначая день и час. Подобных приглашений было великое множество, мы не успевали их принимать.

Мне больше всего памятна встреча в Сан-Антонио с супругами Дженнет и Толбертом Уилкинсонами. Толберт – врач-хирург, человек состоятельный. Правда, и работает он очень много: в двух клиниках и, кроме того, имеет свою, частную, в которой ему помогает Дженнет. Толберт вдобавок президент федерации современного пятиборья штата Техас.

У них большая красивая вилла. Но меня всегда удивляло, что у состоятельных людей в США часто нет никакой прислуги. Помню, я была у Толберта и Дженнет в День благодарения. Позвали массу гостей, и хозяйка сама всех принимала, за всеми ухаживала, жарила традиционную индейку и на кухне весело угощала желающих потрошками.

Дженнет – любительница конного спорта. Она заезжала за мной и отвозила на конюшню конного клуба. Там у нее три лошади. И мне показалось просто поразительным, что Дженнет сама своих лошадей чистит, кормит, седлает, бинтует, ежедневно стирает бинты и потники. Это не прихоть, а почти всеобщее правило.

С одной стороны, полноценный уход дорог, с другой – Дженнет говорила: «Мне было бы даже неприятно, если бы кто-то чистил и кормил моих лошадей, неизвестно, как с ними обращался бы посторонний для них человек».

РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТ СТАНИСЛАВ ТОКАРЕВ

«Что есть красота? – воскликнул поэт Николай Заболоцкий. – За что ее обожествляют люди?»

Красота, казалось бы, необъяснима. На синем вечернем небе облако, розовое в закате, над ним, где темнее, звезда. Слитно, как стая, взмывают скрипки, бархатно стелются виолончели. Органные трубы подобны лесу или дворцу. Дворец точно лес, где капители – кроны. А среди лесных стволов прямо, как они, стоят колонны солнца. От этого сжимается горло – почему?

Что есть красота? Не потому ли математик называет формулу красивой, что решение верно, а путь лаконичен, ибо грация, изящество, гармония состоят в отсутствии всего лишнего, как не может быть лишнего в полете стрелы?

Замечательный тренер Татьяна Петрухина, воспитавшая олимпийского чемпиона по прыжкам в воду Владимира Васина, натура пылкая и возвышенная, уподобляет полет прыгуна произведению искусства, которое живет секунды, но помнится всю жизнь. Она говорит, что любой несведущий отличит правильный прыжок от неправильного потому, что дисгармония как бы уязвляет глаз, а гармония дарит радость.

Вспомним характеристику, данную стариком Рогалевым нашей Лене: «Изящество и очарование. Не амазонка, нет. Брюлловская всадница. С улыбкой, вызывающей ответную улыбку». Это не только наружность. Это – суть.

Спорт снимает покровы, он обнажает. Не всегда тело: подчас его надо как раз укутать, защитить. В спорте душу живую ничем не упрячешь, она видна на просвет. Червоточины трусости или нечестности маскировке не поддаются – что черно, то черно, прекрасное же помнится на протяжении многих жизней, даже если собственная его жизнь коротка.

Есть в Челябинске каток, названный именем коротким, как жизнь его обладательницы, – «Инга». Ее не забыть, Ингу Артамонову, хотя давно растаял лед, на котором оставила она – навсегда оставила – дерзкие росчерки коньков.

Спринтер века, человек-молния Евгений Гришин, любящий, поэтизирующий образ Артамоновой, рассказывал мне, что она приучила себя улыбаться на бегу. Верю: кому хоть раз довелось ее видеть, тот, прикрыв на минуту веки, представит ее бег, размашистый, словно бы растянутый, подобно журавлиному полету, в котором широтой скрадывается скорость. Щедрый бег, нараспашку, русский бег. И не прищуренный от встречного ветра открытый взгляд, и улыбку.

Приучила себя улыбаться? Конечно, Гришину виднее, но не верится все же мне, что то была сознательно выработанная привычка, некая маска. Как знать, может, спорт, который он же, Гришин, яростно называл «трижды проклятым и трижды прекрасным», для Инги был только прекрасен. Только радость дарил, и она ее нам передаривала. На заре ли сезона, когда она высоко, весело и гордо несла голову, или на закате, весной, когда ей стоило усилий не сутулиться, на-

столько была вычерпана состязаниями, она все равно была хороша, все равно светилась внутренним светом, теплым и ясным. Это было ей природой дано, и сама она была цельной, как природа.

О чем эти строки? Почему, отвлекаясь от размышлений о Елене Петушковой и ее товарищах, ее мире, я говорю о тех, иных из которых Лена не то что не знала, даже не видела никогда? Это строки о женщине нашего спорта. О ее красоте.

Есть нечто символическое в том, что самая первая из золотых олимпийских медалей, которыми гордится Отечество, принесена ему женщиной – метательницей диска Ниной Пономаревой, сильной и ладной в истинно славянском своем облике.

И в том есть символика, что первое золото олимпийской зимы дала нам тоже женщина – лыжница Любовь Козырева.

Две эти победы – словно эпиграф к великому множеству прочих побед.

Нет таких видов спорта, которым присутствие женщины не придавало бы внутренней гармонии, как бы уравновешивая и одухотворяя черты суровости, достойные ошеломлять, чертами нежности, достойными любовного восхищения.

Взять хоть лыжи, где в мороз и метель торят-прокладывают люди свою бесконечную борозду. Так падают, что пар валит от мокрых плеч, что шапки на ходу линяют. Лыжи, живой символ которых – такие двужилые мужики, молчуны и упрямцы, как Владимир Кузин, или Вячеслав Веденин, или, скажем, как здоровенный помор Федор Терентьев, лыжный Васыка Буслай, от которого соперники просто шара-

хались, когда он их обгонял, хоть и покрикивал не «Берегись, расшибу!», но простое лыжничье «Хоп!» Но сколько утратил бы в привлекательности наш лыжный спорт середины века, если бы не видели мы рядом с такими, как они, Алевтину Колчину?

Она, как змейка, струилась, обтекала, оглаживала любой бугорок. Нельзя было сказать, что подъемы, допустим, – самые окаянные тягуны – она преодолевала, как нельзя сказать, что искусная швея преодолевает иглою ткань. Просто короче стежки становились. Венчал же этот прелестный бег – там, на высшей точке трассы Уктуса, меж звонких медных сосен, откуда спуск вел на финиш, – один ее незабываемый жест. Она распрямлялась пружинкой, раскидывала руки движением Ники, богини победы, и после – толчок, от которого взвихривался маленький буран – и догоняй ее, не догонишь.

Потом уходила в гостиницу готовить на плитке обед мужу, тоже знаменитому лыжнику, Колчину Павлу. Сидишь, бывало, с ним в номере, рассказывает он что-то своим тенорком и время от времени: «Аля, – окликает, – когда это было?» – и она, меж тихими хлопотами: «Тогда-то, Павлик», – отвечает, живая домашняя хронология.

Спортсмены – люди кочевые, но где была она, был дом, веяло домом, что скрашивало тяготы снежных километров, смягчало их суровость,

Совершенно женское тело, отчеканенное в гимнастике или отлитое в воде голубых дорожек. Но вот кинорежиссер Самсон Самсонов рискнул избрать героинями смешной и трогательной картины «Восьмое чудо света» баскетболисток, этих двухметровых

«тетя-достань-воробушка» (выражение Петушковой, написавшей об этом фильме тонкую рецензию в газету «Советская культура»). Эти девушки великолепно вольны и раскованны на площадке, а вне ее стараются как бы сжаться, стесняясь своих габаритов, своей чудящейся им неуклюжести.

Однако не случайно кульминацией картины, выражением главной идеи Самсонов избрал эпизод, когда в разгар бала по случаю окончания международного турнира в зале является истое чудо – центровая. Живописно задрапированная какой-то туникой, она плывет, царя над толпой, исполненная величия Геры, Афины и вместе с тем робкого и чистого сознания девичьей красоты. То, что она здесь выше всех, тоже символ. Она высока духовно, и какому-то юноше, чтобы стать достойным ее, нужны не одни лишь рост и сила и, скажем, умение попадать мячом в кольцо, но сила и красота духа.

Дивно гармоничны бег, облик, натура Татьяны Казанкиной. Она словно едва касается земли, чтобы и землю саму не обидеть, не причинить ей боль. Такова же она в отношениях с людьми: если они слегка обострились, в чем ей мнится ее вина, она долго молча терзается. Сложенная хрупко, как в старину говорили, деликатно, она и тактику бега применяет, если можно так выразиться, деликатную. На дорожке, когда все вместе, в группе, можно в горячке и толкнуть соперницу, и самой быть ею задетой; Казанкина обегает других стороной, удлиняя, затрудняя собственный путь.

Был такой фильм о спортсменах – «Быстрее собственной тени», и там сцена, когда один бегун упал, а

другой задел его, лежащего, шипом туфли. И остановился, и вернулся посмотреть, не больно ли задел. Я знаю, по поводу этой сцены Лена Петушкова много спорила с подругой, олимпийской чемпионкой в метании копья Инессой Яунземе. Та доказывала, что подобное в реальной спортивной жизни вряд ли возможно: накал, азарт, себя не помнишь. Лена не соглашалась. Кажется, они чуть не поссорились. Но я уверен: случись такое с Казанкиной, она непременно бы остановилась и вернулась. Одна ее знакомая по сборной – просто знакомая, и не из числа самых добрых – так мне ее охарактеризовала: «Если она проходит мимо тебя и в руке у нее яблоко, она его тебе отдаст».

«...А если так, то что есть красота? За что ее обожают люди?» Вопросая далее, Заболоцкий сам отвечал на вопрос: «Сосуд ли то, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

Мне хотелось сказать о тех, кто дарит спорту этот огонь.

ДИАЛОГ ПЯТЫЙ

О женщинах и женщинах- спортсменках

Станислав Токарев. Что-то, сдастся мне, эта тема не вызывает особого твоего энтузиазма.

Елена Петушкова. Не вызывает.

С.Т. Почему?

Е.П. А ну ее...

С.Т. Лена, ну что ты смеешься, будь серьезней, в конце концов!

Е.П. А я не вижу в спорте специфических женских проблем. Помнишь, я говорила, что большой спорт как таковой рождает сходную структуру личности – в штанге и легкой атлетике, в конном спорте или гребном, – и мы, спортсмены, вне зависимости от возраста быстро находим общий язык, нам легко познакомиться. А женщины, мужчины – какая разница?

С.Т. Однако читатель уже знаком с твоими соображениями по поводу проблем женского равноправия.

Е.П. Так то в широком социальном аспекте.

С.Т. Но разве не идет, не шла в течение многих веков борьба за женское равноправие в спорте? И разве не отражается в этом социальная жизнь общества? На олимпиадах древности вас даже на трибуны не пускали. А сейчас «женских видов» все больше и больше. Возникновение одних обходится без видимых конфликтов, как, например, в современном пятиборье: если женщина занимается и плаванием, и бегом, и стрельбой, и фехтует, и на лошади скачет, то соединить все это вместе ей, как говорится, сам Бог велел. А за марафонский бег какая кипела борьба? Твоих зарубежных коллег не допускали на трассы, они в знак протеста срывали забеги мужчин, пикетировали, демонстрировали... И победили! И женский марафон включен в олимпийскую программу! Причем выяснилось, что, пробежав сорок два с лишним километра, представительница слабого пола утомляется меньше, чем представитель сильного.

Е.П. Медикам известно, что наш организм выносливей вашего. Природа заложила в него резервные возможности, которые требуются, например, в период беременности, когда ему надо трудиться за двоих.

С.Т. В общем, Лена, проблемы есть. Вот ты упомянула о физической выносливости. А как обстоит дело с психологической? Например, с устойчивостью по отношению к нервным перегрузкам?

Е.П. Но это снова не «женский» или «мужской» вопрос. Это вопрос структуры личности в общем плане. Да, большой спорт подвергает личность испытанию на стрессоустойчивость – кто выдержива-

ет это испытание, тот добивается успехов, кто нет – проигрывает. Но все мы в сложном, конфликтном, постоянно усложняющемся современном мире ежедневно сталкиваемся с теми или иными нервными перегрузками. А спорт приучает к ним, закаляет от их вредных последствий. Более того, спорт, как это ни парадоксально, вырабатывает у человека своего рода потребность в критических ситуациях.

С.Т. Чтобы проиллюстрировать эту твою мысль, приведу небольшой пример. Кстати, он касается женщин. Известная в прошлом спортсменка, ныне телекомментатор, однажды мне призналась: «Когда вечером мне предстоит выступать в программе «Время», я себе места не нахожу целый день. Появиться на экране, так я себе представляю, это все равно что войти в тесную лавчонку, заставленную хрусталем, – одно неверное движение, и все рухнет, разобьется вдребезги». Я спросил, зачем ей эта работа, коль она так трудна. Знаешь, что она ответила? «К таким эмоциям я привыкла в спорте, я без них уже не могу».

Е.П. Но заметь, эти эмоции нельзя назвать ни положительными, ни отрицательными в чистом виде. С одной стороны, здесь страх, с другой – его преодоление. Высшая мобилизованность, душевный подъем... В этом особое качество спорта. Ученые полагают, что стрессоустойчивость надо тренировать, но как моделировать сам стресс, возможно ли это? Создавать некие искусственные ситуации? Вряд ли это удастся. Единственный естественный полигон – спорт.

С.Т. Мы потихоньку уходим от темы с твоей легкой руки. Я ведь спросил о степени психологичес-

кой выносливости женщины, чтобы разобраться в том, есть ли свойства, благодаря которым женщина-спортсменка имеет какие-либо преимущества перед мужчиной. Скажем, в выездке мужчины выступают наравне с вами, но наездниц больше, чем наездников. Не значит ли это, что вы лучше приспособлены к высшей школе верховой езды?

Е.П. Очевидно, дело в том, что мы терпеливее. Это, скажем, как на сборке часов, где женщин работает гораздо больше, чем мужчин. Что, мужчина не мог бы их собирать? Мог бы наверняка. Но внимательность и терпение в целом женщинам присущи больше.

С.Т. Что до женского терпения, то вот два эпизода. Известно, что, когда Александр Зайцев стал партнером Ирины Родниной, он знал и умел в фигурном катании, наверное, вдвое меньше, чем она. И он в ту пору с восторгом, даже просто с благоговением рассказывал мне, как много и терпеливо занималась с ним Ира. Она в его спортивной судьбе сыграла роль не меньшую, чем тренер. Не столь широко известно, что в свое время Людмила Пахомова, волею обстоятельств лишившаяся партнера, нашла – сама нашла! – никому не известного студента инфизкульты, средней руки одиночника Александра Горшкова и в итоге создала его как партнера, как личность в спорте. Ее роль в его становлении весомей, чем роль тренера. Обратный случай, чтобы партнер так вот помог партнерше, мне что-то не припоминается... Помню, Роднина мне говорила как раз в ту пору: «Моя мама огорчается, что я до сих пор не замужем, ей хочется, чтобы у меня были дети, но один-то ребенок у меня уже есть – Саша».

Е. П. Ты имеешь в виду родительское чувство, которое принято считать изначально присущим женщине. У меня об этом свои представления. Да, есть девочки, любящие с малых лет возиться с маленькими, и потом, чуть повзрослев, признающиеся, что мечтают о собственном ребенке. Кстати, юноши такие тоже есть...

С. Т. Очевидно, их меньше.

Е. П. Но есть и женщины и мужчины, которые таких порывов не испытывают. Сегодня, достигнув независимости, женщина склонна более, чем прежде, ценить работу. Интересную, я имею в виду работу, квалифицированную. Не знаю, заложен ли в такой, нет ли, притуплен ли обстоятельствами инстинкт материнства. Но это совсем не значит, что она не станет хорошей матерью. У нее любовь к ребенку как бы проходит сквозь сознание, растет и развивается с ростом и развитием ребенка. Мой тезис таков: человеку присуще любить то, во что он вложил силы, ум, творческий импульс. Мне представляется, что такая любовь гораздо полноценнее иной, покоящейся только на физиологической основе. Ни за что не соглашусь с психологами, считающими первоосновой родительского чувства инстинкт. Любовь к своему детищу возникает в процессе созидания из комочка плоти сознательной личности, и она, мне кажется, глубже, мудрее, чем куриное квохтанье, которое издают иные родители, прыгая вокруг коляски.

С. Т. По-моему, Лена, нам не следует скрывать от читателя, что диалоги наши возникали не спонтанно, но обдумывались и переделывались. И вот когда я диктовал машинистке сказанное тобою выше, у нее,

как у женщины, матери, это вызвало протест. Даже, скажу прямо, своего рода неприязнь к тебе.

Е. П. Значит, надо уточнить. Когда я говорю о тех, кто не испытывает изначально материнского инстинкта, то имею в виду отсутствие биологической потребности. А вовсе не равнодушие к факту материнства. Для меня материнское чувство сродни любви скульптора к своему творению. Оно тем более высоко, что дитя – творение живое, оно отвечает тебе, оно и тебя формирует как личность, тут обратная связь... Что до неприязни... Я не хочу быть всем симпатична, я такая, какая есть.

С. Т. Я слушаю тебя, а меня подсознательно точит другое. Приводя в пример Роднину и Пахомову, я говорил ведь не только о женщине как носительнице материнского начала. Говорил о выдающихся спортсменках, волею натур и обстоятельств сыгравших тренерскую роль. Тренерами в конце концов обе и стали. Между тем в диалоге о тренерах я, помнишь, задал вопрос, женское ли дело – тренировать. И задал не случайно. Я думаю, не женское.

Е. П. Твоя категоричность, как всякая категоричность, весьма и весьма спорна. Да и противоречишь ты себе. Сам же показал на примерах, как виды спортивной деятельности, считавшиеся не женскими, делались женскими.

С. Т. Я имею в виду профессию тренера.

Е. П. А профессия летчика-испытателя? Вроде бы сутобо мужская. Но есть же Марина Попович, есть Светлана Савицкая...

С. Т. Да, конечно, и в тренерском цехе существуют такие мастера, как Тамара Москвина, Татьяна Тарасо-

ва, Елена Чайковская в фигурном катании, Татьяна Петрухина – в прыжках в воду, Лидия Алексеева – в баскетболе, Галина Бухарина – в легкой атлетике, Нелли Щербакова – в волейболе... Но здесь уместен трюизм – исключения подтверждают правило.

Е. П. Тогда уж попробуй сформулировать правило.

С. Т. Сошлюсь на тебя же. И снова на диалог о тренерах. Ты говорила об озабоченности социологов феминизацией школьного воспитания, о том, что в женщине вообще, а в женщине-учителе в частности живет подсознательное стремление воспитывать в ребенке мягкость, ласковость – черты ее женской натуры. Тренерская же должность на уровне большого спорта требует суровости. Порой крайней суровости. Спорт высоких достижений предполагает нагрузки на пределе, а порой и за пределом человеческих возможностей. Наше тело – мышцы, нервы – инстинктивно сопротивляется, в нем заложена программа самосохранения, некий невидимый предохранитель. Однако между предохранителем и нагрузкой, на которую организм соглашается добровольно, имеется еще большой допуск. И задача тренера – ввести организм в «зону допуска», разумно раскрыть неиспользованные резервы. Тренер, ничего не поделаешь, обязан заставлять. А может ли это женщина?

Е. П. Может.

С. Т. Себя – да. Других, в общем, нет.

Е. П. Знаешь... Знаешь, а ведь ты прав! Больше того, ты мне многое объяснил во мне самой. Ведь многие считают меня личностью суровой и требовательной, и меня это всегда изумляет, поскольку в ка-

честве руководителя я по большей части крайне, излишне мягка. Чуть ли не до безволия. Да, именно так – суровость к себе и мягкость к другим! Мне еще кажется, что женщине, какой бы требовательной по отношению к себе она ни была, необходимо, чтобы кто-то извне оказывал на нее давление, так сказать, моральный нажим.

С. Т. То есть, чтобы над тобой стоял тренер с кнутом? Ну нет, это преувеличение. Мне не раз доводилось наблюдать, как трудятся спортсменки, доводя себя совершенно до изнеможения, и притом безо всякого постороннего контроля, руководимые одним лишь чувством долга. Однажды летом я в течение доброго месяца наблюдал, как тренировалась великая лыжница Галина Кулакова. Бегая кроссы, она обычно надевала черную маечку, которую, очевидно, каждый вечер стирала. Так к концу сбора вся спина была белесой, почти белой. Эту майку бы в музей, в наизидание потомству!..

Е. П. Ты меня неверно понял. В спорте же не всегда заставляет тренер. Заставляют жизненные обстоятельства. Стимул – соревнования. Стимул – победа. Не случайно, знаешь ли, многие чемпионы, оставив спорт, перестают поддерживать физическую форму, хотя именно при переходе от столь активного образа жизни к более пассивному это совершенно необходимо. Но если для многих людей борьба за собственное здоровье – решающий стимул, для бывших чемпионов он оказывается недостаточным.

С. Т. В споре бывают перехлесты, и я каюсь в излишней категоричности. Не то чтобы уж совсем тренерское дело – не женское. Порой плодотворно

творческое содружество, в которое тренер-мужчина вносит свою волю, суровость и, скажем так, размах, а тренер-женщина, его помощница, мягкость в обращении и аккуратность, кропотливость в отработке деталей техники.

Е. П. А это видно и на примере науки. Разница стиля, подхода между вами и нами состоит в том, что вы склонны от индукции идти к дедукции, а мы наоборот. Мы, женщины, должны повторить опыт десяти раз, мы порой вязнем в частностях и медлим с решениями, с обобщениями.

С. Т. И в этом случае гармонию рождает творческий союз, верно? Но нам пора подводить итоги, и в заключение я бы хотел узнать твое мнение о том, какие виды спорта противопоказаны женщине вообще – есть же и такие?

Е. П. Азбучно одно: противопоказаны те, доминанта которых – физическая сила. Женщина-штангист – и физиологический нонсенс, и эстетический. К числу неподходящих видов я бы отнесла единоборства.

С. Т. А фехтование?

Е. П. Но оно не требует столь яркого проявления мускульной силы. Скорее, игры ума, а в этом мы вам не уступаем. Что до понятия «единоборство» вообще, то оно просто противоречит женской природе. Если мы обратимся к миру животных, из которого вышли, то увидим, что бой, драка – проявление черт особи мужского пола. Это объясняется как фактором биологическим, так и социальным. Вот игра в любом виде присуща женщине.

С. Т. Кроме хоккея?

Е. П. Почему «кроме»?

С. Т. Знаешь, знаменитого вратаря Виктора Коноваленко однажды спросили, что он чувствует, когда стоит в воротах. Он на вопрос ответил вопросом: «А что вы почувствуете, если в вас два часа кирпичами швырять станут?»

Е. П. Возможно, хоккей с шайбой для нас... грубоват. Все-таки силовые приемы. Но есть хоккей с мячом, и до войны наши женщины в него играли. Существует хоккей на траве, и характерно, что, допустим, в Голландии – не знаю уж, по какой причине – им особенно увлекаются девушки, которые учатся в театральных студиях, а уж они-то и женственны, и заботятся о внешности... И непонятно, почему сейчас не культивируется игра с мячом на коньках для женщин. Но эмансипация есть эмансипация: захотим – станем играть в хоккей.

С. Т. Ты утверждала, что в спорте нет специфически женских проблем, но как долго мы разговаривали, а сколько вопросов еще не затронули!

Е. П. Считаю мое первоначальное утверждение просто проявлением одного из противоречий женской натуры.

РАССКАЗ ПРОДОЛЖАЕТ ЕЛЕНА ПЕТУШКОВА

Итак, в 1979 году я улетела домой с аэродрома Канзас-Сити, спустя же четыре года меня вновь привели туда важные дела.

«Russians are coming» («Русские идут») – возвещали крупные красные буквы, пересекавшие белое поле афиши. И дальше синим шрифтом помельче: «...с миром. На Канзасские эстафеты».

Эта надпись сразу же бросилась нам в глаза в аэропорту. «Русские идут!» – так назывались еще совсем недавно популярные в США сатирический роман и снятый по нему фильм, в которых едко высмеивалась пресловутая «советская угроза», абсурдные представления некоторых американцев о стремлении русских завоевать Соединенные Штаты.

Здесь, в штате Канзас, в самом центре, или, как говорят американцы, в «сердце Америки», четырнадцать наших спортсменам – членам сборной команды страны по легкой атлетике – предстояло встретиться с американскими атлетами. Мне, как председателю комитета «Советские спортсмены – за мир», было доверено возглавлять делегацию.

Канзасские эстафеты – традиционные ежегодные студенческие соревнования, проводимые в небольшом городке Лоуренс, что милях в шестидесяти от Канзас-Сити. В Лоуренсе немногим более 80 тысяч жителей, из которых 26 тысяч – студенты Канзасского университета.

В ноябре 1982 года здесь была создана организация «Спортсмены за мир». Инициативная группа со-

стояла из рядовых людей, имеющих к спорту косвенное отношение, простых любителей, но этот почин нашел отклик во многих сердцах. Одним из первых шагов стало приглашение ведущих советских легкоатлетов на Канзасские эстафеты.

Эта идея вдохновила буквально весь город. Ученики начальных школ и колледжей прислали около тысячи писем в посольство СССР в США, в которых писали о своем огромном желании «увидеть у себя русских». Они подчеркивали, что не хотят войны, а хотят дружить и переписываться с советскими мальчиками и девочками, что они очень ждут приезда наших легкоатлетов.

Один из организаторов движения «Спортсмены – за мир» и инициатор приглашения советских спортсменов Марк Скотт не раз говорил нам впоследствии, что кое-кто считал его сумасшедшим: слишком невероятной казалась сама мысль о том, что советская команда приедет на эти состязания. «Да разве русские приедут?!» – воскликнул, узнав о посланном приглашении, тренер команды Канзасского университета по легкой атлетике Боб Тиммонс. Но приглашение было принято.

И однажды в офисе организации «Спортсмены – за мир» раздался телефонный звонок. Секретарша сняла трубку, тут же, как нам рассказывали, уронила ее в волнении и трясущимися губами пробормотала: «Они едут!»

С первых же шагов по канзасской земле мы поняли, что нас тут действительно ждали. Ждали с нетерпением и дружественными чувствами. В аэропорту нас встретили дети с букетами подсолнухов – цве-

тов, традиционных для штата Канзас. Приветствовать нас приехал губернатор штата Джон Карлин. Американские и советские флаги висели по обе стороны огромной фотографии, запечатлевшей встречу советского и американского воинов на Эльбе.

В первый же день наша делегация посетила девять начальных школ и колледжей. Дети дарили нам свои рисунки, везде нас встречали написанные от руки лозунги и плакаты на русском языке: «Привет атлетам! Добро пожаловать!»

– Правильно это у нас написано? – спросил меня ученик одного из колледжей. – Мы очень старались – целых две недели писали.

Стадион Канзасского университета называется «Мемориальный». Над ним на холме возвышается каменная стрела обелиска, на которой высечены имена студентов и преподавателей университета, погибших в годы Второй мировой войны.

По инициативе советской делегации в день открытия соревнований к подножию обелиска советскими и американскими спортсменами был возложен венок из роз.

Кульминационным моментом соревнований стала эстафета Дружбы. Расставленные по этапам советские и американские атлеты передавали эстафетную палочку друг другу. Эстафета была чисто символической и вызвала бурю аплодисментов на стадионе.

Всех американцев, с которыми нам приходилось встречаться в Лоуренсе, волновали не только спортивные соревнования. Их волновало, как остановить гонку вооружений, предотвратить развязыва-

ние новой войны. Американский народ хочет дружбы с советским, наши народы должны жить в мире и согласии – вот основная мысль всех наших собеседников.

Свою поддержку делу защиты мира единодушно выразили и сенаторы штата Канзас, которые аплодисментами встретили наш призыв к ним объединить усилия в борьбе за мир.

Затем совместно мы выработали и подписали обращение советских и американских спортсменов в защиту мира. Этому предшествовала почти двухчасовая встреча атлетов двух стран, которая транслировалась по телевидению.

В беседе принимали участие олимпийский чемпион Боб Бимон, призер Олимпийских игр Джон Томас, председатель организации «Спортсмены – за мир» Боб Сван, тренер Боб Тиммонс, а также Тедди Кеннеди-младший, сын сенатора Эдварда Кеннеди. Об этом мужественном парне хочу сказать особо.

Ему сейчас двадцать два года, а в одиннадцать лет он в результате операции по поводу рака лишился ноги. Но это печальное обстоятельство не породило в мальчике комплекса неполноценности. Почти невозможно заметить, что он ходит на протезе, он плавает в бассейне, увлекается горными лыжами, даже занял третье место в состязаниях людей, страдающих подобными физическими недостатками...

Словом, юноша впитал в себя всю энергию и волю к жизни, свойственную семейству Кеннеди (правда, равно как и его невезучесть). В свои годы он уже растущий политический деятель.

Но вернусь к нашему обращению. В нем говорится: «Сознавая опасность гонки ядерных вооружений для мира на земле и ядерной войны, в которой не будет победителей, а будут лишь побежденные, понимая важную роль спорта и самих спортсменов в жизни американского и советского обществ и в целом мире, а также значение атмосферы взаимного уважения, мира и дружбы на спортивных состязаниях как идеала отношений между странами и народами, осознавая ответственность американских и советских спортсменов, равно как и спортсменов всех стран, за то, чтобы спорт стал посредником среди народов в переговорах по жизненно важным проблемам взаимопонимания, мы единодушно заявляем о том, что в мире нет более важной задачи, чем покончить с международной напряженностью и ликвидировать угрозу ядерной войны.

Во имя достижения этой цели мы заявляем, что будем:

- поддерживать все мероприятия, направленные на расширение взаимопонимания и сотрудничества между народами и соответствующими организациями Советского Союза и Соединенных Штатов, активно укрепляя спортивное сотрудничество между США и СССР;

- тесно сотрудничать с олимпийским движением, с соответствующими органами в рамках программ ООН и других влиятельных национальных и международных организаций в их действиях в поддержку мира;

- способствовать направлению во все спортивные организации, а также в организации в защиту

мира в обеих странах данного обращения для его одобрения в качестве руководства к действию.

Мы призываем спортсменов и граждан всей земли поддержать наши усилия и поднять свой голос в защиту мира».

С американской стороны обращение подписали: Р. Бимон, Дж. Томас, Р. Сван, М. Скотт и Т. Кеннеди. С советской – И. Тер-Ованесян и я.

Мы уезжали из Лоуренса в четыре часа утра. И тем не менее нас пришлось провожать много людей.

Студенты и сотрудники славянского отделения университета, одетые в русские национальные костюмы, хором исполняли нам на прощание русские песни.

Мама пятилетней девочки, зажавшей в руке цветы подсолнечника и колоски пшеницы, сказала, что малышка разбудила ее среди ночи, потребовала, чтобы они обязательно поехали за тридцать миль провожать русских, и все боялась опоздать.

Провожали нас и Джон Томас с Тедди Кеннеди. «Приезжайте еще, – говорили они. – Мы хотим, чтобы наши встречи стали традицией. Спорт – посол мира!»

Мы верили в искренность наших собеседников.

К моменту, когда писались эти строки, Обращение подписали аналогичные спортивные организации нескольких десятков стран.

Порой меня спрашивают, почему вообще в разных странах возникают особые организации борцов за мир – из спортсменов. Выскажу собственное мнение.

Потому, во-первых, что спорт – особое и важное социальное явление планетарного масштаба, большой спортсмен – герой в глазах миллионов, и он может быть активнейшим пропагандистом дела мира.

Потому, во-вторых, что спорт в буквальном смысле слова сближает народы – известны примеры, когда отношения между государствами, не имеющими иных контактов, завязывались, начинаясь со спортивных. Потому, в-третьих, что разные по возрасту, политическим убеждениям, цвету кожи и языку люди, сходство между которыми составляют занятия спортом, в момент становятся друзьями, так как их роднит неповторимая общность эмоциональной сферы. Потому, наконец, что спорт, основа которого острейшее, но мирное соревнование, – живая модель отношений между странами во всех областях.

Когда же иные западные журналисты пытаются вывести из этого некую политизацию спорта, я ссылаюсь на Олимпийскую хартию, в Основных принципах которой, в параграфе первом, среди целей олимпийского движения названы такие: «Воспитание молодежи в духе лучшего взаимопонимания и дружбы, способствующих созданию лучшего и более спокойного мира» и «Всемирное распространение олимпийских принципов для создания доброй воли между народами». Так что наше движение соответствует духу и букве хартии.

В том самом Лоуренсе, в отеле «Холидом» меня в первый день удивила сирена тревоги – в час дня. «Ну, – подумала я, – наверное, замыкание пожарной сигнализации». Потом узнала, что сирена атомной

тревоги звучит в этот час по всей стране, предупреждая о готовности к вселенскому кошмару. Такие вот жестокие игры с налогоплательщиком: ужасайся и раскошеливайся на пушки и бомбы. И на пресс-конференции один из основателей упомянутого мною комитета страховой агент Боб Сван признался, что всегда при этом сигнале приходит в ужас и думает о судьбе горячо любимых дочерей. Сказал и заплакал. Прослезиться публично для американца равносильно публичному признанию в некредитоспособности...

К Московской олимпиаде готовились две группы спортсменов: Угрюмов, Карачева и я – на ипподроме, Юрий Ковшов и Вера Мисевич под руководством Ивана Калиты – в манеже ЦСКА.

Ковшов выступал на Игроке. Эта лошадь в сборной не новая, еще в 1976 году ее брали запасной в Монреаль, в 1977–1978 годах она участвовала в международных соревнованиях, но с другим всадником (Ковшов, ее хозяин, считался недостаточно опытным). Игрок очень мне нравится – вороной, нарядный, красивый. И Юра очень нравится – хороший товарищ, приятный и в команде и просто в общении. С ним легко, у него уживчивый, добродушный характер, и даже когда на его лошади выступал другой, что волей-неволей огорчает спортсмена, он никак своего недовольства не выказывал. Мисевич побывала до этого на чемпионате Европы в Швейцарии. У нее ладная посадка, она, что называется, смотрится на своем Плоте.

Для меня 1979 год, когда я была второй на Спартакиаде народов СССР и выиграла чемпионат страны, знаменателен прежде всего тем, что категорически изменилось общее мнение об Абакане. О нем стали говорить, что это настоящая лошадь, а Николай Алексеевич Ситько, один из умудреннейших наших специалистов, заявил прямо: «В ближайшее время выиграть у Абакана будет невозможно».

Со здоровьем лошади долго не везло. И, вспоминая Пепла, я понимаю только теперь, какую удачу подарила мне судьба: двенадцать лет я не знала забот. Может быть, это потому, что тракены вообще крепкие, а ахалтекинцы более хрупкие. Как бы то ни было, бесконечные травмы, возобновляющаяся хромота то и дело выводили Абакана из строя месяца на три-четыре.

Однажды мой тогдашний тренер Васильев зимой вел лошадь из манежа в конюшню, задумался и не заметил выезжающий из-за угла грузовик. Абакан отреагировал быстрее – шарахнулся, встал на дыбы, поскользнулся на замерзшей лужице и получил растяжение связок. Были и другие печальные приключения. Однако к началу 1980 года он подошел в идеальной форме – и физической, и в смысле подготовки. Казалось, вот оно наступает, оно на пороге – наше с ним прекрасное будущее. В марте 1980 года я победила на зимнем первенстве страны, подтвердив готовность к Олимпиаде.

В начале мая, чтобы проверить подготовку сборной к олимпийскому старту и лишний раз показать зарубежным судьям, решено было поехать на международные соревнования в Бельгию и ФРГ.

Лошадей отправили коневозкой, а мы должны были прилететь на несколько дней позже.

И когда прилетели, я нашла Абакана в очень тяжелом состоянии. Ему стало плохо в дороге.

На него было больно смотреть. Носом шла кровь, он был угнетен и вял. Ни на что не реагировал. В груди хрипело и клокотало. Мы выводили его на солнышко погреться, и он понуро стоял часами, найдя себе какую-нибудь ямку и устроив в ней то передние, то задние ноги, а на шее – толчками снизу вверх – пульсировала вена. Наклоняться, чтобы отщипнуть травы, он совсем не мог, кормушку приходилось подносить к самой морде. До груди и боков не давал даже дотронуться – рычал и стонал, что выглядело особенно тягостно, потому что лошади обычно не способны издавать звуки даже при сильной боли.

Но не отправлять же было его одного домой. Повезли в ФРГ. Дорогу он перенес неплохо, у меня уже затеплилась слабая надежда. На другой день мы вывели его из денника, чтобы почистить, как вдруг его буквально согнуло от боли и по коже волнами пошла дрожь.

Хуже нет, наверное, на свете, чем видеть страдания близкого существа, которое даже пожаловаться не может, и ничем не быть в состоянии ему помочь.

Мои товарищи выступали. Уезжали из конюшни верхами, во фраках и цилиндрах, строгие и сосредоточенные, возвращались раскрасневшиеся, возбужденные соревнованиями. Все вокруг кипело и бурлило – обычная атмосфера больших стартов. И только я не принимала в этом участия. С утра до ве-

вчера сидела напротив Абакана, отходила, подходила, шагала взад-вперед около денника.

Не помог ни наш врач, ни приглашенный ветеринар сборной ФРГ. Он сказал, что симптомы характерны для перитонита, а если так, то на спасение шансов мало. И хотя были раздобыты самые редкие сильнодействующие лекарства, хотя мы определили его в одну из лучших ветеринарных клиник в Ганновере, ничто не помогло.

Через сутки из клиники сообщили, что Абакана не стало. Так незадолго до Олимпиады я осталась без лошади.

Дома у меня был еще конь Аргумент – брат Абакана, я взяла его два года назад, но почти на нем не ездила – не хватало времени. По всем данным, ему до брата было далеко, а о подготовленности и говорить не приходилось.

Через неделю предстоял чемпионат страны – отборочный к Олимпиаде.

За время моего пребывания в США Угрюмов немало работал с Аргументом. Я спросила у него, что лошадь может. «Ира однажды пробовала отъездить на нем всю езду, – сказал Виктор Петрович. – Менку ног в два темпа он делает плохо, в один темп вообще не делает. А ты что, собираешься выступать?» Я кивнула. «Многие тебя неправильно поймут», – проговорил Угрюмов, неопределенно покачивая головой.

Я поняла, что он имеет в виду. Что, мол, подумают: Петушкова любой ценой хочет прорваться на Олимпиаду. Оснований нет, а хочет.

В сложившейся тогда ситуации я знала: не выступлю сейчас – буду выступать позже. Все равно спорт

не брошу. Уход из него, вероятно, возможнее для меня в миг, когда все хорошо, а не сейчас, когда все плохо. Может быть, это в силу моего природного упрямства. Но если я не выступлю в чемпионате, заговорят, что я ушла совсем. Потом, допустим, скажут, что вернулась. Сперва мне пособолезнуют – кто искренне, кто нет, – потом (так сказать, по возвращении) возникнет любопытство: интересно, как у нее заново все получится? Но никаких эмоций, никакого шума по отношению к себе я вызывать не хотела – мне бы это мешало. Всем вокруг должно было стать ясно: Петушкова по-прежнему в спорте. То, что произошло, несчастье, но не крах.

До старта оставалось пять дней. Я поехала на Аргументе. Обнаружила, что некоторые элементы идут у него просто прекрасно – пиаффе, переход из пассажа в пиаффе, пируэт. Словом, самое сложное удавалось хорошо, а простое – остановки, например, – ни в какую.

Когда я Аргумента получила, он имел репутацию странную – лошади, так сказать, с большими заскоками. В соревнованиях участвовал единственный раз в жизни – еще с прежним хозяином, тот проехал только половину программы: лошадь внезапно, без всяких видимых причин встала на дыбы и выпрыгнула из манежа. Или – это случалось уже со мной – она тоже без причины принималась вдруг вертеться волчком, пытаясь меня скинуть. И в процессе такой короткой моей подготовки Аргумент время от времени стремился выкинуть необъяснимые номера.

Хотя бы довести на нем состязания до конца, уже было для меня победой. Когда я добилась этого во

время розыгрыша Среднего приза на чемпионате страны 1980 года, то, несмотря на итоговое последнее место (Аргумент захромал и Большой приз ехать не мог), считала задачу выполненной. Доказала всем: из спорта уходить не собираюсь.

Но пошли разговоры разные. «При ее титулах и репутации не имела она права так позориться», – судили одни. «Расстроилась во время Среднего приза, потому и отказалась от Большого», – рядили другие.

Не могу сказать, что пересуды совсем меня не задевали. Не могу. Одна мысль утешала: решила ехать и проехала.

Чемпионат страны выиграл Ковшов. Восьмидесятый был его годом. Юра еще в Бельгии и ФРГ выглядел очень хорошо, и Игрок под ним был активным, веселым. Случаются в жизни каждого человека минуты подъема, когда все удается, все одно к другому складывается.

На Олимпиаде я была среди зрителей. Сидела на трибуне комплекса в Битце.

Надо сказать, что подарок к Играм конники получили просто уникальный. Строители думали не только о том, чтобы обеспечить отличное проведение именно этих состязаний. Они позаботились, чтобы Москва и на будущее получила великолепный центр конного спорта.

Здесь, в Битце, создана и детско-юношеская спортивная школа – не только по конному спорту, но и по современному пятиборью.

Здесь размещается множество лошадей, зимой в манеже могут тренироваться одновременно шестьдесят всадников, если не больше. Расширяются воз-

можности для проката, а у нас желающих покататься на лошади много.

Коль уж речь зашла о любви моих сограждан к лошадям, к конным прогулкам, замечу попутно, что сейчас получил развитие массовый конный туризм: можно купить путевку в поход длительностью от нескольких часов до нескольких дней. Помню, тогда, приехав на Кавказ, в Домбайскую долину, покататься на горных лыжах, я в день, когда был сильный снегопад, отправилась за двадцать километров в Теберду, заповедник, где много туристских баз, в основном для пеших туристов, но есть одна и для любителей верховой езды. И получила ни с чем не сравнимое удовольствие, проехавшись по тропам, по рощам в ущельях, хотя мохнатая лошаденка не очень-то отзывалась на мои требования – повышенные, естественно, по сравнению с теми, которые к ней обычно предъявлялись.

Однако вернусь к Олимпиаде.

Еще до начала на нашу сборную обрушились неприятности. Лишились Абакана, вслед за тем захромал Саид Карачевой. Созванный в срочном порядке консилиум высказался единодушно: тромб подвздошной артерии, видимо застарелый. Хромота и приступы колик вызывались тем, что тромб этот закупорил артерию задней ноги. Лошадь списали.

Однако, несмотря на все беды, сборная в составе Ковшова, Угрюмова и Мисевич выступила отлично – после восьмилетнего перерыва вернула нашему спорту звание олимпийских чемпионов в командном зачете. В личном лучшем был Юрий Ковшов – серебряная медаль.

А победила Элизабет Тойрер.

Кстати, Австрийская федерация конного спорта вразрез с решением Национального олимпийского комитета страны запретила своим спортсменам ехать в Москву. И молодая всадница из Вены попала в Битцу только потому, что отважно презрела запрет.

Это вообще романтическая история. Тойрер прилетела в Москву перед самыми соревнованиями. Ее привез на своем двухмоторном «фоккере» друг – выдающийся автогонщик-профессионал Ники Лауда, глава авиакомпании «Лауда эйр», насчитывающей два самолета и шесть пилотов: снял в салоне несколько рядов кресел, поставил контейнер для лошади, погрузил и прилетел.

Массивный, ширококостный, серый в яблоках ганноверец Мон Шери под седлом Элизабет преобразался: в менке ног порхал как бабочка, пиаффе отбивал с четкостью барабанщика. Он представлял контраст с изящной всадницей, и, хотя наши зрители привыкли к лошадям более легкого типа, они по достоинству оценили мастерство гостыи.

У Тойрер в час прилета спросили, вернется ли Ники за ней в Москву. Она сказала: «Если будет мной доволен». И он вернулся за ней и ее золотой медалью.

На Олимпиаде в командном зачете советские конники выиграли и конкур, и троеборье.

Оттремели олимпийские события, все вернулись к повседневным делам, а передо мной отчетливо встала проблема поиска лошадей. Именно лошадей, потому что недавние злоключения подсказали

единственный, очевидно, путь: иметь двух-трех молодых партнеров и готовить их исподволь, без форсирования.

Нас часто спрашивают, как мы, спортсмены, выбираем себе лошадей.

Некоторое время назад конноспортивные клубы непосредственно приобретали для своих членов лошадей на конных заводах.

Двухлетки и трехлетки после скаковых испытаний частично остаются на заводах в качестве производителей, частью продаются за границу, частью – конноспортивным клубам.

Все конные заводы находятся в ведении Министерства сельского хозяйства. Коль речь идет об особо выдающемся экземпляре, с которым зоотехник не хочет расставаться, министерство может дать указание продать животное клубу. Порой завод отдает лошадь спортсмену, так сказать, на передержку, то есть она выступает в спорте, но числится за прежними хозяевами, и они уверены, что в дальнейшем получат ее обратно. Заводы же представляют собой не небольшие конефермы, а крупнейшие сельскохозяйственные предприятия.

Прежде большей частью было – да и сейчас во многом это так, – что конники приглядывают себе лошадей на выводке, предшествующей скаковому дерби. Это своего рода торжественные смотрины, причем надо обладать очень верным глазом, громадным опытом, чтобы угадать в двух-трехлетнем подроске будущего сильного и красивого партнера для себя. Признаки порой неусловимы, и для меня они во многом до сих пор загадка. Признаюсь, что у лоша-

ди моложе чем в пятилетнем возрасте я предвидеть грядущие стати не могу.

Итак, где-нибудь на ипподроме, на небольшом пятачке, на песчаной или асфальтовой площадке, за длинными столами заседает авторитетная комиссия. Торжественно объявляют дебютанта. Он появляется на рыси, ведомый за длинные поводья конюхами, и останавливается.

Существует специальный зоотехнический постав лошади: одна задняя нога на несколько копыт впереди другой. Оценивается степень упитанности, как содержат лошадь, как ее чистят и холят.

А вокруг толпится колоритный кавалерийский люд. Зорко всматриваются они в лошадей, предпочитают темнить, не показывать, какая особенно задела за душу. Разве что уж очень хороша, и тогда все дружно восхищаются, хотя понимают: чтобы такую заполучить, надо иметь имя в спорте.

Выводка – своего рода клуб: тут звучат и дифирамбы своим лошадям, и критика чужих, и воспоминания, истории Бог весть какой давности, услышанные Бог весть из чьих уст.

Один, например, утверждает, что скакун Анилин потому непревзойденным был, что одну ногу имел короче других... Другой клянется, что у него была лошадь, которая любила селедку. «Да что – селедку? Вот моя воробьев сла!»

Словом, барон Мюнхгаузен, который восседал однажды на половинке лошади, оказался бы здесь весьма кстати.

Однако речь идет только об одном варианте отбора. Есть другой, когда ведущие спортсмены по чьей-

либо подсказке отыскивают лошадей на заводах. Бывает, зоотехники сами пишут конникам письма, предлагая своих воспитанников, с которыми, конечно, расставаться им очень жаль, но эти люди прежде всего влюблены в свое дело.

Так однажды меня уговорили посмотреть четырехлетнего вороного тракененского жеребца в Краснодаре, и я прилетела туда на субботу и воскресенье – в понедельник должна была уже быть в университете, у себя на кафедре.

Конь понравился. Но мне сказали, что стоит навеститься в знаменитый рисоводческий совхоз «Красноармейский»: его директор Алексей Исаевич Майстренко, истый кубанский казак, организовал у себя сначала небольшую конеферму, а за полтора десятка лет она расширилась и питомцы ее приобрели достаточную известность. Ферма же превратилась в высококлассный завод. Существовала там и спортивная секция для совхозной молодежи, где некоторое время работал тренером Сергей Филатов.

Я слышала также, что Майстренко построил в совхозе манеж не хуже любого московского. Это, правда, казалось преувеличением.

Однако увиденное в «Красноармейском» попросту поразило воображение. Я имела в виду условия, в которых живут, трудятся и отдыхают работники совхоза. Причем мне объяснили, что двадцать лет назад здесь было сплошное болото; его и выбрали специально, чтобы растить рис.

Центральная усадьба совхоза буквально утопает в зелени. По обеим сторонам заасфальтированного проспекта – двухэтажные коттеджи специалистов.

Две великолепные гостиницы. Шестиэтажное здание Дворца культуры. В конторе широкая лестница, устланная ковром, в комнатах паркет, дубовые панели. Тут меня встретил сам Майстренко, крепкий семидесятилетний старик (его за глаза все зовут просто Дед), твердый и требовательный в обращении, но внимательный и заботливый к людям, особенно к детям. Для них в совхозе есть и всевозможные спортивные секции, и музыкальная школа – особняк с мозаичным панно на фронтоне и бронзовыми скульптурами горнистов у входа, балетная группа.

В совхозе свои строители, свои архитекторы. Свой специалист-искусствовед в картинной галерее, обладающей коллекцией, которой могут позавидовать иные крупные города. Искусствовед часто выезжает в Москву на вернисажи для закупки новых работ. Иные из них подарены художниками совхозному музею.

А на площади перед манежем красуется великолепная бронзовая конная группа «Буденновцы» работы известного скульптора Козловского, автора памятника Энгельсу в Москве и статуи Ломоносова возле здания университета. Эта группа предназначалась для одного из столичных парков, но Алексей Исаевич умудрился убедить Министерство культуры, что в совхозе она нужнее.

Манеж в «Красноармейском» прекрасный – шестьдесят на двадцать метров, с трибунами на двести человек и судейской ложей, барьер которой обит зеленым бархатом.

Доходы у совхоза немалые – около семи миллионов рублей в год. Есть молочная ферма, кумысная,

пруды, в которых плавают карпы и толстолобики, озеро с островом и на нем – охотничий заповедник: там пасутся кабаны, олени (а вообще они в этих местах не водятся).

Майстренко встает в четыре утра и первым делом отправляется на конюшню. Как-то он увидел возле манежа двоих плачущих детей. «В чем дело?» – «В секцию не записывают». Вызвал тренера, тот объяснил: «Лошадей не хватает». «Что же это такое! – воскликнул Алексей Исаевич. – Для кого мы все это строим, как не для наших людей, для наших детей?» Позвал бухгалтера. Спросил ребят: «Как вас зовут? Маша и Федя? Так вот, надо срочно выделить деньги, чтобы для Маши и Феди купить лошадей».

Словом, я была просто изумлена и восхищена тем, что увидела и узнала.

Только риса самого вначале так и не заметила. Спросила, где же он. «Да вот, вокруг вас». Оказывается, перед его уборкой воду спускают: обычное на вид полежее жнивье и было основой благосостояния совхоза.

Но чем же увенчались мои поиски? Тогда – ничем. В совхозе подходящей лошади не нашлось, а краснодарского вороного мне не отдали.

Такое случается у нас в конном спорте. И причина кроется, если можно так выразиться, в оборотной стороне массовости. Массовость, разумеется, залог побед. Хорошо, когда на местах – где-то на конном заводе или, как в данном случае в техникуме, – работает секция, люди занимаются выездкой. Плохо, если там процветает местничество и лучших лошадей просто прячут от сильнейших спортсменов, посме-

иваясь в душе: пусть лучше наш доморощенный второразрядник красуется на чемпионате области. Беда при этом, что отличная лошадь, могущая достигнуть высшего международного класса, не попадает в квалифицированные руки – тренеров высокого уровня у нас вообще не хватает, а на местах их просто нет. Если же лошадь смолоду выезжена неправильно, ее никакими силами не переучишь.

Итак, поиски продолжались. И решить проблему помог Спорткомитет страны.

В Москве был организован олимпийский центр подготовки лошадей. Основная задача – отбирать молодняк и готовить его с точки зрения общих физических качеств и начальных навыков в том или ином виде. Работают с ними опытные берейторы, бывшие спортсмены.

В ФРГ, я знаю, есть несколько школ, где тренируют лошадей и продают за высокую цену. Но там, мне кажется, нет таких широких возможностей, как у нас, для отбора действительно лучшего материала.

По прошествии трех-четырех лет руководство нашего центра и тренеры сборной должны коллективно решать, кому какую лошадь предназначить. И вот в 1980 году состоялся первый выпуск: из двадцати три были отданы в выездку. Одного коня – по моему, лучшего, шестилетнего тракененского жеребца Хевсура – продали в наш клуб «Урожай» специально для меня.

Я видела его еще за три года до того. У нас был тренировочный сбор на Планерной, и кто-то из тренеров сказал: «Пойдем, покажу твою будущую лошадь». – «А какой масти?» – «Рыжей». – «Нет, – сказа-

ла, – на рыжей не буду ездить никогда». Я таких потому не люблю, что на фоне желтого песка манежа они, даже изящные, не кажутся столь стройными и элегантными, как вороные и темно-гнедые, силуэту которых этот фон сообщает особую графичность, четкость и выразительность. Если же учесть, что форма, в которой мы выступаем, черный фрак и белые бриджи, то это тем более красиво выглядит, когда лошадь как вороново крыло.

Но меня тогда буквально подтащили к деннику Хевсура. Я увидела двухлетка гораздо крупнее, чем мой вполне взрослый Абакан. «Это же слон. На слонах я ездить не собираюсь».

На протяжении двух зим, тренируясь в манеже ипподрома, я видела Хевсура, но не вглядывалась, хотя со всех сторон говорили: «Ляля, присмотрись». У меня был тогда Абакан, и я ни на кого другого внимания не обращала.

А сейчас выбора не было. Предложили мне его попробовать. Работал с ним, как уже известно читателю, берейтор Анатолий Антикан.

Хевсура Толя полюбил с первого взгляда – нянчил, баловал всячески, даже апельсины покупал. Только что на руках не носил своего большого младенца. Наверное, поэтому Хевсур вырос добрым и ласковым.

Я посмотрела на него впервые внимательно и увидела, что он красив, невзирая на масть. А Толя на нем продефилировал мимо меня гордо, как король, и конь под ним, точно понимая чувства всадника, выступал величественно, высоко подняв голову на крутой шее. Да, он очень высок – в холке один метр

семьдесят три сантиметра. Но он – стопроцентный тракен и, несмотря на рост, не массивен, сложен пропорционально.

Я села в седло и попробовала проехать на нем рысью, слегка опустив поводья.

И Хевсур вдруг полетел.

Да, было именно ощущение полета. Один раз это испытав, я буквально влюбилась в Хевсура.

С сентября 1980 года он у меня. Не все еще знает и умеет. Но когда работаешь с душой, испытываешь к лошади род сердечного порыва, будущее все равно видится радужным.

Хевсур хотя и взрослый, но по характеру – ребенок: добрый, горячий, доверчивый. Любит поиграть, но никогда не злится, а просто веселится.

Так он стал моим, и так я обрела нового товарища и тренера – Толю Антикяна. И я опять – вот уже в третий раз – начала все сначала.

РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТ СТАНИСЛАВ ТОКАРЕВ

...Но вернемся в Битцу и посмотрим, чем кончился для Хевсура его первый экзамен.

Итак, июль 1982 года.

Второй день состязаний. Большой приз.

Примета не обманула. С утра небо уже выцвело, от него тянуло тихим крепнущим жаром. В автобусе было пусто – воскресенье, Москва на дачи ринулась, на пляжи.

Впереди меня сели две дамы средних лет, спортивной складки. Рассуждали о баллах, о местах, об аллюрах – судейские, видимо, дамы.

– Зачем ей это, скажи на милость? – спросила одна. – Все, что могла, от спорта получила, больше не будет же ничего, не выкарабкаться ей, так зачем она мучается?

– Неглупая ведь, – сказала другая. – Но славы жалко. Не может славу уступить. Жадность.

...На желтом фоне песка ослепительно белел Ленин жилетик. Хевсур, красиво изогнув лоснистое тело вокруг ее шенкеля, скрещивая ноги, шел принятием.

– Иди, иди, иди, – слышался ее голос.

Похоже, был бодрей, чем позавчера. Или мне только казалось это?

– Как вчера тренировка? – спросил я Антикяна.

– Всю езду она отъездила, – сказал он. – Сегодня бы так поехала. Ай, смотрите, прекрасно, ай, отлич-

но – в один темп пятнадцать раз без ошибок! Давай, Хач, порадуй своего старика.

– Какого же вы года рождения? – спросил я.

– Сорокового, уже не молодой. Сорокового, и ни дома, ни семьи, тут мой дом, тут жизнь прошла. Нет, я не жалуюсь, хорошая жизнь... Слушайте, вы представляете, позавчера подходит ко мне один судья и говорит: «Не нравится мне ваша лошадь». Слушайте, про кого? Про Хевсура? Как мог? Культурный человек, пожилой, слушайте...

Да, в кончиках усов у Антикяна, кажется, прибавилось седины.

Появился Угрюмов:

– Седлю хорошо подошло, да? Этим хотя бы я вам помог.

– Ты нам еще не раз поможешь, Петрович, – сказал Антикян.

– Ну, – сказал Угрюмов, – вам тоже палец в рот не клади. Ладно, мужики, еще немного постою с вами, и айда бриться, мыться, снаряжаться.

– А у тебя нет приметы, чтобы, наоборот, на счастье, небритым ехать? – спросил Антикян.

– Примету себе любую можно придумать, так лучше уж, понимаешь, с мытой шеей. Асмаева знаете, конкурриста? Он такой чистюля, сапоги свои начистит, поставит, и, если рядом стоят чужие грязные, все равно чьи, он терпеть не может, их тоже начистит... Это, я понимаю, человек... А верно ведь, классно седло подошло?

– И не брыкается, – сказал Антикян.

– Это от седла было.

– Толя, сейчас достаточно? – спросила с седла Лена.

– Достаточно, – сказал Антикян.

– Больше чем достаточно, – сказал Угрюмов.

– Теперь на прибавленной попробуйте ему нос немного опустить, пусть вытянет нос, картинку такую сделаем, панораму, – велел Антикян.

– Сейчас попробую, – послушно сказала Лена. – Так хорошо?

– Так лучше, – сказал Антикян.

– Позавчера мне что не понравилось? – сказал Угрюмов. – Когда она меня отбрила: «Отойди, я злая», – а потом заулыбалась, это мне не понравилось. Конечно, она хорошо ко мне относится, но злость надо было в себе держать, если уж ехать на злости, а не улыбаться. А вообще это для нее характерно: она к людям, как к себе – строго, без поблажек. Не все это любят.

– Петрович, а я вчера не выдержал, сам на него сел, – сказал Антикян.

– И правильно сделал.

– В работе это иногда помогает.

– В работе все помогает, – сказал Угрюмов.

Вдруг на площадке зашарахались, заржали лошади, вздыбился вороной Агдам, сын великого Абсента. Это они испугались возникшего неизвестно откуда выводка дачного вида девиц с зонтиками от солнца.

– Лошадь почему зверь пугливый? – объяснил мне Угрюмов. – Она вообще видит плохо, а если предмет незнакомый, необычной формы, это ее в панику приводит... Мадам, будьте так любезны, уда-

литесь отсюда, пожалуйста... А знаете, мужики, чем пишущий человек отличается от читающего? (Поистине, ход мыслей Виктора Петровича Угрюмова для меня порой непостижим.) Пишущий – он знает, какое слово в какое место точно поставить, чтобы не шаталось. Видели, как в бане каменку кладут? Чувство слова – это оно и есть. Лев Толстой о Максиме Горьком говорил...

Нам не удалось выяснить, что говорил Лев Николаевич Толстой о Горьком, поскольку Анатолий Антикян выкрикнул самые точные для Лены в этот момент слова:

– Зад подведи!

– Ах, как мне надо, чтобы она хорошо проехала, – мечтательно сказал Угрюмов.

– А ты позавчера каким остался? – спросил Анатолий Антикян.

– А не знаю.

– А она? – спросил я.

– Не знаю, – сказал Антикян.

– Разве в местах дело? – спросил Угрюмов.

– Нет, слушай, Петрович, – сказал Толя Антикян. – Подходит ко мне позавчера один судья: «Мне ваша лошадь не нравится». Ну как он, слушай, мог так сказать? О Хевсуре! Взрослый человек, солидный... Кажется, соображать должен.

Лена едет к ближнему полю. Хевсур идет не в сборе, не церемониальным, а простым четвероногим шагом, кивая. В этих кивках всегда мне чудится неизбывная лошадиная грусть: что для них хорошего в

спортивной жизни, постоянно сжатой то стенками денника, то шенкелями всадника? На волю бы, на травку, в табун...

– Хороший, хороший, – Антикян любовно оглаживает его бока, достает из кармана сахар.

– Плохой, плохой, – говорит Лена с веселой нежностью.

Разминка подходит к концу. И вдруг Хевсура как-то странно перекорежило, он вкось изогнул шею, стараясь достать зубами лопатку.

– Ай! – крикнул Антикян, свирепо сверкнув сабельным взглядом абрека. – Ай, сволочь, слепень его укусил!

Подбежал к лошади, и верная Вера Макарова следом с баллончиком жидкости от оводов и слепней.

– Смотри, кровь, смотри, шишка какая вздулась! – кричал Антикян...

Петушкова на галопе вошла в манеж. Замер Хевсур. Всадница поклонилась судьям. Поворот, и вольготно стелется конь над землей на рыси, балетно оттягивая носочки.

Нет, не все ладится. Принимание сдва обозначил. Взбрыкнул на галопе.

– Слепень, точно слепень, – прошептал Витя Угрюмов.

Пошел пассаж. С чем его сравнить? С тем, как шествует церемониймейстер с жезлом? Или как солдат парадной роты направляется в караул к знамени? Отчетливо отбивается пиаффе...

Над ухом шепот Угрюмова:

– Поехал, поехал, поехал... Ох, кое-кому она сегодня нос утрет, ох, утрет же нос... Поехал, поехал...

Прибавь, прибавь. Ох, она кое-кому заявочку дает, точно, дает кое-кому заявочку... Иди, иди, иди... Нет, она мне все-таки разорвет сердце... Ну, ну, ну... Ох, ну заявочка... Слыхал?

До меня, как сквозь дрему, донеслись аплодисменты.

– Понял? – сказал Угрюмов. – До нее никому не хлопали.

Потом я скажу об этом Лене, и она со свойственной ей скромной объективностью уточнит, что-де, просто воскресенье было, публика пришла не только конная, просто окружающие жители, и хлопали ей за титулы.

Лена выезжает за трибуну. На спине ее фрака сидит огромный гнусно-серый слепень. Я его смахнул, а надо было убить мерзавца.

Вокруг Лены хор похвал, а она с седла только ресницами хлопает:

– Правда? Понравилось? Несвободен был, это чувствовалось, да? Я его пересобрала, лбом вперед шел, но это чтобы побольше в руках был – из двух зол стараешься выбрать меньшее...

Навстречу едет Виктор Петрович на свою разминку. Снимает перед Леной цилиндр.

Сидим с Леной на лавочке в проходе к манежу. Она устала, разомлела от жары, щеки рдеют. Там, на поле, рысят, галопируют, крутят вольты вороные, гисдые, рыжие, серые, буланные, караковые, здесь чинно похаживает по-летнему декольтированное общество.

– Как вчера прошла тренировка? – спросил я.

– В драке, – сказала она. – Кончилось тем, что Толик как был в костюмчике, в ботинках – сам полез в седло. Хотя за пять дней до старта тренер не имеет права садиться на лошадь. Но нам уже было нечего терять.

– Поэтому сегодня лучше получилось? – поинтересовался я.

– Наверное, по многим причинам. Хевсур чуточку привык: к обстановке, к полю. Переизбыток информации, от которого он растерялся, немного улегся по полочкам. Седло, которое Витя дал, конечно, тоже фактор. Нет одной причины – здесь, понимаешь, многофакторность.

Отъездив, прибежал Угрюмов.

– Я сейчас со знатоками разговаривал, у них единое мнение – пассажи и пиаффе хоть в учебники.

Подходят подбористые конноспортивные мужчины и дамы:

– Ну что ж, Лялочка, можно поздравить. Неплохо. Для первого раза? Неужели для первого? Тогда совсем неплохо. Очень миленькое пиаффе. Но хочется, знаешь, какой-то большей свободы в езде. Ты его подзажала.

– Спасибо, – кротко отвечала Лена, – мы еще поработаем.

– Ну да, – слышится откуда-то сбоку мрачноватое контральто. – Так я вам и дам поработать. Я две недели теперь его вам не дам, пусть отдохает.

Это Вера не выдержала, подала голос.

Я подсел к ней, спросил ее мнение о Хевсуре.

– Хачик – он очень отдатливый, – сказала она. – Очень воспитанный. Он даже если стоит целый день

в деннике без работы, в нем же силища играет, ему хочется побаловаться, а когда его выведешь, он все равно с тобой осторожный, смотрит, как бы не задеть. Похлопаешь – он утих. И еще с ним грубо нельзя, резко нельзя, он обидчивый.

По-моему, Вера ко всем ревнует Хевсура, особенно к Петушковой.

Некоторое время спустя говорю с Леной о том, что слышал утром в автобусе.

– Понимаешь... – Лена задумывается. – Понимаешь, такая постановка вопроса внешне не лишена резона. Но...

Все дальнейшие «но» позвольте перенести в наш с ней заключительный диалог. Закончу лишь тем, что в разговоре этом, как и в других разговорах в Битце, то и дело мелькали специфические слова: «пассаж», «пиаффе», «менка ног», «принимание»...

А тот, кто не знал этих слов, кротко стоял в своем деннике и ждал, пока запарится честно заработанный им овес с отрубями.

ДИАЛОГ ШЕСТОЙ,

начинающийся и заканчивающийся вопросом: «Лена, что тебе дает спорт?»

Елена Петушкова. Я в спорт пришла не ради медалей. Да, они у меня есть, я ими горжусь, я познала успех. Кажется, можно бы и уйти. Иные предпочитают уходить в зените, для них – если быть в спорте, то быть первым или... Или никаким. Но я много раз тебе повторяла: мне тоже нужна победа, только я ее по-другому понимаю. Победить обстоятельства. Нет, не только обстоятельства... Совершить нечто большее, чем то, на что способна в настоящий момент...

Помнишь мою бронзовую медаль на чемпионате мира в семидесятом году? Когда я потеряла папу, когда у меня родилась дочь Влада... Вокруг говорили: «Хватит, откаталась». А я через полтора месяца вышла на старт. Помнишь, Аргумент занял последнее место, и я тоже считала это своеобразной победой?.. Меня как спортсменку хоронили неоднократно. Мне го-

ворили: «В сборную не возвращаются». Я самолюбива, я не могу сказать, что мне приятно это слышать. Но у меня своя цель. И снова повторяю – я упрямая. Я бываю такой и тогда, когда сомневаюсь, и именно оно помогает преодолевать собственные сомнения и колебания – нерассуждающее, безрассудное упрямство. Вот взяла Хевсура. Опять у других были сомнения. «Он огромный, ей с ним не справиться». Кажется, справляюсь – разве нет?

И вообще считается, что Елена Петушкова сама лошадей готовить не может, она только всего-навсего хороший демонстратор. Такой я и была благодаря моему удивительному Григорию Терентьичу Анастасьеву. Хотя ты ведь знаешь, что с Пеплом я и сама много работала. Но вот впервые в жизни я взяла молодую лошадь и подготовила к Большому призу, практически начав с нуля. Толя Антикян не более опытен, и он с благодарностью говорит, что многому у меня учится...

Станислав Токарев. Можно задать тебе странный вопрос?

Е. П. Можно.

С.Т. Лена, в чем смысл жизни?

Е. П. Родилась, так живи.

С.Т. Пожалуйста, не уходи от вопроса.

Е. П. Ну ладно. Для одного смысла жизни – дело. Для другого – карьера. Не дело, а карьера – большая разница. Для третьего – семья, дети. Все это можно считать самовыражением. Когда человек говорит: «Я всем жертвую ради моего ребенка», он бессознательно говорит неправду. Это не жертва. Это тоже род самовыражения. Не случайно родители, не смог-

шие достичь какой-то вершины, порой стараются как бы навязать ребенку свою профессию. Свой вид спорта тоже. Если на этом пути их ждет удача, это счастье. Для них. Для ребенка, кстати, не всегда. Наверное, испокон веку человечество стремилось к тому, чтобы следующему поколению жилось лучше, и это тоже самовыражение. И порой люди, сами добившиеся в жизни многого, меньше склонны отдавать себя детям. Эгоизм ли это? Или просто они столько душевных сил отдали делу, что детям досталось меньше? Но они, как правило, могли себе позволить – именно позволить – роскошь наслаждения одной работой, потому что фундаментом ее был незаметный труд одного из членов семьи. Например, их жен. И такой труд – тоже самовыражение.

Сколько известно случаев, когда жены словно бы приносили себя в жертву мужьям – ученым, писателям, но это тоже не жертвенность!

С.Т. Приходит на ум удивительная судьба Анны Григорьевны Сниткиной, юной стенографистки, ставшей супругой Достоевского и посвятившей ему жизнь. У Евгения Евтушенко в стихах о ней сказано: «Больше российской словесности так никогда не везло». А жизненный подвиг Софьи Андреевны Толстой – недооцененный, оспариваемый, великий?..

Е. П. Иные склонны рассматривать их как мучениц. Нет, нет – все, что не связано с унижением, все, на что подвигает любовь, – это самовыражение.

С.Т. А в чем выражаешь себя ты?

Е. П. Во всем, что я делаю.

С.Т. И ты не считаешь, что жизнь тебя чем-то обделила?

Е. П. Нет. Повторяю – я выражаю себя всем, что я делаю. Преодоление моих мини... микро... бед – тоже.

С. Т. Вот тут-то читатель и усмехнется: «Что-то она темнит».

Е. П. Я не темню. Помню, в юные годы я много думала о смысле жизни – в пору перехода от идеальных представлений к реальности. Когда сталкиваешься с реалиями, от которых тебя оберегали в семье, это порой приводит к горьким разочарованиям. И человек спрашивает себя, для чего он живет. Для чего живем все мы? Чтобы есть, пить и производить себе подобных?

И надо пройти по витку спирали, чтобы вновь прийти к осознанию того, что живешь ты ради созидания духовных ценностей, духовного богатства...

С. Т. Ты сейчас идешь по витку? Или пришла?

Е. П. Я? Пришла.

С. Т. Какие же ты, спортсменка, создаешь духовные ценности?

Е. П. Я имею в виду не себя, а спорт. Человечество, мне кажется, еще не до конца осознало, а ученые, работающие в области общественных дисциплин, не сформулировали значения, масштаба этого уникального явления. Оно больше, чем зрелище, больше, чем средство укрепления здоровья, больше, чем способ познания возможностей личности. Есть ли иное, кроме Олимпиады, допустим, событие, которое так объединяет живущих на земле в общее понятие «земляне»? В этом непреходящая духовная ценность спорта.

С. Т. Я закончу тем, с чего начал. Лена, что тебе даст спорт? Тебе лично?

Е. П. А что может мне заменить удивительное ощущение полноты жизни? Могут сказать: «Многие же обходятся без этого». Но если человек родился слепым, он не знает, как прекрасно солнце, небо, зеленый листок.

Кроме того, я считаю, не все еще сделала, что могла, в большом спорте. И потом – новая лошадь... Кто откажется прожить вторую жизнь, если первая прожита хорошо?

Когда я иду с Владей в цирк... Одной мне, знаешь, может, было бы скучно, но сидишь рядом с ребенком и проникаешься его чувствами, его радостью... Так и мы, конники, – мы люди счастливые, мы все начинаем заново с нашими новыми лошадьми. Видишь, как твой четвероногий друг растет, как ему далеко до вершины... И значит, тебе до вершины еще далеко.

РАЗГОВОР ЗАКАНЧИВАЕТ ЕЛЕНА ПЕТУШКОВА

В начале своего повествования я сказала, что, покинув когда-нибудь спорт, даже близко не подойду к лошади. Но, написав все, что вы прочли, прожив еще раз мысленно свою жизнь, я прихожу к выводу, что сказанное в первых строчках вряд ли верно.

Наука и спорт – две половинки моего сердца; нельзя же разрубить его пополам и одну из них выкинуть.

Владу, мою дочь, я впервые посадила в седло, когда ей было два года.

...Мир един, и его гармония в том, что все живое – наши друзья. А лошадь – один из самых давних друзей, самых близких.

Наиболее ранние из известных археологам изображения лошади принадлежат к 3000 году до нашей эры – они обнаружены в Двуречье. А гораздо позднее попали они в Египет, в I веке до нашей эры – в Аравию.

У бедуинов есть легенда, согласно которой все арабские лошади произошли от кобылиц Магомета – Кохейлан, Сиглави, Обейан, Хадбан и Маанеги. Эти имена до сих пор сохраняются за пятью различными по экстерьеру типами арабских лошадей.

На самом деле установлено, что предками арабских лошадей была несейская порода, о происхождении которой ничего не известно. Несейские лошади пользовались большой популярностью в Персии и уже в те времена по типу разделились на лошадей для боевых колесниц – длинных, костистых, и

верховых и вьючных – маленьких, с короткой спиной. Первые стали прародителями ахалтекинской породы. Вот сколь давняя родословная у моего бедного Абакана.

Иногда в шутку говорят, что люди похожи на своих собственных собак и лошадей. Но в каждой шутке, как известно, есть доля правды. Ведь любое домашнее животное в том виде, в каком мы его знаем, творение рук человеческих. А человек стремится его создать если и не по своему образу и подобию, то, во всяком случае, в соответствии со своими потребностями, вкусами и запросами. Наверное, отчасти поэтому у разных народов сложились разные породы лошадей, в чем нашли отражение климатические условия, национальные особенности, социальные черты, эстетические взгляды людей.

Возьмем тех же ахалтекинцев и их ближайших старших родичей, арабских лошадей. Они воспитывались не в табунах, а поодиночке, так сказать поштучно. Росли в пустыне, в оазисах, где невозможно – негде! – пастись большим табуном. Кроме того, очень ценились их буквально лелеяли. Нежность их, хрупкость проявлялась и проявляется лишь в сравнительно суровом для них климате Европы. Дома же, на Востоке, они выдерживали, если надо, и голод, и жажду, отличались невероятной выносливостью.

А главное, лелея четвероногого друга, хозяин с рождения воспитывал жеребенка в своем кочевом шатре, в кругу семьи. Это сказывалось на привычках животных, на их интеллекте. Сравните собаку домашнюю с той, которая живет в будке на цепи, – конечно, первая понятливее, тоньше с точки зрения

нервных процессов, обладает многими чисто человеческими качествами.

Эти особенности находят по сию пору отражение в том, как, например, ахалтекинцы едят (я это наблюдала на примере Абакана). Лошадей других пород кормят четыре раза в день, и они все съедают сразу. Эти же – понемножку: подойдут к кормушке, пожуют, опять отходят. Дело в том, что владельцы кормили их с рук, когда сами ели: отломят лепешку, дадут... Снова отломят... Между прочим, европейская лошадь ни за что не возьмет в рот мучное, приготовленное на жи-ре, – пирожок или печенье. Ахалтекинец – сколько уютно. Опять воспоминание о прошлом – о лепешках с бараньим салом, которыми их обычно угощали.

...Я говорила о, так сказать, национальных эстетических вкусах. Но в формировании типа лошади играла роль и переменчивая капризница – мода. Та самая мода, которая влияет не только на одежду и прически, но даже на тип красоты, в том числе красото-ты женщины.

Вспомним пышнотелых рубенсовских матрон – воплощение идеала женской прелести и здоровья в те далекие времена. Тогда же были в почете столь же тяжелые и мясистые фламандские кони. Могучие рыцари – могучие лошади – могучие красавицы...

А случайно ли, что чистокровные лошади, строй-ные, изящные, высоконогие, сформировались в Анг-лии, стране тяготеющей к совсем иному женскому типу – стройному, рослому, хрупкому? И если кто-то из моих читателей подумает, что подобные сравне-ния оскорбительны для женщин, пусть не говорит об этом англичанкам – не поймут. На их родине ло-

шадей так любят, что сравнение выглядит лестным как раз для леди.

С давних пор лошадь пахала ниву, возила грузы, возила людей. Лошадь воевала, и только хорошо вы-езженному, послушному коню всадник мог доверить свою жизнь на поле боя. После изобретения огнест-рельного оружия, когда ненужными оказались тяже-лые рыцарские доспехи и мощные медлительные кони, понадобилась не только быстрая и более ма-невренная лошадь, но такая, которая могла бы на всем скаку развернуться, отпрыгнуть, встать на ды-бы, заслоняя хозяина.

А какие прекрасные страницы вписаны кавалери-ей в военную историю нашей страны!

Какой отчаянной атакой спас русскую гвардей-скую пехоту под Аустерлицем кавалергардский полк Депрерадовича, и поле боя устлано было трупами гнедых лошадей и воинов в белых колетах.

А неудержимые атаки казачьих сотен Платова в Отечественную войну 1812 года?

А всесокрушающая буденновская дава?

А исторический рейд конного корпуса Доватора по фашистским тылам в сорок первом тяжелом году?

Кавалерия как род войск больше не существует, и подкову со скрещенными саблями носят на синих погонах разве что армейские спортсмены, да те, кто снимается в кино, изображая лихих гусаров давних лет, красных конников и партизан.

На полях лошадь заменил трактор, на дорогах – автомобиль, и если она появляется на улицах боль-ших городов, на нее и смотрят-то, как некогда на са-модвижущуюся повозку.

И в тех местах, где прежде высшей гордостью джигита был чистокровный конь, ныне объект престижа – «Жигули».

Так что же, он всего лишь анахронизм, наш четвероногий товарищ? И конный спорт – анахронизм, и, может, состязаться надо лишь на мотоциклах, на разлапистых, приземистых гоночных торпедах, похожих на раздавленных лягушек? На них можно научиться и замысловатые фигуры проделывать, и даже через препятствия прыгать.

Но ведь многое в спорте, если так рассуждать, можно счесть анахроничным, нерациональным, нецелесообразным. Зачем быстро бегать, если есть двигатели внутреннего сгорания, зачем высоко прыгать, коль изобретен лифт?

Спорт как бы символ детства: ребенок бегает и прыгает, не преследуя прагматической цели, но потому, что чувствует в этом естественную потребность.

Однако что заменит нам эту потребность? Я думаю, ничто.

Как ничто не заменит общения с лошадью, грациозным и благородным существом, которое за много веков человек превратил в живой шедевр.

Больше скажу – общение с лошадью духовно обогащает нас с вами. Иногда мы невольно словно очеловечиваем ее, сообщая свои черты, свой способ мышления, свои переживания (подобный антропоморфизм весьма распространен, мы тоже отдали ему дань в этой книге), – это на пользу нам самим. Мы приучаемся к сопереживанию, к сочувствию живому, становимся душевно глубже и тоньше, мудрее, бережливее к миру, окружающему нас.

Спорт – детство человечества, но это не только и не столько символ прошлого. Это символ будущего. Это мечта о гармонии – активная, действенная мечта. Это способ познания, постижения и компас на пути в грядущее.

Последнее из высказанных мною предположений читатель волен отнести к области научной фантастики. Но хочу представить мир, над которым бесшумно парят летательные аппараты, перенося людей на дальние расстояния с той скоростью, которая им необходима. По земле же человек передвигается только в седле лошади, неторопливо, пристально и восхищенно озирая прекрасную природу прекрасной планеты.

И поднимаясь ВНОВЬ...

«Расстанусь со спортом, перестану ходить на соревнования, не подойду к лошадям», — это я когда-то утверждала. И еще: «Никогда не стану тренером». Так не случилось. Вот уж воистину «никогда на говори «никогда».

Много непредсказуемых событий произошло за эти годы. И не только со мной, а и со всей страной. Все, что раньше казалось таким незыблемым, рухнуло как карточный домик.

В результате распада СССР дала сбой налаженная десятилетиями система спортивного коннозаводства, бывшая сборная страны разделилась на несколько национальных команд. Российская выездка пережила за эти годы один из самых тяжелых этапов своей истории.

Экономика страны перестраивалась и училась жить по законам рынка. На это требовалось время и терпение. Очень важно было выдержать и не сломаться, и не всем это удалось.

Происходило то, о чем ранее и помыслить не могли: спортсмены продавали своих подготовленных лошадей. Они просто вынуждены были это делать, чтобы выжить, хоть как-то решить финансовые проблемы. Многие стали ориентироваться на коммерческую подготовку, что само по себе, наверное, и неплохо — так живет весь мир.

Но годы шли. Кончились 90-е. И выездка, как тяжело переболевший ребенок, учится ходить заново, делает все более уверенные шаги.

И очень вовремя. В России, как и во всей Европе, произошел настоящий бум выездки.

Несколько лет назад на чемпионат России мы едва могли собрать пять лошадей в программе Большого приза. А сегодня в одной лишь Москве пятнадцать — двадцать лошадей такого уровня. Но наш путь к Большому призу пять-шесть лет кропотливой работы.

У классического вида конного спорта — выездки — есть будущее. Начать жизнь заново — значит не разлюбить ее, а заново полюбить.

В России появилось много клубов, у которых в работе замечательный потенциальный материал — великолепные, подающие надежды лошади под седлом талантливых всадников. Уже сегодня они показывают хорошие результаты на российских и международных турнирах.

В мае 2000 года в Москве появился «Большой Международный Конный Клуб «ПРАДАР», клуб — один из самых молодых и, пожалуй, самый перспективный.

За очень короткое время «ПРАДАР» стал своего рода «возмутителем спокойствия» в российском конном спорте, объединив под своим знаменем ведущих всадников во главе с мастером спорта международного класса Павлом Волковым.

Я с большим удовольствием сотрудничаю с этим клубом в качестве члена Совета Директоров «ПРАДАРа» — общественного органа управления, объединившего многих известных в мировом конном спорте

специалистов: Йоханна Хиннеманна, Рут Климке, Виктора Угрюмова, Ганса Гюнтера Винклера, Юрия Ковшова, Андреаса Майер-Ландрута. Для меня поддержка этого проекта важна как для старшего тренера сборной России по выездке, так и для вице-президента Федерации конного спорта России.

В клубе «ПРАДАР» идет большая работа, и никто не уповает на счастливый случай – ведь шанс выпадает тому, кто его заслужил. Мечта – это вначале, а потом работа, тяжелая работа. Мы поднимаемся. Клуб «ПРАДАР», вся российская выездка поднимается. Удачи нам... Идет закладка фундамента, а далее – реализация планов и начинаний.

Я и раньше говорила, что главное в спорте не слава, хотя ею безусловно надо гордиться. Главное – результаты, закономерный итог работы одержимых, влюбленных в выездку профессионалов-всадников. Они подхватили эстафету у наших мастеров, и им нести знамя российского конного спорта.

Слова о жертвах, которые приносят на алтарь спортивных пьедесталов, кажущиеся в жизни пафосными и высокопарными, в спорте превращаются в повседневность, которая наполняет смыслом нашу жизнь. И еще есть цель – возродить лучшие традиции русской выездки. Я просто убеждена, что у нас все получится, не может не получиться...

Лавры достаются тому, у кого тверже характер.

СОДЕРЖАНИЕ

Когда зовут серебряные трубы	5
Рассказ начинает Елена Петушкова . . .	7

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

О тех, кто пишет, о тех, о ком пишут	34
--	----

ДИАЛОГ ВТОРОЙ

О феномене экрана и о том, заурядны ли сильные личности	75
--	----

ДИАЛОГ ТРЕТИЙ

О тренерах	114
----------------------	-----

ДИАЛОГ ЧЕТВЕРТЫЙ

О рекордах, о вершине и основании пирамиды, об истинном смысле фразы Кубертена...	160
---	-----

ДИАЛОГ ПЯТЫЙ

О женщинах и женщинах- спортсменках	200
--	-----

ДИАЛОГ ШЕСТОЙ,

начинающийся и заканчивающийся вопросом: «Лена, что тебе дает спорт?» . . .	241
И поднимаясь вновь...	252

ПУТЕШЕСТВИЕ В СЕДЛЕ

ПО МАРШРУТУ «ЖИЗНЬ»

*Елена Петушкова – легенда
и гордость конного спорта,
заслуженный мастер спорта,
чемпионка мира по выездке
в личном и командном зачете,
олимпийская чемпионка
в командном зачете,
неоднократная чемпионка СССР.*

Кандидат биологических наук.

*В настоящее время
член бюро Международной
федерации конного
спорта.*